

Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБСКИХ УГРОВ

Ханты-Мансийск
2010

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок

Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ОБСКИХ УГРОВ

Ханты-Мансийск
2010

УДК 574
ББК 20.18
Х 20

ISBN 978-5-9611-0047-1

Издание выпущено при финансовой поддержке Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Научный редактор:

А. Н. Силин, доктор социологических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы, академик Международной академии управления, заслуженный деятель науки РФ

Рецензенты:

В. М. Куриков – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, заслуженный экономист РФ

А. Д. Каксин – кандидат филологических наук

Харамзин, Т. Г., Хайруллина, Н. Г.

Х 20 Экологическое здоровье обских угров / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Ханты-Мансийск, ИИЦ ЮГУ, 2010. – 269 с.

Природа – колыбель человечества. Северянин от рождения и до кончины живёт её дарами. Природа кормит, поит, одевает, обувает, лечит, дарит ему кров, является основой материального и духовного его развития, фактором обеспечения экологического здоровья.

Для студентов высших и средних учебных заведений, изучающих вопросы охраны окружающей природной среды, широкого круга специалистов, занимающихся проблемами развития малочисленных народов Севера

УДК 574
ББК 20.18

ISBN 978-5-9611-0047-1

— 12027 —

© Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина, 2010
© Югорский государственный университет, 2010
© Оформление ООО «Доминус», 2010

Оглавление

Введение	4
Традиционное природопользование обских угров	7
1.1. Теоретические аспекты изучения традиционного природопользования обских угров	7
1.2. Современное состояние промыслового хозяйства в Ханты-Мансийском автономном округе	42
1.3. Трансформация традиционного хозяйства в условиях социальных перемен	54
Реконструкция традиционного природопользования обских угров	105
2.1. Этнокультурные условия реконструкции традиционного природопользования	105
2.2. Социально-экономические условия реконструкции традиционного природопользования	133
2.3. Реконструкция традиционного природопользования как фактор сохранения экологического здоровья населения и окружающей среды	138
Влияние демографической и социально-экономической ситуации на традиционное природопользование обских угров	156
3.1. Социально-демографическое развитие коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа	156
3.2. Социальные проблемы коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа	174
3.3. Оценка хода экономических реформ коренными жителями Ханты-Мансийского автономного округа	198
Взаимодействие традиционного природопользования и традиционной культуры	213
4.1. Взаимодействие материальной и духовной культуры аборигенных народов севера	213
4.2. Традиционное мировоззрение коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа (результаты сравнительных исследований)	227
4.3. Прогноз и тенденции этнокультурной ситуации на Тюменском Севере	244
Список литературы	261

ВВЕДЕНИЕ

Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) занимает значительную часть Западно-Сибирского территориального комплекса, где сосредоточены нефтяные, газовые, лесопромышленные и другие ресурсы страны. Интенсивное развитие добывающей промышленности, происходившее здесь в последние десятилетия, привело к стремительному росту населения, масштабным миграционным процессам, появлению больших городов, строительству многочисленных промышленных объектов, что сопровождалось обострением экологических, социальных, экономических и культурных проблем, вызванных нарушением привычного ритма жизни, существовавшего здесь веками.

Современное экологическое состояние территории Ханты-Мансийского автономного округа можно определить как критическое. Снижение добычи нефти в округе, наблюдавшееся в 1991–2002 гг., не повлекло аналогичного снижения загрязнений, поскольку предприятия сэкономили на природоохранных мероприятиях. С 2002 года в округе растет добыча нефти и по прогнозам ученых объем ее добычи к 2020 году составит 520 млн. тонн.

Воздействие хозяйственной деятельности на окружающую среду в округе определяется огромным объемом потребления природных ресурсов, значительными количествами сбросов и выбросов загрязняющих веществ. Следствием экстремально-высоких в прошедшие десятилетия темпов освоения месторождений углеводородного сырья и лесных ресурсов округа при отсутствии природоохранных мероприятий явилось резкое ухудшение экологической ситуации. Самыми распространенными негативными воздействиями на окружающую среду являются загрязнение рек, озер, болот нефтью, нефтепродуктами и другими загрязняющими веществами вследствие аварий на нефтепромыслах и трубопроводах; несанкционированные выбросы в атмосферу загрязняющих и вредных веществ; сжигание попутного нефтяного газа на 400 факелах. Строительство объектов производственной инфраструктуры при поиске, разведке и разработке месторождений углеводородного сырья приводит к со-

кращению территорий традиционного природопользования и жизненного пространства коренных народов Севера.

Под разработку месторождений резервируются и отводятся значительные площади. В целом по Ханты-Мансийскому автономному округу под лицензионные участки зарезервировано более 11 млн. га земельных участков, или 21 % от общей площади округа. Ежегодно под объекты нефтегазодобычи, транспортировки и переработки нефти и газа на территории округа отводится до 10 тыс. га земель государственного лесного фонда и земель запаса.

Добыча нефти повлекла строительство нефтепроводов, в процессе эксплуатации которых происходили порывы, сопровождавшиеся разливами значительных объемов нефти. До 1990-х гг. ликвидацией экологических последствий аварий нефтедобывающие предприятия практически не занимались. Часть нефти, разлитой в доступных местах, откачивалась, разливы нефти в непосредственной близости от промысловых объектов засыпались песком. Однако большинство нефтеразливов оставались брошенными или выжигались. За время существования нефтегазодобывающий комплекс сбросил в окружающую среду десятки миллионов тонн нефти, нанеся колоссальный ущерб природным ресурсам округа.

Нанесение нефтегазовыми ведомствами вреда окружающей среде и природным ресурсам является серьезной причиной упадка отраслей традиционного природопользования, но не единственной. Несмотря на это в округе сохраняются традиционные отрасли хозяйства народов Севера – оленеводство, рыболовство, охотничий промысел, собирательство. Они имеют важное значение в обеспечении населения мясом, рыбой, дичью. Здесь добывается более 50 % всей промысловой пушнины, заготавливаемой в России и почти столько же вылавливаемой рыбы.

Экономическое значение хозяйственных комплексов и статус коренного населения существенно понизились. Последовавшее за этим загрязнение окружающей среды повлекло за собой сокращение пастбищ для выпаса оленей и мест обитания зверей и, как следствие, уменьшение численности оленей, сокращение добычи пушнины и ценных пород рыб северных рек и озер.

Ликвидация пастбищ, охотничьих угодий, засорение и загрязнение рек и озер привели к изменению привычного образа жизни значительной части ханты и манси. За этот период в городскую местность переехала четвертая часть коренного населения. Их представители в рабочих поселках и городах пополняют в основном ряды неквалифицированных, низкооплачиваемых работников и безработных. Попав в новую социальную среду, представитель коренной национальности большей частью становится человеком, потерявшим корпоративную поддержку, ушедшим от общинного контроля, но еще не обретшим силы внутренней независимости в мотивации своих поступков, в выборе личной цели.

В связи с актуальностью проблем сохранения традиционной культуры, форм традиционного природопользования, загрязнения окружающей природной среды и ее охраны авторы подготовили данную монографию в целях повышения культурологических и экологических знаний среди широкого круга читателей и специалистов, занимающихся различными проблемами жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. Глава 2 монографии подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту «Обь» № 05-06-98003.

ГЛАВА I

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ ОБСКИХ УГРОВ

1.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ОБСКИХ УГРОВ

Проблемы выживания коренных малочисленных народов Севера, сохранения и развития традиционного образа жизни и экономики традиционного природопользования и соответствующих форм занятости этих народов в современном мире обсуждается международным сообществом более 50 лет. В нашей стране о таких проблемах ученые, специалисты и интеллигенция открыто заговорили с 1988 года. С этого момента в официальных документах и научных публикациях обсуждаются показатели систематического ухудшения демографического и социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера. За 1990-е годы уменьшились их рождаемость и средняя продолжительность жизни, выросли младенческая смертность, смертность от несчастных случаев, безработица, алкоголизм и др. Причем перечисленные показатели превышают аналогичные средние показатели по России.

Кроме перечисленных, существуют и другие проблемы, которые будут рассмотрены авторами в последующих параграфах: утрата языка, традиционных навыков, широкое распространение межэтнических браков, уменьшение числа коренных жителей Севера, занятых традиционными видами деятельности, сокращение площадей, пригодных для развития традиционного природопользования и др. Эти данные трудно учитывать и интерпретировать, поэтому разные авторы дают им различные оценки. К примеру, данные о родном языке, полученные в результате переписи 1989 г., отличаются от полученных при индивидуальном опросе (смотри ранее опубликованные материалы авторов). Наши исследования показали, что процент людей, использующих родной язык в семейно-бытовой и производственной сфе-

рах, оказывается значительно выше, чем процент «владеющих родным языком» по данным переписи. Или показатель «занятых в традиционном хозяйстве» трудно установить, так как в последние годы при уменьшении официального числа занятых в традиционном хозяйстве растет число коренного и старожильского населения, неофициально живущего за счет натурального хозяйства, что обусловлено высоким уровнем безработицы. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера сокращаются за счет прямого расширения площадей нефтедобычи, что можно определить по данным землеотвода и ухудшению экологической ситуации.

Перечисленные проблемы сводятся к двум главным:

- 1) неблагоприятные социально-экономические условия жизни коренных малочисленных народов Севера;
- 2) сокращение территорий, пригодных для развития природопользования и поддержания традиционной системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности.

Современная специфика указанных проблем заключается в том, что для коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни, в ближайшее время альтернативы нет. По мнению О. А. Мурашко, период отбора на «приверженность к традиционализму» прошел в годы, когда представителей коренных малочисленных народов Севера переселяли в «укрупненные» поселки и посылали в города учиться на льготных условиях. Островки «традиционного образа жизни» коренных малочисленных народов Севера столь малы и уязвимы, что в настоящее время находятся под угрозой исчезновения¹. В зарубежных странах неоднократно пытались «интегрировать» коренные народы в индустриальное общество, но пришли к выводу, что без нарушения прав человека массовая интеграция невозможна, а традиционная культура и образ жизни имеют свою ценность. К концу XX века стало очевидно, что современный технический прогресс, ведущий к урбанистической унификации

¹ Мурашко, О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 83–94.

и энергетическому кризису, небезопасен для человечества. Поэтому девиз «права коренных малочисленных народов Севера» играет особую роль в борьбе за сохранение биологического разнообразия в экологическом движении.

Среди ученых существуют противоположные взгляды на развитие коренных малочисленных народов Севера в условиях современного освоения северных территорий: часть точек зрения не попадала на страницы печати, большая часть ограничивалась констатацией сложившегося тяжелого социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера, другие сформировались в последние годы в ходе открытых дискуссий.

По мнению В. С. Дмитриева, выход из сложившейся ситуации возможен на основе «индустриального развития, предполагающего отказ от традиционного хозяйства и образа жизни», или «автономного развития традиционных форм хозяйства и культуры». Первый вариант – «европейская модель образа жизни» – означает для коренных малочисленных народов Севера полную утрату этнокультурной специфики и добровольную ассимиляцию. Второй путь – «автономное развитие традиционных форм хозяйства и культуры» – предполагает консервацию этнической специфики и самобытности этнических общностей.

В начале XIX в. Ф. Белявский указывал на необходимость политики консервации, изоляции аборигенов от русских жителей Севера. М. А. Кастрен отмечал пагубную роль русских в жизни аборигенов: первые закабаляют ханты и ненцев в результате неэквивалентного обмена, разлагающим образом действуют на моральные устои коренных жителей и т. д.¹. А. И. Якобий в конце XIX в. высказал мнение, что туземные инородческие племена исчезают, «угасают» при сближении с европейской цивилизацией; об этом говорят исторические документы, статистические данные, свидетельства очевидцев, исследователей и путешественников. По его мнению, христианская цивилизация есть высшее благо для людей, и в то же время совершенно ясно, что инородцы стали исчезать именно с той поры, когда к ним

¹ Кастрен, М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин земледелия и путешествий. – М., 1860. – 495 с.

пришли европейские люди с этим высшим благом под знаменем Креста, со словами религии, мира, любви и благоволения¹.

В. Г. Богораз высказал опасение, что соприкосновение отсталого населения тайги и тундры с цивилизацией вызовет губельные для него последствия, как это имело место при капитализме. В связи с этим он предложил создать своеобразные резервации, т. е. выделить в трудовое пользование народов Севера осваиваемые ими территории с запретом доступа туда переселенцев и, таким образом, обособить коренное население от воздействия соседей².

Идеи, выдвинутые В. Г. Богоразом, были отвергнуты, официальную поддержку получила точка зрения, в соответствии с которой необходимым условием существования коренных малочисленных народов Севера было взаимодействие с другими этническими общностями, а не изоляция. При этом низкий уровень их исторического развития определял необходимость обеспечения социальной государственной опеки в виде особой помощи и защиты их интересов.

Сложность существующих проблем вызвала к жизни неоднозначные оценки тех или иных процессов, различные предложения относительно перспектив развития народов Севера. В этих условиях очень важным является строго научный подход к разработке тех концептуальных идей, которые будут положены в основу управления этими процессами. Одной из существенных задач является создание предпосылок превращения коренных малочисленных народов Севера в реальных субъектов этнических отношений. Необходимо образование такого механизма, который обеспечил бы непосредственное участие самих народов в выработке, принятии и реализации решений, определяющих их настоящее и будущее развитие³.

В основе программы новосибирских ученых прослеживается «евроцентристский» подход, в котором традиционное хозяйство

¹ Якобий, А. И. Угасание инородческих племен Тобольского Севера. – СПб., 1900. – 38 с.

² Богораз, В. Г. О первобытных племенах. (Наброски к проекту организации управления туземными племенами) // Жизнь национальностей. – 1922. – № 1.

³ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.

рассматривается как нечто несовместимое со сложившимся народнохозяйственным комплексом, и перспективы жизни коренных этносов видятся авторам сквозь призму «повышения роли Северного региона в развитии производительных сил страны»¹.

По мнению И. И. Крупника, существует компромиссный вариант концепции новосибирцев², заключающийся в стимулировании традиционных отраслей хозяйствования, максимальном насыщении их современной техникой, оборудованием, то есть превращении в полупромышленные формы природопользования. Строительство гигантских изгородей и перевалочных баз со всеми удобствами, сменно-звеньевой выпас оленей и охотничий промысел – вот наиболее яркие символы такого подхода. «Новая жизнь» в тайге и тундре будет сочетаться с благоустроенным бытом в модернизированных поселках, построенных государством.

В последние годы стал очевидным поиск иного пути, способствующего созданию условий жизнедеятельности для коренного населения Севера, отвечающих как современным потребностям, так и реальным, сложившимся веками формам и способам хозяйствования. Это возможно в результате подъема традиционных отраслей и образа жизни на новый современный технико-технологический и организационный уровень с использованием сложившихся и проверенных многовековым опытом условий хозяйственной жизни: изменений в сфере воспитания и образования, культурно-досуговой, семейно-бытовой сферах с целью сохранения и развития национальной культуры, этнического самосознания.

По мнению авторов, «интегральный вариант» развития не требует искусственной консервации и насильственного ускорения их развития, поскольку и то, и другое отрицательно скажутся на этнонациональных отношениях. Такого мнения придерживаются г. А. Агранат, К. Г. Барбакова, А. В. Головнев, В. М. Ку-

¹ Концепция развития народностей Севера СССР на период 1991–2010 гг. (проект). – Новосибирск, 1988. – С. 69.

² Крупник, И. И. Основные направления этноэкологии американской Арктики. Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы идеанистики. – М.

Наука, 1988. – С. 118.

лемзин, В. М. Куриков, Н. В. Лукина, В. М. Розин, В. Н. Саготовский, А. Н. Силин, З. П. Соколова, Н. Г. Хайруллина и др.

Так, по мнению А. А. Арбатова, «все народы имеют право выбора между развитием современного образа жизни и сохранением сложившихся локальных цивилизаций; но они имеют и право и, наверное, должны жить по возможности более комфортно. Но в некоторых случаях создание таких комфортных условий может нарушить сложившиеся обычаи, культуру. Здесь необходимо найти именно ту самую меру, которая позволила бы сохранить коренные народности, их культуру, и вместе с тем, дала бы максимум благ современной цивилизации». У В. Н. Саготовского «интегральный вариант» представляет «синтез на основе глубокого уважения исторически сложившихся форм единства культуры и природы и современного образа жизни».

Авторы считают, что по отношению к традиционному укладу жизни коренных малочисленных народов Севера возможны два подхода. Первый – консервативный – состоит в сохранении традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера в естественном виде, т. е. в создании специальных для этого условий на части исконных территорий. Второй заключается в максимальном осовременивании традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера с сохранением в неизменном виде основополагающих принципов.

Первое направление специалистам видится по-разному. Наибольший интерес с точки зрения резервирования традиционных отношений природопользования представляет идея создания этноприродных парков как формы сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера и среды их обитания. В 1995 г. мы предлагали организацию в местах проживания коренных малочисленных народов Севера этноэкологических парков. Данные формы могут рассматриваться как консервация в виде одного из укладов среди множества существующих, но не как форма эволюции коренных народов.

Уральские ученые рассматривают этноприродный парк как наиболее прогрессивную форму национально-территориальной автономии. Они считают, что на основе ее развития в исторически обозримом будущем можно выйти на качественно иную модель организации мест проживания и традиционной хозяйствен-

ной деятельности коренных малочисленных народов Севера – административно-корпоративное образование как основу более высокой, нежели существующая, формы государственности с устойчивым развитием. Они предлагают следующее определение данного образования: «Этноприродные парки являются новой организационно-правовой формой особо охраняемых территорий и образуются с целью сохранения природной среды, развития традиционного сектора хозяйства как экономической и социально-культурной базы развития коренных малочисленных народов».

Основой для развития коренных малочисленных народов Севера может являться второе направление, которое предполагает многослойность этнического образования и представляет собой переплетение ряда укладов в органическом единстве. Главным условием его успешного развития может быть только полное материальное самообеспечение коренных малочисленных народов Севера.

Этноэкологический парк является этнокультурной формой организации жизни и хозяйства семей коренных малочисленных народов Севера путем совмещения индустриальных элементов развития с точки зрения «традиционного» на конкретной территории. На необходимость создания этноэкологических парков мы указывали в середине 90-х годов.

Этноэкологический парк не является резервацией и образование в этноэкологическом парке не должно быть направлено только на то, чтобы дети оставались там и вели традиционный образ жизни и хозяйственную деятельность. Этноэкологический парк должен быть центром, который является источником распространения инноваций в культурной и хозяйственной сферах деятельности.

Важной частью этноэкологического парка должны стать инновационные площадки в районах проживания коренных малочисленных народов. Для этого нужно создавать школы для изучения культурно-антропологических особенностей коренных малочисленных народов Севера и для переобучения преподавателей на базе существующего природного парка «Нумто». Фактически нужен пединститут, готовящий кадры для образования коренных малочисленных народов Севера. При этом необходи-

мо строительство школ с полным набором того, что нужно для ведения традиционных и новых видов хозяйства.

Коренные малочисленные народы Севера выработали в течение своей истории определенные нормы, способы и формы жизнедеятельности в экстремальных природных условиях. Задача этноэкологических парков состоит в том, чтобы выявить этнокультурные основания форм и способов жизнедеятельности, описать их технологию и производить коррекцию индустриальных элементов развития с точки зрения «традиционного» на данной территории. Между тем существование в одной стране индустриального общества и традиционного – это проблема не только современной России, но и мира в целом.

Важнейшим индикатором, отражающим национальное самоопределение коренных малочисленных народов Севера, является оценка путей их дальнейшего развития. Из анкетного опроса, проведенного в середине 1993 года, выяснилось, что треть опрошенных хотели бы, чтобы их дети жили на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом пользовались бы всеми благами цивилизации (сторонники «интегрального» варианта). Половина респондентов считают, что коренные малочисленные народы Севера должны жить как население других национальностей, находящихся в округе (сторонники «европейской» модели); и лишь 14 % северян полностью отвергают чуждую им цивилизацию и выбирают образ жизни предков без всякого вмешательства и изменений (сторонники «автономного» развития). Аналогичные данные были получены и в середине 1995 года, но отношение респондентов к своей судьбе, начиная с 1997 года меняется. Как видим, в 2004 г. (табл.1.1) число респондентов, выбирающих автономный вариант развития, выросло в 2,5 раза. Одновременно уменьшилось число респондентов, выражающих желание жить как население других национальностей, проживающих в округе. Число респондентов, выбирающих европейский образ жизни, уменьшилось на 17,3 %.

Таким образом, за исследуемый период (1993–2005 гг.) произошли определенные изменения в национальном самосознании коренного населения округа.

Кроме того, с 1993 года увеличилось число сторонников европейского образа жизни.

Таблица 1.1

Динамика оценки вариантов развития коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа, в процентах к общему числу ответивших

Варианты развития	Сельское население					Городское население
	Годы					
	1993	1995	1997	1999	2004	1999 год
Автономный	14,0	14,0	8,0	8,4	20,2	3,5
Интегральный	33,0	34,0	21,0	16,0	21,5	28,1
Европейский	53,0	52,0	71,9	75,6	58,3	68,4

За последние годы приверженность традиционному образу жизни выражает значительно большая часть респондентов (в 1993–1995 гг. – 14 %, в 1997 г. – 8 %, в 1999 г. – 8,4 %, в 2004 г. – 20,2 %). Уменьшилась доля респондентов, отрицающих приоритетность национального самосознания (в 1993–1995 гг. – 52,0 %; в 1997 г. – 71,9 %; 1999 г. – 75,6 %; 2004 г. – 58,3 %), и в национально-культурном отношении она может представлять собой группу этнических маргиналов. Соответственно увеличилась доля респондентов – сторонников «интегрального» варианта развития с 16 % в 1999 г. до 21,5 % в 2004 г.

Интересно распределение ответов на этот вопрос в зависимости от социально-профессиональной принадлежности респондентов (табл. 1.2).

Таблица 1.2

Анализ выбора варианта развития респондентами ХМАО в зависимости от социально-профессиональной принадлежности, в процентах к общему числу ответивших

Социально-профессиональная принадлежность	Вариант развития		
	интегральный	европейский	автономный
Традиционные виды деятельности	70,3	12,3	17,4
Здравоохранение	75,6	22,2	2,2
Образование	100,0	0	0
Культура	83,3	16,7	0
Органы власти	66,7	33,3	0
Социальная сфера	82,1	10,3	7,6

Транспорт	71,4	28,6	0
Строительство	57,1	14,3	28,6
Коммерческие структуры	25,0	50,0	25,0
Безработные	72,8	16,2	11,0

Приведем мнения участников экспертного опроса, проведенного в начале 1998 г. доктором социологических наук, профессором Н. Г. Хайруллиной. Большинство экспертов (89,0 %) высказали мнение, что коренные малочисленные народы Севера должны жить на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом пользуясь всеми благами цивилизации – они частично механизировали свой труд, их продукция приобретает товарный характер, они используют городские бытовые услуги; фактически так живет 21 % населения. Данная категория коренного населения самостоятельно выбирает удобные для себя способы включения в современную жизнь, что позволяет им безболезненно развиваться, не теряя при этом культурной идентичности. Только семь процентов экспертов предлагают жить как население других национальностей, а так живет, как отмечалось выше, большинство – 71 %. Это респонденты, которые вполне освоили городской образ современной жизни, приобрели современные профессии; их связь с традиционной средой предков ослаблена или уже отсутствует. За автономное существование высказались четыре эксперта, а фактически придерживаются традиционного образа жизни восемь процентов ханты и манси округа¹.

Такие значительные расхождения в оценках путей дальнейшего развития коренного населения еще раз подтверждают вывод авторов о необратимом влиянии промышленной культуры на самосознание обско-угорских народов.

Другой вариант развития коренных малочисленных народов предлагает О. А. Мурашко – концепцию создания этноэкологических рефугиумов (убежищ). Основа *этно* употребляется автором в приведенном словообразовании в значении *локальные адаптивные варианты культуры жизнеобеспечения челове-*

¹ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.

ских популяций в ходе культурной эволюции; экологический – в значении среда обитания, рефугиум – убежище.

К этноэкологическому наследию рефугиумов относятся: сама территория традиционного расселения и хозяйственной деятельности с флорой и фауной, обеспечивающей развитие традиционных видов природопользования, – «исконная среда обитания»; свидетельства хозяйственной освоенности территории с естественно сложившимися границами, системой пространственного и сезонного расселения населения, промысловых угодий, маршрутов кочевок, domestцированных популяций животных, сочетания разнообразных способов хозяйственного освоения различных участков ландшафта и природно-климатических зон; соционормативные институты и народные знания, обеспечивающие долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации, – язык, мировоззрение, фольклор, организационная структура социальных и хозяйственных коллективов, система воспитания, системы запретов, временных изъятий из хозяйственного оборота участков территории в виде сакральных зон, локальные промысловые календари, знание съедобных, лекарственных и промысловых растений и минералов, способы лова, добычи, сбора растений и обработки продукции, домашние ремесла¹.

Отмеченный комплекс объектов природного и культурного наследия не охраняется в нашей стране ни одним из действующих законов. Между тем он является общенародным и общечеловеческим культурным и природным достоянием, которое обеспечивает культурно-адаптивную и экологическую безопасность.

По мнению О. А. Мурашко, этноэкологические рефугиумы, границы которых не изменяются путем соглашения частных лиц, должны иметь статус охраняемых природных территорий с особым режимом охраны природы, где реализуется традиционное природопользование на основе нормативов, разработанных организациями, осуществляющими демоэкологический мониторинг совместно с населением территории. Любая другая дея-

¹ Мурашко, О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 88.

тельность, не относящаяся к традиционным формам природопользования, на территории этноэкологического рефугиума запрещается или сводится к минимуму.

Эти положения означают, что эксплуатация возобновляемых ресурсов на данной территории может быть предоставлена лишь ограниченному кругу лиц. При его определении целесообразно учитывать этническую принадлежность и время проживания в данной местности, практический опыт в традиционных видах деятельности, а также традиционные навыки и умения, которыми владеет соискатель.

При разработке закона, создающего условия для развития традиционной культуры жизнеобеспечения и сохранения среды обитания коренного и старожильческого населения, возникнут сложности следующего характера. Во-первых, представление о традиционном образе жизни коренных малочисленных народов Севера как об архаической застывшей форме натурального хозяйства.

Реальные территории традиционного природопользования для коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности, во многих местах доведены до минимума – посёлок и его ближайшие окрестности. На территориях, где промышленные разработки не ведутся, промысловые угодья используют новые арендаторы, которые часто не проживают в этих местах. Они занимаются речным ловом рыбы, охотой, оленеводством и экологическим туризмом, не выплачивая при этом никаких компенсаций коренному населению, поскольку это законодательством не предусмотрено. Правом сдачи угодий в аренду и получением за них компенсаций обладают местные органы власти.

При отсутствии государственного финансирования программ поддержки коренных малочисленных народов Севера традиционные ресурсы являются источником не только пропитания, но и всей системы жизнеобеспечения. Для этого территории традиционного природопользования должны отводиться в размерах обеспечивающих устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия¹.

¹ Мурашко, О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 89.

Во-вторых, представление о формах самоорганизации и самоуправления на территориях традиционного природопользования. В последнее время ученые, в частности А. И. Пика, акцентируют внимание на особенностях современного состояния образа жизни и природопользования. Эти разработки легли в основу концепции «неотрадиционализма», а именно «права в обмен на территории»: коренные малочисленные народы Севера России должны получить от государства финансовую поддержку и часть территорий традиционного расселения в свое управление в обмен на отказ от претензий на остальную часть своей исторической территории¹.

А. Н. Ямсков сделал попытку определения традиционного природопользования как «традиционного сектора экономики (народов Севера)», предложив определять «традиционность» через такие критерии, как «сохранение преемственности в использовании территорий и акваторий... преемственности в видах трудовой деятельности...», неизменность «типа получаемой для потребления или продажи продукции».

В законодательстве необходимо учитывать исторический опыт взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с природной средой, новые институты их этнического самоуправления (ассоциации, общины), новые экономические и технологические идеи и современные экологические требования. Необходимо создать условия для таких способов взаимодействия с окружающей средой, которые обеспечивают сохранение основных принципов традиционного природопользования: всеобщую занятость членов конкретной общности и использование возобновляемых природных ресурсов без подрыва их способности к устойчивому воспроизводству.

Идеи создания этноэкологических парков, этноэкологических территорий, или резервантов, высказываются российскими учеными, но понятийный аппарат для характеристики таких объектов, пригодный для использования в российском законодательстве, не разработан.

¹ Пика, А. И. Малые народы Севера: из первобытного коммунизма в «реальный социализм» // В человеческом измерении. – М.: Прогресс, 1989. – 320 с.

С учетом сказанного, перечислим понятия и термины, предложенные О. А. Мурашко и Л. С. Богословской, наиболее полно характеризующие и раскрывающие, на взгляд автора, сущность исследуемых задач.

Исконная среда обитания определяется через понятия *территории традиционного расселения и хозяйственной деятельности* – исторически сложившиеся и законодательно закрепленные предшествующим Российским законодательством за коренными народами Севера и Сибири территории, в состав которых входят земли, внутренние воды и морские пространства, на которых указанные народы ведут или вели традиционный образ жизни, основанный на историческом, культурном и экологическом опыте и традициях их предков.

Территории традиционного природопользования – части территорий традиционного расселения и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и этнических общностей определяемые по соглашению федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и Ассоциаций коренных малочисленных народов Севера в размерах, достаточных для обеспечения традиционного образа жизни указанных общностей, а также сохранения культурного наследия и качества окружающей природной среды на уровне, определяемом соответствующими законами.

Территории традиционного природопользования включают свой состав промысловые угодья, оленьи пастбища, резервные и рекреационные территории, необходимые для поддержания генетического фонда объектов растительного и животного мира (нерестилища, запуски, пастбища и др.) и традиционного образа жизни.

Границы территорий традиционного природопользования как целостных природно-культурных комплексов, являющихся «основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», обеспечивающих устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия, представляющих собой разновидность охраняемых территорий, не могут быть изменены путем соглашения частных лиц.

Традиционный образ жизни – культурная адаптация к специфическим природным, географическим и историческим условиям коренных и местных общин, основанная на историческом

опыте предшествующих поколений, нововведениях и практике в области природопользования, социальной организации, системы расселения, обычаях и традиционном мировоззрении. Кроме того, рассмотренное понятие включает следующие определения:

традиционное природопользование (хозяйствование) коренных малочисленных народов и этнических общностей Севера Сибири – исторически сложившиеся способы использования природных ресурсов и формы хозяйственной деятельности коренных народов и этнических общностей Севера, связанные с оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом, мясной и пушной охотой, собирательством дикорастущих растений, огородничеством, добычей некоторых видов минеральных ресурсов, связанных с развитием домашних ремесел, обеспечивающие пользование возобновляемыми природными ресурсами без подрыва их способности к устойчивому воспроизводству;

традиционная система жизнеобеспечения включает сами территории с биологическими и другими традиционными ресурсами, соционормативные институты, обеспечивающие долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации (язык, фольклор, мировоззрение, организационная структура социальных и хозяйственных коллективов, система сезонного и пространственного расположения стационарных и промысловых поселений, стойбищ, маршрутов кочевков, промысловых угодий, пастбищ, сакральных (священных) территорий, изъятых из хозяйственного оборота, популяции одомашненных животных и способы их содержания, транспортные средства, промысловые запреты, способы лова, добычи, сбора растений и обработки продукции, знание съедобных, лекарственных и промысловых растений и минералов, навыки в изготовлении орудий труда и предметов домашнего обихода, воспитание детей)¹.

В 1989 году Международной организацией труда (МОТ) при участии Комитета по экономическому и социальному развитию ООН была принята Международная конвенция «О коренных

¹ Мурашко, О.А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5.

народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». На международных форумах и конференциях представители коренных народов, в том числе коренные малочисленные народы Севера России, заявляют, что самое важное для них – законодательное закрепление права на сохранение доступа к традиционным ресурсам.

Причиной торможения законодательного процесса и ратификации вышеназванной Конвенции является попытка внедрения в правовую систему особых норм и прав, бенефициарии которых избираются по этническому признаку. Положение усугубляется некоторой расплывчатостью формулировок конвенции при определении субъекта права «коренных и ведущих племенной образ жизни народов» (ст. 1) и основного субъекта пользования (ст. 14): за соответствующими народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают.

Определить субъекты права в национальном законодательстве в соответствии с конвенцией каждой стране-участнице предоставляется самой. В России пошли по пути создания особого правового статуса коренных малочисленных народов и территорий их традиционного природопользования, что привело в свою очередь к новым проблемам: определению списка коренных малочисленных народов и границ территорий традиционного природопользования. Составить список коренных народов, подпадающих под действие указанной конвенции, оказалось сложно поскольку у коренных малочисленных народов Севера процесс этнической идентификации носит ситуативный характер (территориальная подразделенность, различная степень интегрированности в современное общество, политическая ситуация и др.).

О. А. Мурашко отмечает, что особо сложно это сделать в нашей стране, где в 1920-е годы произошел научный и административный пересмотр дореволюционных этнических названий народов; где этническая идентификация фиксируется в документах, удостоверяющих личность; где при широком обсуждении возможности получения этнических прав многие потомки коренных малочисленных народов смешанного происхождения, некогда зафиксировавшие свою принадлежность к доминирующему этносу, в настоящее время стремятся документально вос-

становить свою принадлежность к малочисленным народам, используя то старые, то новые названия¹.

Так, С. В. Соколовский рассматривает типологию понятия «коренной народ» в российском законодательстве, а Н. Г. Хайруллина анализирует те группы коренного населения, в отношении которых сложился особый набор законодательных международных и государственных актов. Современные трактовки понятия «аборигенные народы Севера» в законодательстве, социальных науках и политической практике влияют на представления, истоки которых – в истории государства и общества, поэтому она анализирует некоторые ассоциированные с этим понятием и замещающие его в другие исторические эпохи термины и понятия, например «туземцы», «инородцы», «иноверцы», «ясачные» и др., а также широкий спектр современных понятий – коренные малочисленные народы, малочисленные этнические общности, этнические меньшинства, народы Севера, коренные этносы, автохтонные народы, этнические сообщества, сообщества малочисленных народов, северные этносы и т. д.².

Вторая проблема, возникшая у законодателей, – определение границ территорий, которые коренные малочисленные народы традиционно занимают. Но определить бесконфликтно границы территорий традиционного расселения коренных малочисленных народов невозможно. В связи с этим О. А. Мурашко выделил три причины, не позволяющие определить границы территорий. Во-первых, некоторые народы ведут кочевой или полукочевой образ жизни и в настоящее время расселены далеко даже от тех территорий, где они были зафиксированы 200 лет назад. Во-вторых, многие народы проживают чересполосно, занимая на одних и тех же территориях различные природохозяйственные зоны; так, оседлые рыбаки живут в бассейнах рек, а по водоразделам этих же рек кочуют оленеводы. В-третьих, современное расселение коренных народов является в немалой

¹ Там же, С. 84.

² Соколовский, С. В. Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 3. – С. 74–89.; Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.

степени и результатом насильственных перемещений этих народов, а их традиционные территории заняты другими.

Рассматривая различные дефиниции понятия «коренные малочисленные народы Севера», можно заметить, что основополагающим признаком выделения является сохранение традиционной системы их жизнеобеспечения, благодаря ведению оленеводства и промыслового хозяйства (охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, сбор дикорастущих растений).

Н. Г. Хайруллина предприняла попытку определить этнические признаки для выделения тех, кто является аборигеном Тюменского Севера, на основе мнений и суждений экспертов. Для этого автор предложила участникам экспертного опроса список из двенадцати этнических признаков: малая численность; особый характер традиционных занятий – оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел; специфика хозяйственной деятельности, образа жизни и культуры; сознание своего единства и отличие от других подобных образований (самосознание); особое самоназвание; общий язык; общность истории; общность традиций; общность религии; общность ценностей; общность социально-психологического склада; общность территории.

Основополагающим признаком, по мнению большинства экспертов, является *особый характер традиционных занятий* – 87,1 %.

Далее приведу наиболее часто отмеченные признаки в порядке убывания их значимости: специфика хозяйственной деятельности, образа жизни и культуры – 64,3 %; общий язык – 57,1 %; общность религии – 44,3 %; особое самоназвание – 34,3 %; сознание своего единства и отличие от других подобных образований (самосознание) – 24,3 %.

Такие признаки, как малая численность, общность истории, традиций, ценностей, социально-психологический склад и общность территории, были отмечены незначительной (менее 10 %) частью экспертов¹.

¹ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.

Задачей концепции развития коренных малочисленных народов Севера является обоснование необходимости переноса акцентов в работе над законодательством о правах данных народов с проблем национально-политических на проблемы сохранения культурного и природного наследия территорий расселения их потомков, сохранивших традиционный образ жизни и традиционные формы хозяйствования.

Представители коренных малочисленных народов Севера, уже вписавшиеся в современное индустриальное общество, для охраны своих этнических и гражданских прав нуждаются в других законах: в правах на свободу этнической идентификации, использования родного языка, развития национальной культуры, создания объединений по национальному признаку, развития национальных институтов самоуправления.

Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера можно разделить на две части: 1) статус коренных малочисленных народов Севера, гарантирующий им равные права на сохранение и развитие национальной культуры; 2) сохранение природной среды его обеспечивающей и традиционного природопользования.

Так, в «Конвенции о биологическом разнообразии» была введена ст. 8 «j» – о сохранении традиционных форм природопользования коренных народов как части стратегии сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия. В «Севильской стратегии для биосферных резерватов» подчеркивается необходимость поддержания тесной взаимосвязи между культурным разнообразием и биологическим разнообразием... сохранения традиционного знания и генетических ресурсов».

Самая ранняя, известная науке, территория предков ханты и манси находилась в лесостепи Западной Сибири. Это было в четвертом тысячелетии до нашей эры. Тогда предки всех ныне родственных ханты и манси народов не были разобщены, они составляли так называемую прафинно-угорскую общность. Все племенные объединения занимались охотой и рыболовством и, кроме собаки, не знали никаких домашних животных. Однако южная часть этих племен находилась в соседстве и даже в определенных связях с ираноязычными скотоводческими племенами. Они разводили лошадей, коров, овец и, кроме того, занима-

лись земледелием. В степях и лесостепях Казахстана и юга Западной Сибири предки угров создали особую форму коневодства, сочетая его с охотой, — это были конные охотники.

В конце второго тысячелетия в связи с потеплением граница скотоводства отодвинулась к северу и дошла до Среднего Иртыша, а в середине первого тысячелетия угорская общность распалась. Предки венгров ушли на запад, а ханты и манси — в районы Нижней Оби. В пятом веке правенгры попадают в южнорусские степи, а затем на территорию современной Венгрии.

В условиях Севера другой группе угров пришлось сменить кнут на охотничий лук. Они смешались с местным населением, которое издревле здесь занималось охотой и рыболовством, поэтому в археологических культурах на территории ханты и манси отчетливо представлены два разных пласта: степной и таежный. Самая типичная из этих культур — усть-полуйская, относящаяся к последним векам нашей эры. Похожие культуры открыты археологами и в Среднем Прииртышье.

В 1921 г. в резолюциях съезда РКП (б) были изложены установки для практических действий в сфере формирования национальных отношений в районах проживания коренных малочисленных народов Севера. Так, в резолюции «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» приводится деление национальных районов по уровню общественного развития:

- 1) районы, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма;
- 2) районы, не успевшие пройти капиталистическое развитие и сохранившие патриархально-родовой строй;
- 3) районы, недалеко ушедшие от полупатриархально-феодалного строя.

Экономические решения этого периода предполагали разноеобразие социально-экономических условий жизнедеятельности отдельных народов: «Следующим шагом должна быть экономическая организация местной бедноты смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом местных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким — от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, — к артельной работе на Советское государство... от кустарно-артельного производ-

ства — к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия — к полной общественной обработке земли... решительно нужно предостеречь против слепого подражания образцам центральной России. ...Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России, годных лишь для более высокой ступени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто»¹.

После XII съезда КПСС были приняты следующие практические меры²:

- а) урегулирование, а где потребуется — прекращение переселения;
- б) возможное обеспечение земель местного трудового населения за счет государственного земельного фонда;
- в) доступный сельскохозяйственный кредит местному населению;
- г) усиление ирригационных работ;
- д) всемерная помощь кооперации, в частности, промысловой;
- е) создание ремесленных и технических школ для местного населения;
- ж) создание сельскохозяйственных курсов для местного населения».

По мнению автора, перечисленные меры не утратили актуальность и сегодня.

Следует отметить, что в 20-е годы наблюдалось бережное отношение к национальным традициям и формам хозяйствования. Многие исследователи отмечали необходимость осторожного внедрения новых производственных форм в традиционный уклад жизни северных народов.

Государство беспокоило защита коренного населения, но опасность возможных последствий вмешательства в легко раннимое жизнеустройство аборигенов не осознавалась. В докладе специалиста по проблемам региона В. Г. Богораза на заседании Наркомнаца в 1926 г. было высказано опасение, что соприкосновение обитателей тайги и тундры с цивилизацией вызовет ги-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. — М.: Политиздат. — Т. 4. — С. 560–561.

² Там же, С. 714.

бельные для них последствия, но призыв создать резервации как способ выживания оных не встретил поддержки¹.

В 1930-х годах экономическая политика государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера резко изменилась. Вместо постепенных экономических преобразований началось искусственное, насильственное установление новых форм хозяйствования. Таким образом, приоритеты экономической политики были отданы ускоренному развитию производительных сил. Данная установка стала на долгие годы основой хозяйственной практики в северных регионах.

В соответствие с этим, новые экономические уклады принудительно внедрялись в соответствующие формы жизнедеятельности коренного населения. В этот период началось уничтожение кулачества как класса, подвергались насильственной коллективизации все мелкие товаропроизводители северных регионов; преследовалось индивидуальное предпринимательство. Затем было проведено всеохватывающее огосударствление земли и основных средств производства, централизованно регулировались процессы производства, распределения, обмена и потребления.

В 1970-х годах произошла очередная смена курса национальной политики в связи с обнаружением в регионе богатых месторождений углеводородного сырья. Началось интенсивное освоение Ханты-Мансийского автономного округа, сопровождавшееся вытеснением коренных малочисленных народов Севера с традиционных мест проживания. Для этого принимались соответствующие документы, например, Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 16 марта 1953 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», формально призванное защищать права и интересы коренных малочисленных народов Севера.

В конце XX века произошла смена акцентов в отношении коренным малочисленным народам Севера, на которых автор более подробно остановится в последующих главах диссертации.

¹ Богораз, В. Г. О первобытных племенах. (Наброски к проекту организации управления туземными племенами) // Жизнь национальностей. – 1922. – № 1. – С. 15.

В традиционное природопользование стали внедряться рыночные формы традиционного природопользования. По всем ключевым позициям, определяющим суть экономической системы, они имеют принципиальные отличия.

Начнем с отношений собственности. В основе товарного производства обязательно лежит частная собственность в различных ее разновидностях. Традиционное хозяйство базируется на собственности общей с неразделенными правомочиями. Права собственности в патриархальном обществе в экономическом смысле еще не сформировались, а потому нет механизмов их распределения и перераспределения. Отсюда возникают у всех членов общества одинаковые права на условия жизни, труд и его результаты.

В области отношений между малочисленными народами и обществом, частью которого они являются, как нигде актуально четкое размежевание юридических и экономических отношений собственности. Дело в том, что неразвитость прав собственности в рамках уклада северных народов, что является характеристикой экономической стороны процесса, не избавит малые народы от необходимости вступать в юридические отношения с представителями иных укладов, которые могут и должны базироваться на других отличных от экономических принципах, поскольку в противном случае они окажутся беззащитными в отстаивании прав на свой специфический образ существования.

Не вступая между собой в экономические отношения распределения и перераспределения присвоенного продукта, ханты и манси вынуждены вступать в отношения с господствующими сейчас экономическими укладами по поводу главного для них средства производства – земли (в широком смысле этого слова – пастбища, леса, водоемы). Если бы постоянно не возникали противоречия между малочисленными народами Севера, занимающими в ходе своей жизнедеятельности обширные территории, и другими хозяйствующими субъектами, претендующими на промышленную разработку находящихся в недрах этих территорий полезных ископаемых, то и поднимать вопрос о форме собственности на землю с точки зрения интересов коренных народов было бы бессмысленно, поскольку их вполне устраивали испокон веков сложившиеся устои. Их никогда не интересовало пол-

ное право собственности. Вполне достаточно было иметь право пользования и владения, причем в их неразрывном единстве. Необходимость в праве распоряжения объективно не возникала. Земли, на которых проживали коренные северные народы, ни когда не были объектом частной собственности.

С точки зрения сохранения уклада нет никакой необходимости трансформации экономических отношений собственности. Но с точки зрения защиты от неблагоприятного внешнего воздействия должны быть юридические гарантии условий существования этноса.

За время перестройки наше общество пришло к пониманию бесперспективности существующей социально-экономической системы и осознало необходимость перехода к рыночным отношениям. В общественном сознании различных слоев населения стала утверждаться мысль, что в условиях роста центробежных сил и сепаратистских настроений, разделяющих республики и регионы, отрасли и предприятия, единственно возможным объединителем может стать рынок, поскольку он способен интегрировать интересы всех социальных слоев населения, различных регионов, отраслей и предприятий.

Сложное взаимопереплетение факторов (нарастающее разочарование в перестройке в массовом сознании, безрезультативность перестройки в экономической и социальной сферах, нарастание пессимизма и тревоги за завтрашний день и др.) порождает противоречивое отношение населения к перспективе перехода к рыночным отношениям, с одной стороны, ожидания рынка, реформы денег и роста цен при полной разбалансированности снабжения населения продовольственными и промышленными товарами первой необходимости повергло многих в паническое настроение. С другой стороны, люди начинают все более отчетливо понимать, что в условиях всеобщего развала только переход к рыночным отношениям может вывести страну из социально-экономического тупика. Так, процесс рыночных преобразований в Ханты-Мансийском автономном округе позитивно оценивают наиболее продвинутые в социальном отношении социальные слои горожан, занятые в сфере образования, культуры, обслуживания и органах власти. Значительно более

негативно о процессах рыночных преобразований высказываются респонденты, занятые в сельском хозяйстве и безработные.

Чем более остро обсуждаются в нашем обществе проблемы перехода к рыночным отношениям, тем отчетливее проявляется различие в подходах к данным проблемам лиц, которые занимаются теоретическим осмыслением особенностей переходного периода, и рядовых граждан. Ученые обсуждают то, каким должен быть рынок – регулируемым, социально ориентированным, свободным или другим, а простой человек думает, что даст этот рынок стране, его семье и что получит от него он лично?

Функционирование рыночной экономики основывается на соблюдении хозяйствующими субъектами определенной системы ценностей, которая формируется под влиянием соответствующих историко-культурных традиций. Между тем при постановке задачи возрождения рынка мало внимания уделяется проблеме формирования рыночного менталитета и корпуса грамотных и творческих менеджеров и предпринимателей – локомотива, который способен вывезти гигантский, тяжелый и неповоротливый поезд отечественного хозяйства из глубокого кризиса, приведшего страну на грань катастрофы¹. М. Гельвановский и А. Крюкова считают, что рыночный менталитет вовсе не означает абсолютного экономизма мышления... Рыночные экономические отношения между людьми – лишь часть общей совокупности этических норм, лежащих в основе социального бытия². С одной стороны, теоретики буржуазной политэкономии отмечали, что экономика, как наука о рациональном и эффективном хозяйстве, имеет дело в основном с так называемым «экономическим человеком», оценивающим любую хозяйственную ситуацию исключительно с экономических позиций. В реальной же жизни обычно человек – существо, плохо предсказуемое, его поведение далеко не всегда рационально не только с экономической точки зрения, но и с позиций «здорового смысла» и ждать от него рациональных экономических решений – дело безнадеж-

¹ Гельвановский, М., Рынок: формула счастья или трудный путь к согласию? / М. Гельвановский, А. Крюкова // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 2. – С. 14.

² Там же, С. 15.

ное. С другой стороны, марксизм-ленинизм сформировал в нашем обществе своего рода специфическое экономическое мышление, подчиненное решению задач эффективного общественного производства. В ходе бесконечной погони за «валом», за валютой, за прибылью под воздействием носителей нерыночного, но в то же время экономизированного менталитета была доведена до катастрофического состояния природа. Таким образом, формирование рыночного менталитета вовсе не означает только приобретение экономизма мышления, а представляет собой более сложный процесс обретения здравого смысла, в котором хозяйство прежде всего очеловечивается.

М. Гельвановский и А. Крюкова указывают, что нынешние зрелые формы рыночной экономики корнями уходят в протестантскую этику, основанную на религиозной аскезе¹. М. Вебер подчеркивал, что по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, связанного техническими экономическими предпосылками механического и машинного производства, который в наше время подвергает неодолимом принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль².

Переход к рынку требует создания новой философии хозяйства или заимствования ее извне. Причем каждая страна должна решить эту фундаментальную проблему сообразно ее историческому опыту. По мнению А. М. Борисова, важно помнить, что пренебрежение глубинными традициями, лежащими в народном сознании, рано или поздно неизбежно приведет к обнажению главного противоречия между материей рыночной стихии и идеей национального духа и, следовательно, к очередному фиаско, сокрушающему все надуманные чужеродные схемы³.

¹ Там же.

² Вебер, М. Избранное. / М. Вебер //: Образ общества ; пер. с нем. – М. : Юрист, 1994. – С. 206.

³ Борисов, М. Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки). – Рыбинск: РГТА, 1995. – 165 с.

Концепция программы выживания, возрождения коренных малочисленных народов Севера должна учитывать современную действительность России, тенденции ее развития, поскольку любой социальный процесс происходит в определенной исторической среде. В сегодняшней России она характеризуется переходом к рыночным отношениям. Рынок – это высший этап развития товарно-денежных отношений, когда товаром становятся не только предметы потребления, услуги и средства производства, но и рабочая сила. Для рыночного общества характерны рынок товаров, рынок капитала и рынок труда, которого в России, даже в европейской части, еще не было. В истории России имели место три основные попытки перехода к рынку. Первая связана с отменой крепостного права в 1861 г., которая создала социальные условия для зачатков промышленного развития и товарных отношений в деревне. Вторая попытка – это столыпинская реформа, которая, несомненно, увеличила товарность продукции сельского хозяйства России. Следует отметить, что эти реформы не привели к полной смене господствующего в стране феодального способа производства. Появившиеся капиталистические производственные отношения даже в европейской части страны носили очагообразный характер, и положение рабочих в промышленных городах России по своему содержанию (уровень эксплуатации, отсутствие многих прав, связанных со свободой человека и т. п.) было ближе к подневольному труду. Третья попытка перехода от докапиталистических отношений к буржуазному способу производства была предпринята в первой половине двадцатых годов XX столетия. Тогда для российского общества были два пути дальнейшего развития: либо развитие капитализма с включением в него элементов социализма (ленинская политика нэпа), либо сохранение господствующего способа производства при смене идеологических концепций и политических лозунгов. Объективные и субъективные факторы привели страну на второй путь, и постепенно наше общество превратилось в государственный феодализм с элементами социализма, прикрытый коммунистическими лозунгами и идеологическими мифами. Сравнительный анализ экономической, социальной, политической и духовной жизни советского общества, предпринятый М. Н. Борисовым, показыва-

ет, что наша страна находилась – и основная часть ее сегодня находится – на стадии докапиталистического развития¹.

Отмеченные реформы не затронули коренных малочисленных народов Севера, поскольку в те годы они развивались и функционировали преимущественно автономно, они вели традиционный кочевой образ жизни, в то время они находились на этапе перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Хотя в их бытии и тогда под старой формой первобытно-бытовых отношений появилось новое содержание – отношения подчинения и господства, относительная зажиточность единиц и бедность масс, в целом господствовало натуральное хозяйство.

Начало этнического бедствия связано с периодом застоя. В результате грубого потребительского подхода центра к освоению недровых богатств, к созданию нефтегазодобывающих предприятий, как отмечалось, нанесены невосполнимые потери природе Севера, соответственно его коренным жителям. Многие территории вокруг промышленных разработок стали безжизненными пространствами, уменьшились пастбища оленей, стало меньше рыбы, дичи, зверей. Все это уменьшило продукцию традиционных северных отраслей хозяйства, их товарность.

В советское время у коренных малочисленных народов Севера, в основном, сохранялся азиатский способ производства, с которого они не смогли отойти, поскольку в стране господствовали докапиталистические производственные отношения. Известно, что в любой стране до того, как сформируется рыночное хозяйство, сосуществуют разные докапиталистические производственные отношения. Отмеченная особенность наглядно проявилась в нашей стране с ее огромной территорией и социально-экономическим разнообразием. У коренных малочисленных народов Севера в XX веке сохранились в значительной степени родовые отношения. Еще Ф. Энгельс отмечал: «чем менее развит труд, чем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проя-

¹ Борисов, М. Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки). – Рыбинск: РГАТА, 1995. – С. 18.

вляется зависимость общественного строя от родовых связей»¹. В этих условиях под воздействием тоталитарной идеологии, отрицающей частную собственность, у коренных малочисленных народов Севера не могло быть и зачатков рыночных отношений в любом виде.

Коренные малочисленные народы Севера России в силу исторических условий всегда пользовались незначительным количеством вещественных, социальных, духовных элементов быта. Ограниченность товаров и услуг на Севере, особенно в сельской местности, позволяла довольствоваться небольшим числом предметов потребления: продуктов питания, одежды самой упрощенной формы, домашней утвари и т. п. Предметы потребления, удовлетворяющие духовные потребности, были редкостью. Это обуславливалось уровнем культуры коренных малочисленных народов Севера и политикой завоза товаров в отдаленные районы их проживания.

Становление и развитие в дальнейшем рынка невозможно без формирования разнообразных бытовых потребностей представителей северных народов, а это взаимосвязано с физическим, интеллектуальным и нравственным совершенствованием этноса. В условиях развитых товарно-денежных отношений рынок труда требует деятельных, энергичных людей, имеющих широкий круг духовных потребностей. В современных условиях первым шагом должно стать увеличение завоза товаров на Север, расширение их ассортимента, увеличение разнообразия предлагаемых и оказываемых услуг.

Становление рынка в России должно иметь следующие основные направления, определяемые особенностью ее экономики и современным уровнем развития рынка.

Во-первых, разгосударствление собственности путем приватизации и формирование различных форм собственности на средства производства.

Во-вторых, насыщение рынка товарами в результате структурной перестройки экономики, конверсии и коренной реформы сельского хозяйства.

¹ Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. – 2-е изд. – Т. 21. – С. 26.

В-третьих, переход к свободным ценам.

В-четвертых, включение в мировой капиталистический рынок.

В-пятых, формирование экономической системы, где будет единство противоположностей: стихии рынка и четкого регулирования, рынка и плана.

Все эти направления взаимосвязаны, взаимообусловлены и оказывают определенное воздействие на коренные малочисленные народы Севера. У нас они перечислены по временному критерию. К сожалению, руководство государства начало переход к рынку с третьего направления, как бы поставив сани (нарт) вперед оленей, поэтому страна не может до сих пор успешно «поехать» по пути становления рынка. Этим в основном объясняются имеющиеся трудности в жизни не только коренных малочисленных народов Севера, но и многих россиян. Проводимые рыночные преобразования лишили северян экономической самостоятельности, исчезает самобытная культура, происходит массовая маргинализация коренного и иноэтнического населения Ханты-Мансийского автономного округа.

Разгосударствление собственности в силу малочисленности изучаемых народов и особенностей их предшествующего исторического развития не привело к появлению различных видов собственности, в том числе частной на средства производства, конечно, если не считать того, что каждый стал владельцем ваучера – «совладельцем государственной собственности». Распространение ваучеров – один из дешевых трюков правительства, от которого коренные народы Севера, как и все рядовые россияне, почти ничего не имеют.

Этносы, представители которых становятся владельцами различных видов собственности, и особенно частной собственности могут ускорить свое национальное развитие. Существует объективный закон развития капитализма, согласно которому в период его становления преобладает тенденция «пробуждения национальной жизни и национальных движений, борьбы против всякого национального гнета, создания национальных государств». Возникающий капитализм, новый класс, владеющий капиталом всегда использует национальные лозунги, способствуя оживлению этнического самосознания. К сожалению, отсутствие пред-

принимателей среди коренных народов в некоторой мере препятствует развитию у них национального самосознания.

Разгосударствление собственности в сельской местности Севера происходит в основном путём ликвидации северных совхозов, колхозов, госпромхозов и коопзверпромхозов, рыбозаводов и т. д. На их месте возникают частные хозяйства, различные хозяйственные объединения. Возникают, возрождаются также родовые общины коренных этносов Севера. Можно отметить следующие положительные социальные последствия возрождения родовых общин рассматриваемых этносов.

Во-первых, их появление приводит к существенному преодолению отчужденности труженика традиционных отраслей северного хозяйства от средств производства и результатов труда, которые до этого принадлежали государству. Соответственно, возрастает заинтересованность в сохранении и эффективном использовании средств производства и в увеличении выпускаемой продукции. Но отсутствие рынка сбыта некоторых видов продукции и баснословное возрастание тарифов на перевозки сдерживают пока развитие производства родовых общин и увеличение доходов их членов.

Во-вторых, организация родовых общин способствует возрождению остатков традиций коллективизма. Они наиболее характерны для тех этносов, которые долгое время жили в обществе, основанном на азиатском способе производства. Эти традиции непосредственно увязываются, переплетаются с общинным самоуправлением. А в условиях демократизации российского общества важную роль играет местное, в том числе общинное самоуправление. В данном аспекте представляет интерес опыт зарубежного Севера, где органы местного самоуправления коренных этносов осуществляют крупные программы по решению экологическим, социально-экономическим, культурно-образовательным проблемам. Эти органы самоуправления имеют право распоряжаться общинной собственностью, включая земле- владение.

В-третьих, община является той социальной организацией, которая может спасти самобытную культуру, язык, национальные традиции и обычаи этносов, а следовательно, спасти коренные народы Севера от этнической катастрофы. В общине, объе-

диненной духовной общностью, сотрудничество и взаимопомощь основаны на морали и обычном праве и способствуют бесконфликтному самовыражению личности – члена общины.

В целом процесс становления родовых общин этносов Севера ждет своего глубокого научного исследования. Основные проблемы возрождения родовых общин должны быть решены в ходе составления программы выживания, возрождения этносов. Ее основу должна быть положена концепция, согласно которой возрождение не означает полного возвращения к господству общинно-родовых отношений. Эти традиционные коллективные отношения должны быть использованы для становления рынка. Важными проблемами организованных общин являются правовые аспекты вопросов природопользования родовых угодий, вопросы развития современной инфраструктуры и материальной базы традиционного хозяйствования.

В Ханты-Мансийском автономном округе разрабатываются и реализуются мероприятия по возрождению, сохранению и развитию самобытной культуры проживающих на территории округа, коренных малочисленных народов Севера. В этих целях:

разрабатываются государственные программы возрождения, сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера; в том числе для развития традиционных отраслей хозяйства устанавливаются необходимые льготы для лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера;

оказывается финансовая помощь, в том числе посредством образования соответствующих фондов и выработки механизмов компенсации за использование природных ресурсов и ущерб, причиненный природной среде в местах традиционного расселения коренных малочисленных народов Севера;

решаются вопросы, затрагивающие интересы коренных малочисленных народов Севера, с учетом их мнения;

создаются условия для участия коренных малочисленных народов Севера в работе органов государственной власти и местного самоуправления; оказывается содействие в развитии самоуправления в соответствии с национальными традициями и обычаями коренных малочисленных народов Севера;

создаются условия для развития национальной культуры, возрождения, сохранения и развития языков коренных малочис-

ленных народов Севера; осуществляется подготовка национальных кадров;

в установленном порядке образуются в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера национальные поселки и национальные сельские поселения;

выделяются территории традиционного (приоритетного) природопользования и при необходимости – резервные территории (резерванты), решаются вопросы выделения родовых угодий.

К общностям малочисленных народов Севера вполне применима теоретическая модель общественного воспроизводства с выделением фаз: «производство – распределение – обмен – потребление». Любой народ вне зависимости от своей численности осуществляет свою жизнедеятельность посредством собственного труда на принципах его специализации и кооперации, т. е. на условиях разделения труда и обмена его результатами внутри данной общности, а также за ее пределами. В эту схему вписывается любой общественно-экономический уклад, а также вся совокупность укладов в стране.

При этом каждый отдельный экономический уклад в стране имеет свои особенности, определяемые количеством и качеством производительных сил, находящихся в его распоряжении, и природно-климатическими условиями. В относительно благоприятных природно-климатических условиях среднеширотных районов России получили бурное развитие техника и технология производства, сложилась весьма разветвленная отраслевая структура народного хозяйства. Развитие индустриальных отраслей народного хозяйства определило такую структуру общественной рабочей силы, в которой основную долю составила «наемная рабочая сила».

В сообществах коренных малочисленных народов хозяйствование имеет свои, качественно иные организационно-экономические формы и специфические социально-экономические отношения. Суть этих отношений заключается в высокой степени единения форм и методов их жизнедеятельности с суровой природой.

Суровая северная природа определила преимущественно общинную форму взаимосвязей между представителями коренных малочисленных народов Севера и расселения их на значитель-

ных территориях малыми группами – семьями или объединениями нескольких семей. Высокая степень связи их с природой проявила себя в универсальности хозяйства каждой отдельной семьи, его преимущественно натуральном характере, поскольку основную часть жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера составляют продукты оленеводства, промыслов и дикоросы. Контакты с иноэтническим населением определили расширение обмена продуктов традиционного природопользования на различные виды промышленной продукции, в частности, на продукцию таких отраслей, как пищевая, легкая и машиностроение.

Взимание ясака в далеком прошлом, а в настоящее время – разветвленное налогообложение означает, казалось бы, создание прибавочного продукта и соответственно – затраты труда сверх необходимого для нормального жизнеобеспечения. Но если вплоть до 20-х годов XX века государство не вмешивалось во внутренние дела коренных малочисленных народов Севера, то в последующие годы эти народы испытывали на себе пресс со стороны государства, который привел, в конечном счете, к ограничению условий их жизнедеятельности.

Восстановление прежних форм традиционного природопользования и соответствующих им форм организации труда коренных малочисленных народов Севера при современном их организационно-техническом и технологическом обеспечении – это направления, на которых возможно всестороннее развитие последующих поколений. При этом необходимо снять вопрос об обязательном включении всей трудоспособной части этого населения в общественный труд. Общинно-родовая форма организации коренных малочисленных народов Севера не разделяет общественный и индивидуальный виды труда. Все члены семьи в общине, так или иначе задействованы в ее жизнеобеспечении, и так называемый домашний труд (переработка продукции оленеводства, охоты и рыбной ловли, дикоросов, ремесленные промыслы) является важным условием этого жизнеобеспечения. Молодое поколение с малых лет приобщается к труду, в нем участвуют и лица преклонного возраста.

Применительно к коренным малочисленным народам Севера вопрос о собственности связан с вполне конкретным объектом

с земельными и водными угодьями. Эти угодья (пастбища для оленей, охотничьи и рыбные промысловые участки, участки сбора дикоросов) являются самыми главными условиями их жизнеобеспечения, поскольку снабжают северян традиционной пищей, одеждой, предметами домашнего обихода. Меньшее значение для коренных малочисленных народов Севера имеет собственность на средства производства промышленного изготовления (технические средства местных промыслов и транспортные средства). В современных условиях достижения науки и техники, безусловно, должны доходить до коренных малочисленных народов Севера, но в формах, не нарушающих экологию и методы их традиционного природопользования.

1.2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОМЫСЛОВОГО ХОЗЯЙСТВА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТНОМНОМ ОКРУГЕ

В Ханты-Мансийском автономном округе действующая власть разрабатывает и реализует мероприятия по возрождению, сохранению и развитию самобытности проживающих на территории округа коренных малочисленных народов Севера. В этих целях осуществляются следующие мероприятия:

разрабатываются государственные программы возрождения, сохранения и развития коренных малочисленных народов Севера; в том числе, для развития традиционных отраслей хозяйства устанавливаются необходимые льготы для лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера;

оказывается финансовая помощь, в том числе посредством образования соответствующих фондов и выработки механизма компенсации за использование природных ресурсов и ущерб, причиненный природной среде в местах традиционного расселения коренных малочисленных народов Севера;

решаются вопросы, затрагивающие интересы коренных малочисленных народов Севера, с учетом их мнения;

создаются условия для участия коренных малочисленных народов Севера в работе органов государственной власти и местного самоуправления; оказывается содействие в развитии самоуправления в соответствии с национальными традициями и обычаями коренных малочисленных народов Севера;

создаются условия для развития национальной культуры, возрождения, сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера; осуществляется подготовка национальных кадров;

в установленном порядке образуются в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера национальные поселки и национальные сельские поселения;

выделяются территории традиционного (приоритетного) природопользования и при необходимости – резервные территории (резерваты), решаются вопросы выделения родовых угодий.

В ХМАО последние годы разрабатывается нормативная база для поддержания и развития традиционного природопользова-

ния ханты и манси, в частности принят Закон ХМАО о поддержке органами государственной власти ХМАО организаций, осуществляющих традиционное хозяйствование и занимающихся промыслами коренных малочисленных народов Севера (см. приложение 9).

К общностям малочисленных народов Севера вполне применима теоретическая модель общественного воспроизводства с выделением фаз:

«производство – распределение – обмен – потребление». Любой народ вне зависимости от своей численности осуществляет свою жизнедеятельность посредством собственного труда на принципах его специализации и кооперации, т. е. на условиях разделения труда и обмена его результатами внутри данной общности, а также за ее пределами. В эту схему вписывается любой общественно-экономический уклад, а также вся совокупность укладов в стране.

При этом, каждый отдельный экономический уклад в стране имеет свои особенности, определяемые количеством и качеством производительных сил, находящихся в его распоряжении, и природно-климатическими условиями. В относительно благоприятных природно-климатических условиях среднеширотных районов России получили бурное развитие техника и технология производства, сложилась весьма разветвленная отраслевая структура народного хозяйства. Развитие индустриальных отраслей народного хозяйства определило такую структуру общественной рабочей силы, в которой основную долю составила «наемная рабочая сила».

В этих условиях общественное воспроизводство наемных работников стало осуществляться через обмен их труда на жизненные средства, т. е. на рыночной основе, и тем самым определять механизм экономических отношений в центральных районах страны. При возникновении противоречий между трудом и капиталом объединенный рабочий класс мог принять меры воздействия на власти и на работодателей, в частности, посредством забастовок.

Оленеводство Югры

С 2000 года начинается медленный рост поголовья оленей в округе. В совхозах «Саранпаульский» и «Казымский» поголовье за период с 1999 по 2003 годы увеличилось с 13793 до 16592 голов. В частных хозяйствах за это же время также наблюдается некоторый рост: поголовье оленей здесь возросло с 11259 до 12240 голов. В целом по округу численность стада выросла с 25052 до 28832 голов (табл.1.3). Этому в значительной мере способствовали усилия правительства ХМАО – Югры по закупке оленей на Ямале и передаче их оленеводам – частникам, изъявившим желание заниматься разведением оленей. Окружная Дума приняла закон «О развитии оленеводства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре».

Таблица 1.3

Динамика поголовья оленей во всех категориях хозяйств ХМАО на конец года, голов

Показатели	Год			
	2000	2001	2002	2003
ВСЕГО	26541	26562	28692	28832
В т. ч. в общественном секторе	15332	14837	16164	16592
В частных хозяйствах	11209	11725	12528	12240
Удельный вес частных хозяйств	42,2	44,1	43,6	42,4

Вместе с тем в отрасли есть неиспользованные резервы. Высоки непроизводительные отходы. Падеж оленей за последние два года увеличился с 1117 до 2559 голов, в том числе в совхозе «Саранпаульский» с 984 до 2482 голов. Трагедией оленей хищниками за это время составил от 543 до 502 голов, в том числе в совхозе «Саранпаульский» от 343 до 354 голов. Естественные потери оленей за этот период в двух совхозах составили от 651 до 476 голов. Всего непроизводительные отходы за два года увеличились с 2408 до 3537 голов, в том числе в совхозе «Саранпаульский» – с 1327 до 2836 голов, то есть в два раза. 3537 голов непроизводительных отходов (0,7 ц – масса одной головы) – в результате потребители недополучили 247,5 тонны оленины. Реализация мяса оленей по округу за 2003 год составила

98,4 тонны. Таким образом, непроизводительные отходы превышают реализацию мяса в 2,5 раза. Несмотря на произведенный на Ямале закуп оленей, численность оленепоголовья у населения увеличивается медленно (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Динамика реализации мяса оленины в общественных хозяйствах ХМАО на конец года

Показатели	Год			
	2000	2001	2002	2003
Поголовье оленей, тыс. голов	15011	14407	15794	16342
Реализация мяса в живой массе, тонн	182,5	62,9	124,1	98,4
Выручка за 1 ц реализованной продукции, тыс. руб.	2423	4668	3172	3618
Себестоимость 1 ц реализованной продукции, тыс. руб.	990	3910,5	4363	3581
Прибыль, убыток, тыс. руб. (+,-)	1433	757,5	-1477,5	36
Рентабельность, % без дотаций	145	35	-27	1

Рыбный промысел Югры

В 1990-е годы уловы рыбы в ХМАО сокращались, и в 1998 году они составили 4353,5 тонны; после чего начинается рост, и в 2003 году они достигли 10361,7 тонн, т. е. увеличение произошло более чем в два раза. В видовом составе преобладают крупный частик (язь, щука, карась, карп, судак, лещ) и мелкий частик (окунь, плотва, елец, мелочь второй и третьей группы), на долю которых приходится 83 процента всего улова. Значительный удельный вес в общем объеме вылова рыбы занимают Кондинский район (31,1 %), Ханты-Мансийский район (18,7 %), Березовский район (15,5 %) и Октябрьский район (14,4 %). По данным отчета государственной инспекции рыбоохраны по Ханты-Мансийскому автономному округу ФГУ «Нижнеобьрыбвод» общедопустимый улов рыбы по округу в 2002 году равнялся

ся 9817 тонн, фактический вылов составил 8341,7 тонн; в 2001 году общедопустимый улов составлял 13715 тонн, фактический – 10361,7 тонн (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Улов рыбы по Ханты-Мансийскому автономному округу, тонн

Показатель	Год			
	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Улов рыбы	6635,3	7582,5	8143	10561

Увеличивается выпуск товарной рыбопродукции. С 2001 по 2003 годы выпуск товарной пищевой рыбопродукции вырос с 5879 до 7397 тонн, в том числе мороженой рыбы – с 3445 до 5289 тонн (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Динамика вылова рыбы (в тоннах) по Ханты-Мансийскому автономному округу (данные по отчету государственной инспекции рыбоохраны по Ханты-Мансийскому автономному округу ФГУ «Нижеобьрыбвод»)

№	Виды рыб	Год			
		2000	2001	2002	2003
Осетровые, всего в т. ч.		9,849	10,5	1,087	0,526
1.	Осетр	0,949	0,7	0,26	0,526
2.	Стерлядь	8,9	9,8	0,827	0
Лососевые, сиговые, всего в т. ч.		590,9	368,9	401,153	572,6
3.	Нельма	3,5	2,7	0,393	5,8
4.	Муксун	162,1	89,8	73,66	104,0
5.	Пелядь	418,1	255,0	292,5	437,2
6.	Сиг	0	0	0,8	0
7.	Чир	3,8	0,8	1,8	7,1
8.	Тугун	3,4	20,6	32,0	18,5
Тресковые, всего в т. ч.		447,1	295,1	245,6	174,7
9.	Налим	447,1	295,1	245,6	174,7
Крупный частик, всего в т. ч.		3037,2	3425,9	3906,4	5126,94
10.	Язь	1329,0	1463,6	1590,1	2523,34
11.	Щука	1527,9	1687,6	1764,1	2223,1
12.	Карась	67,5	211,0	485,8	277,5
13.	Карп	0	0	3,3	3,0

14.	Судак	0,1	0	0,7	0,7
15.	Лещ	112,7	63,7	62,4	99,3
Мелкий частик, всего в т. ч.		2169,8	2300,1	3107,3	3477,4
16.	Окунь	115,5	155,2	307,2	544,2
17.	Плотва	1417,6	1332,4	1882,1	2224,8
18.	Елец	250,5	224,5	179,0	427,0
19.	Ерш	10,4	68,6	253,4	220,7
20.	Мелочь 2 г	0	239,3	0	0
21.	Мелочь 3 г	375,8	280,1	485,6	60,7
ИТОГО		6254,8	6400,5	7661,5	9352,2
Вылов рыбы (в тоннах) по данным Комитета государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу		7031,3	7639,0	8341,7	10361,7

Данные госстатистики и госрыбинспекции имеют расхождение в 1009,5 тонны, так как в данных ГИР по ХМАО не учтен вылов рыбы за декабрь 2003 года, а он составляет (по данным госстатистики) 971,7 тонн (табл. 1.7).

Таблица 1.7

Вылов рыбы (в тоннах) за 2003 год в разрезе районов Ханты-Мансийского автономного округа (данные по отчету государственной инспекции рыбоохраны по Ханты-Мансийскому автономному округу ФГУ «Нижнеобьрыбвод»)

№	Виды рыб	Районы									Всего по округу
		Ханты-Мансийский	Октябрьский	Сургутский	Н.Юганский	Н.Вартовский	Берёловский	Кондинский	Всего по округу		
Осетровые, всего в т. ч.		0	0,379	0,147	0	0	0	0	0	0	0,526
1. Осетр		0	0,379	0,147	0	0	0	0	0	0	0,526
2. Стерлядь		0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Лососевые, сиговые, всего в т. ч.		33,094	110,945	42,7	0,1	48,2	336,44	1,1	572,6		
3. Нельма		0	1,3	0,1	0	0,1	4,3	0	5,8		
4. Муксун		12,794	35,445	10,5	0	0,1	45,149	0	104,0		
5. Пелядь		20,3	74,2	32,1	0,1	48,0	261,4	1,1	437,2		
6. Сиг		0	0	0	0	0	0	0	0		
7. Чир		0	0	0	0	0	7,1	0	7,1		
8. Тугун		0	0	0	0	0	18,5	0	18,5		
Тресковые, всего в т. ч.		30,3	13,7	22,7	0	4,3	102,3	1,4	174,7		
9. Налим		30,3	13,7	22,7	0	4,3	102,3	1,4	174,7		
Крупный чистик, всего в т. ч.		1376,3	939,5	249,8	97,5	198,94	1065,0	1199,9	5126,9		
10. Язь		508,0	730,0	183,2	28,7	77,24	616,9	379,3	2523,3		
11. Щука		797,3	172,1	57,0	64,7	82,0	435,1	614,9	2223,1		
12. Карась		22,6	0	9,6	3,2	36,3	0,1	205,7	277,5		
13. Карп		0	0	0	0	3,0	0	0	3,0		

14. Сельдь	8,5	0	0	0	0,2	0	0	0	8,7
15. Деш	47,9	37,4	0	0,9	0,2	12,9	0	0	99,3
Мелкий чистик, всего в т. ч.	490,11	272,8	337,8	250,5	112,0	672,2	1342,0	3477,4	
16. Окунь	52,41	162,9	13,5	7,4	8,2	45,5	254,3	544,2	
17. Плотва	273,9	57,8	324,3	21,3	102,7	562,9	881,9	2224,8	
18. Елец	151,2	48,9	0	221,8	1,1	3,1	0,9	427,0	
19. Ерш	12,6	3,2	0	0	0	0	204,9	220,7	
20. Мелочь 2 г	0	0	0	0	0	0	0	0	
21. Мелочь 3 г	0	0	0	0	0	60,7	0	60,7	
ИТОГО	1929,8	1337,324	653,15	348,1	363,44	2175,9	2544,4	9352,2	
Вылов рыбы (в тоннах) по данным Комитета государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу	1941,8	1502,4	551,0	451,0	384,9	1606,2	3223,2	10361,7	

Сравнительные данные использования рыбных ресурсов по Ханты-Мансийскому автономному округу представлены в табл. 1.8.

Таблица 1.8

Сравнительная таблица использования рыбных ресурсов по Ханты-Мансийскому автономному округу (данные по отчету государственной инспекции рыбоохраны по Ханты-Мансийскому автономному округу ФГУ «Нижнеобьрыбвод» за 2003 год)

№	Виды рыб	2002 год			2003 год		
		ОДУ 2002 г.	Факт. (вылов)	% использования	ОДУ 2003 г.	Факт. (вылов)	% использования
Осетровые, всего в т. ч.		-	1,87	-	0	0,526	0
1.	Осетр	-	0,26	-	0	0,526	0
2.	Стерлядь	-	0,827	-	0	0	0
Лососевые, сиговые, всего в т. ч.		620	401,153	64,7	1219,0	572,6	46,9
3.	Нельма	10,0	0,393	3,9	14,0	5,8	41,4
4.	Муксун	100,0	73,66	73,7	130,0	104,0	80,0
5.	Пелядь	500,0	292,5	58,5	1020,0	437,2	42,9
6.	Сиг	-	0,8	-	23,0	0	0
7.	Чир	20,0	1,8	9,0	15,0	7,1	47,0
8.	Тугун	-	32,0	-	17,0	18,5	108,8
Тресковые, всего в т. ч.		600,0	245,6	40,9	1000,0	174,7	17,5
9.	Налим	600,0	245,6	40,9	1000,0	174,7	17,5
Крупный частик, всего		6495,0	3906,4	60,1	6497,0	5126,94	78,9
10.	Язь	4000,0	1590,1	39,8	3522,0	2523,34	71,9
11.	Щука	2295,0	1764,1	76,9	2275,0	2223,1	97,7
12.	Карась	200,0	485,8	242,9	450,0	277,5	61,7
13.	Лещ	-	62,4	-	250,0	99,3	39,7
Мелкий частик, всего		2092,0	3107,3	148,5	4989,0	3477,4	69,7
ИТОГО		9817,0	8341,7	85,0	13715,0	9352,2	68,2

Охотничий промысел Югры

Видовой состав фауны округа достаточно разнообразен: здесь постоянно обитают более 30 видов промысловых зверей и птиц. Данные Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных по Ханты-Мансийскому автономному округу свидетельствуют, что потенциальные возможности добычи промысловых животных и птиц используются недостаточно. К примеру, численность лося стабильна. В 2003 году добыто 699 лосей, что составляет 47,0 % от нормы изъятия. Соответственно, добыто 79 лисиц (или 2,1 % от допустимой нормы), 22 горностая (0,5 %), 7 колонков (2,6 %), 145 норок (4,7 %), 10 выдр (6,1 %), 2623 соболя (31,9 %), 11393 белки (8,4 %), 477 зайцев-беляков (7,5 %), 9 барсуков (1,5 %), 10910 тетеревов (8,2 %), 11053 рябчиков (9,8 %), 8098 штук белой куропатки (3,4 %) (от возможной нормы изъятия). (табл. 1.9).

Таблица 1.9

Динамика добычи основных охотничьих видов в ХМАО (данные Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных по ХМАО)

Вид	Количество особей (ед.)						
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Лось	629	748	817	648	652	779	699
Северный олень		66	77				
Медведь	32	47	38	41	32	49	61
Росомаха	5	11	21	16	37	10	12
Волк	140	66	88	69	68	33	
Барсук	7	1	8	17	20	15	9
Заяц-беляк	1410	1627	1011	1124	889	394	477
Выдра	15	6	11	11	14	13	10
Норка	110	123	73	120	218	222	145
Горностай	95	113	102	93	280	56	22
Куница	11	7	6	12			
Лисица красная	89	107	65	114	400	93	79

Соболь	1400	1696	1580	1884	1208	1271	262
Ондатра	2544	2337	2221	2125	8378	7498	798
Белка	10204	9206	6162	7121	38782	22036	1139
Колонок	73	36	13	19	112	10	7
Глухарь	1600	6744	2869	2910	6070	3453	671
Тетерев	3200	3947	5135	12242	6079	10910	
Рябчик	3600	9960	8014	8196	16141	6104	1105
Белая куропатка	1500	4482	8165	6793	9083	11536	8098
Утки	78011	117902	95466	110000	175123	87051	64099
Гуси	5906	3233	1400	1045	1549	1235	1372

Анализ использования охотничьих ресурсов автономного округа показывает, что они освоены в 2003 году на 11,2 % (табл. 1.10).

Таблица 1.10

Динамика численности охотничьих животных Ханты-Мансийского автономного округа (особи ед.) (данные Управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных по ХМАО)

Вид	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Белка	310500	162150	166400	261850	224900
Волк	400	440	580	600	405
Выдра	1940	4300	3050	3600	1650
Горностай	39300	26100	19200	17290	11480
Заяц-беляк	137600	136210	149100	110000	63410
Колонок	3700	3300	3500	3600	910
Куница	1450	1500			
Лисица	11580	10850	9240	18490	14880
Лось	22800	21110	20500	20800	18580
Норка	9920	11780	11800	11900	12400
Северный олень	5680	4480	3800	2480	980
Росомаха	810	1160	1050	1065	1070
Рысь	176	194	81	150	120
Соболь	20500	22840	22600	26100	32850
Ондатра			932600		
Медведь			3068		
Барсук		3392			
Глухарь	242500	174500	177230	176000	236790
Рябчик	252400	402520	484920	470000	449780

Тетерев	274800	416570	547000	563960	535410
Белая куропатка	612000	669610	771340	887380	957840
Гуси			4502		3171
Утки речные			4204300		2531962
Утки нырковые			1263300		638408

Клеточное звероводство Югры

Количество реализуемых округом шкурок пушных зверей с 1996 по 2003 годы уменьшилось с 17193 до 13727 штук. Выручка от реализации одной шкурки серебристо-черных лисиц за этот же период выросла с 393,7 до 1857 рублей, то есть в 4,7 раза. Себестоимость одной шкурки за аналогичный период выросла с 462,1 до 3007 рублей (или в 6,5 раза). Соответственно выросли убытки: с 68,3 до 1150 рублей, или убыточность увеличилась с 14,8 до 61,8 %. На компенсирование убытков этой отрасли Правительство ХМАО – Югры выделило субсидий в 2001 г. – 727,6 тыс. рублей, в 2002 г. – 2033 тыс. рублей, в 2003 г. – 3745 тыс. рублей (табл. 1.11).

Таблица 1.11

Финансовые показатели развития клеточного звероводства в ХМАО – Югре за 2003 – 2003 годы

Показатели	Год			
	2000	2001	2002	2003
Количество шкурок, штук	12837	11922	10793	13727
Выручка от реализации за шкурку, руб.	1092	1310	1512	1857
Себестоимость одной шкурки, рублей	1476	1753	1806	3007
Прибыль, убыток (+,-), руб.	-384	-443	-294	-1150
Рентабельность, %	-35,1	-33,8	-19,4	-61,9
Получено дотаций, тыс. руб.	-	727,6	2033	3745

Динамика показателей, представленных в табл. 1.11, показывает, что несмотря на рост количества добываемых шкурок и выручки от их реализации, клеточное звероводство в ХМАО является по-прежнему убыточным.

1.3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Особенности социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера определяют специфику их трудовой занятости. Известно, что у коренных народов Севера исторически сложилась ориентация на следующие отрасли традиционного хозяйства: оленеводство, рыболовство и охотничий промысел. От их развития зависит жизнедеятельность 40 % сельского коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа. Для трудоспособного населения из числа коренных малочисленных народов округа характерна невысокая занятость в народном хозяйстве.

Спад производства в традиционных отраслях обусловил сокращение рабочих мест и закрытие отдельных предприятий. Между тем, население, ведущее традиционный образ жизни, фактически работает, занимаясь оленеводством, охотой и рыболовством для удовлетворения, как правило, собственных нужд. Из-за сложностей со сбытом продукции и ростом транспортных расходов прекратились поставки необходимых промысловикам товаров, инвентаря, перестали действовать социальные гарантии. Для решения отмеченных проблем сообщества коренных малочисленных народов Севера стали создавать новые организационные формы их деятельности – национальные и родовые общины, ассоциации, снабженческо-сбытовые фактории и т. д.

Проблему создания рабочих мест для коренного населения сложнее решить в крупных поселках и городах. Попытки создания здесь новых рабочих мест и специальных предприятий для коренных малочисленных народов Севера не дают положительных результатов, поскольку существует конкуренция более подготовленного в профессиональном плане иноэтнического населения округа и коренных северян со своими психологическими особенностями.

Преимущественные сферы занятости коренных малочисленных народов Севера в материальной сфере: сельское хозяйство, торговля, сфера услуг и общественное питание; в социальной сфере: образование, культура и здравоохранение (табл. 1.12).

Основные сдвиги, произошедшие в структуре занятости коренных малочисленных народов Севера, связаны с увеличением доли работающих в сфере нематериального производства из-за повышения их образовательного уровня. Увеличение числа занятых в непроемкой сфере позволило более широко вовлечь женщин в трудовую деятельность (табл. 1.13).

Таблица 1.12

Динамика структуры занятости коренных малочисленных народов Тюменского Севера, в %

Структура отраслей производства	Годы		
	1959*	1985	1993
Отрасли материального производства			
Промышленность	44,1	24,0	21,0
Строительство	0,7	1,3	4,1
Транспорт и связь	1,6	4,5	3,3
Сельское и лесное хозяйство	39,1	38,7	41,6
Торговля, общепит, заготовки, МТС	5,7	11,2	10,7
Сфера нематериального производства			
ЖКХ и бытовое обслуживание	0,5	1,2	1,1
Здравоохранение	2,0	5,9	6,7
Просвещение, культура и наука	5,3	9,8	12,7
Кредитование, страхование, управление	1,3	0,6	1,3

Примечание: * – в целом по автономным округам

При отсутствии у коренных малочисленных народов Севера склонности к работе в нефтегазовом комплексе, на транспорте, в строительстве, в системе связи и других сферах, «забронированные» для них рабочие места окажутся невостребованными, а проблема трудоустройства, сопровождаемого успешной трудовой адаптацией, по-прежнему нерешенной. По нашему мнению, целесообразно бронировать рабочие места в нетрадиционных сферах производства, которые отвечают потребностям и ценностно-профессиональным ориентациям коренных малочисленных народов Севера – лесное хозяйство, а также в таких видах дея-

тельности, которые максимально приближены к традиционной экономике.

Таблица 1.13

Уровень образования мужчин и женщин коренной национальности, проживающих в сельской местности, в 2004 г., в процентах к общему числу опрошенных

Пол	Образование				
	без образования	начальное	среднее	среднее специальное	высшее
Мужской	8,1	13,8	36,8	33,3	8,0
Женский	8,0	12,3	29,0	44,2	6,5

Отмеченные проблемы привели к появлению в городских поселениях прослойки маргинального населения, оторванного от традиционного образа жизни и так и не сумевшего приспособиться к индустриальным отраслям хозяйства. В социальном плане они находятся на самой низшей ступени иерархической лестницы, занимая нишу неквалифицированной рабочей силы. Данная группа представителей коренных малочисленных народов Севера является наиболее люмпенизированной, с высокой долей незанятых в общественном производстве и в наибольшей степени подверженной алкоголизму.

Новыми для них местами приложения рук становились не отрасли, осуществляющие технический прогресс, а рабочие места в малопrestiжных, вспомогательных производствах промышленности и транспорта (вспомогательные рабочие, грузчики, истопники, сторожа, технички).

Становление национальных предприятий, занимающихся традиционными промыслами, в условиях реформирования экономики идет с большими трудностями. В целом по Ханты-Мансийскому автономному округу уже можно говорить об определенной стабильности. Между тем, на отдельных территориях в этом отношении сложилась различная ситуация, о чем свидетельствуют данные 1997–1998 гг. В течение двух лет в большинстве районов число национальных предприятий сократи-

лось, но имеются примеры и обратного (табл.1.14). Это неизбежный процесс адаптации национальных хозяйств к изменяющимся условиям.

Таблица 1.14

Динамика числа национальных предприятий ХМАО на начало года

Районы	Годы		
	1997	1998	1999
Белоярский	8	6	7
Берёзовский	10	6	6
Нефтеюганский	1	1	1
Нижневартовский	2	2	3
Сургутский	9	4	6
Ханты-Мансийский	3	4	7

По данным окружного комитета по вопросам малочисленных народов Севера (МНС) по состоянию на 1.01.2000 г. трудоспособное население среди коренных малочисленных народов Севера в целом по Ханты-Мансийскому автономному округу составило 14,7 тысяч человек. Из них было обеспечено работой 8 658 человек, или 58,7 %.

В традиционных отраслях хозяйствования (родовые угодья, национальные общины, фактории и др.) занято 1448 человек (табл. 1.15).

Таблица 1.15

Территориальная структура занятости коренных малочисленных народов Севера ХМАО, человек

Территория: район, город	Население			Занято	
	Всего	Трудоспособное	Обеспеченное работой	Национальные предприятия*	Другие формы предприятий
Белоярский	2855	1358	789	84	705
Берёзовский	6059	3944	2122	244	1868
Кондинский	4924	2560	1910	103	1807
Н-Вартовский	1995	948	465	413	52
Н-Юганский	358	186	103	40	63
Октябрьский	1866	855	298	46	252
Советский	188	104	56	9	47
Сургутский	2790	1332	544	378	166

Ханты-Мансийский	1576	709	303	100	203
Всего районы	22611	11996	6580	1417	5163
Всего города	5833	2942	2078	31	2047
Итого	28444	14938	8658	1448	7210

Примечание: * – родовые угодья, национальные общины, фактории и др. хозяйства

В графе «Национальные предприятия» информация является неполной из-за недоучета численности фактически работающих. К ним относится трудоспособное население, проживающее в родовых угодьях Сургутского района, но официально нигде не оформленное, численность которого составляет более 500 человек. Поэтому если рассматривать в целом занятость коренного населения в традиционных отраслях хозяйства, то численность фактически работающих в них выше указанной в таблице. Кроме того, в ней не учтено население, которое трудится в оленеводческих совхозах, на рыбозаводах и других предприятиях. В целом численность занятых среди коренных малочисленных народов Севера в традиционном секторе оценивается нами около 2,5 тысяч человек, или 27 % от общего числа работающих. Следует отметить, что занятые на родовых угодьях, факториях и в национальных общинах имеют, как правило, нестабильный и невысокий заработок в отличие от работающих в промышленности, на транспорте, в строительстве и в сфере обслуживания населения (7,2 тысячи человек).

При планировании создания новых рабочих мест для коренных малочисленных народов Севера необходимо учитывать общее число безработных; их желание участвовать в трудовом процессе; численность фактически занятого, но неоформленного на работу населения; занятых в личном подсобном хозяйстве; неработающих женщин по уходу за детьми; сложившуюся и перспективную половозрастную структуру населения и другие факторы.

В настоящее время уровень безработицы среди коренных малочисленных народов Севера достиг критического уровня, особенно в сельской местности, что негативно сказывается на их морально-психологическом состоянии.

При отсутствии регистрации в центре занятости (ЦЗ) безработным не исчисляется трудовой стаж. Администрацией Ханты-Мансийского автономного округа принято положение о порядке учета и регистрации неработающего населения из числа корен-

ных малочисленных народов Севера, в сельских администрациях некоторых районов созданы филиалы службы занятости, что позволяет более полно охватить коренное население, проживающее в малых населенных пунктах и на стойбищах. Территориальная структура безработных среди коренных малочисленных народов Севера, представленная в табл.1.16, свидетельствует о дифференциации их численности по городской и сельской местности, а также по отдельным административным единицам.

Таблица 1.16

Территориальная структура безработных среди коренных малочисленных народов Севера ХМАО, человек

Территория: район, город	Население				
	Всего	Безработные	Состоящие на учете в ЦЗ	Получающие пособие	Прошедшие пере-квалификацию
Белоярский	2855	569	220	220	–
Берёзовский	6059	132	802	757	5
Кондинский	4924	650	248	120	11
Нижне-Вартовский	1995	483	184	184	2
Н-Юганский	358	83	16	5	–
Октябрьский	1866	557	42	37	5
Советский	188	48	6	3	8
Сургутский	2790	788	25	25	2
Ханты-Мансийский	1576	406	44	44	–
Всего районы	22611	5432	1587	1395	36
Всего города	5833	867	98	81	18
Итого	28444	6346	1685	1476	54

Так, с одной стороны, закономерным является более низкий уровень не обеспеченных работой в городах (29,5 %) по сравнению с районами (45,3 %), с другой стороны, очень низок удельный вес стоящих здесь на учете в службе занятости (11,3 % от общего числа неработающих), что свидетельствует о хрониче-

ском уровне безработицы среди представителей малочисленных народов Севера. Причиной этого является не только отсутствие соответствующих их квалификации рабочих мест, но и низкая величина пособий по безработице, а главное, отсутствие всякой мотивации к труду у большинства представителей данной группы. В связи с этим, значительную часть неработающего населения уже нельзя рассматривать в качестве потенциальной рабочей силы.

В сельской местности низкая обращаемость неработающего населения связана главным образом с отдаленностью служб занятости КМНС. Там, где имеются филиалы службы занятости, обращаемость относительно высокая, например, Березовский район; где они отсутствуют – очень низкая (Сургутский район). На наш взгляд, при создании новых рабочих мест для коренных малочисленных народов Севера в первую очередь необходимо обратить внимание на сельскую местность, где еще сохранились условия для развития традиционных отраслей хозяйства и имеются значительные резервы рабочей силы.

Для этого в районных центрах и городских поселениях, расположенных в местах проживания малочисленных народов Севера, с целью повышения занятости коренного населения необходимо создать центры по переквалификации коренных малочисленных народов Севера на техногенные отрасли хозяйства и по подготовке кадров для создаваемых новых производств, в частности, предприятий по переработке продукции традиционных отраслей.

Почти 60 % неработающего городского населения проживает в Ханты-Мансийске, где сосредоточены основные средние и высшие учебные заведения округа, в которых готовятся национальные кадры.

Решение вопроса занятости коренного населения округа остается важнейшим направлением социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера. На эти цели ежегодно из бюджета Северного фонда выделяются значительные финансовые ресурсы.

По итогам 1999 г. на обустройство охотничье-промысловых угодий, стойбищ оленеводов-частников, родовых угодий освоено 869,4 тыс. руб. Всего по программе «Трудозанятость» освоено

но 36,1 млн. руб. (25,6 % от общих расходов Северного фонда округа).

Планируется строительство деревообрабатывающего цеха в национальном п. Полноват Белоярского района. Есть возможность финансирования этого объекта с 2000 г. При вводе цеха по деревообработке в строй действующих работой здесь будет обеспечено 39 человек.

Решается вопрос о выделении средств на покупку оборудования по разливу молока в пакеты для совхоза «Обской» Октябрьского района. После модернизации молочно-перерабатывающего производства в совхозе будет трудоустроено 7 человек.

Ведется работа корпорацией «Паск» по созданию новых производственных мощностей в Березовском и Октябрьском районах. В национальных поселках Кимкьясуй, Сосьва, Сартынья, Анеево, Нарыкары и других планируется финансирование переработки продукции традиционных отраслей, мини-цеха по выпуску изделий из древесины в ассортименте для нужд национального населения. При реализации данных мероприятий будет трудоустроено более 80 человек.

По данным ежегодного учета сельского населения округа на 1.01.1998 г. из общего числа представителей малочисленных народов Севера в населенных пунктах до 200 жит. проживало 1993 чел. (12,5 %), в населенных пунктах от 200 до 1000 жит. – 7379 чел. (46,5 %) и в крупных поселениях свыше 1000 жит. – 6719 чел. Хотя такая градация в отдельных случаях довольно условна, так как население, особенно ведущее кочевой образ жизни или проживающее на отдаленных стойбищах и в юртах, может быть приписано к крупным населенным пунктам, например, кочующее население Русскинской сельской администрации приписано к д. Русскинская (1497 жит.).

По данным окружного территориального медицинского управления в отдаленных мелких населенных пунктах, стойбищах проживает 2522 чел. КМНС, по информации окружного комитета по вопросам малочисленных народов Севера на родовых угодьях, т. е. вне населенных пунктов, проживало на 1.01.2000 г. 3443 чел. (21 % сельского национального населения).

Население различных населенных пунктов в неодинаковой степени обеспечено объектами производственной и социальной инфраструктуры, условиями для трудоустройства, возможностями снабжения сырьем, инвентарем и пр. В связи с этим, для отдельных населенных пунктов необходим выбор специфических мероприятий.

Для населенных пунктов с численностью до 200 человек основным направлением развития материальной сферы является создание условий для заготовки и добычи продукции традиционных промыслов: строительство заготовительных пунктов, складов, обеспечение холодильными установками для хранения скоропортящейся продукции, транспортными средствами, необходимым снаряжением и инвентарем. Наиболее предпочтительная форма организации – снабженческо-сбытовая фактория. В населенных пунктах с численностью от 200 до 1000 человек, имеющих высокий удельный вес коренного населения, необходимо обеспечить создание мини-предприятий по переработке и выпуску конечной продукции традиционных отраслей северного хозяйства и других (лесозаготовка, лесопереработка, строительство и др.).

Таким образом, главным направлением социально-экономического развития населенных пунктов с высоким уровнем коренного населения в местах их компактного проживания является создание рабочих мест и обеспечение работой в традиционных отраслях хозяйства, а в крупных населенных пунктах и городах главное внимание необходимо уделить оказанию адресной помощи коренным малочисленным народам Севера и содействию их занятости в нетрадиционных отраслях.

Для обеспечения занятости коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности, необходимо в целом по Ханты-Мансийскому автономному округу создать 3 200 новых рабочих мест за счет нового строительства или за счет реконструкции существующих производств. В том числе по районам: Белоярский – 340; Березовский – 1100; Кондинский – 390; Нефтеюганский – 50; Нижневартовский – 290; Октябрьский – 335; Советский – 30; Сургутский – 470; Ханты-Мансийский – 245. При этом затраты на реализацию программы трудоустройства коренных малочисленных народов Севера на период 2001–2010 гг., исходя из общего количества необходи-

мых мест и стоимости одного рабочего места в традиционных отраслях хозяйства – 230 тысяч рублей, составят только по капитальным вложениям 736 млн. рублей.

Негативные последствия промышленного освоения ведут к свертыванию традиционных занятий и к сокращению доли занятого в них аборигенного населения. Проследим, как изменился удельный вес традиционных занятий в общей структуре занятости коренных малочисленных народов Севера. Для этого сравним структуру занятости респондентов и их родителей. Кроме того, имеется возможность проследить характер занятости аборигенного населения до момента социологического исследования. Посредством анализа структуры занятости родителей и респондентов в момент опроса можно проследить тенденции в изменении занятий коренных малочисленных народов в течение 20–30 лет. За последние годы доля занятых традиционным трудом резко сократилась. Так, в поколении родителей традиционными формами природопользования было занято 68,9 % мужского и 49,5 % женского населения сельской местности. В городской местности это число более чем в два раза меньше: 30,0 % мужчин и 18,3 % женщин.

В момент анкетного опроса доля занятых традиционным трудом составила среди сельского населения 10,4 %, а среди городского ни одного респондента. Таким образом, доля лиц, занятых традиционным трудом, сократилась за последние 20–30 лет в сельской местности в 5–6 раз, в городской – в 20 раз.

Доля родителей городских респондентов, занятых в традиционных промыслах, в общем массиве представителей коренных малочисленных народов Севера невелика. По сравнению с долей занятых в промышленном хозяйстве родителей сельских респондентов, она была в поколении родителей в 2,5 раза меньше.

Особенно заметны различия между городским и сельским населением, применительно к занятым в рыболовстве. Если в поколении родителей доля занятых рыболовством была в 2 раза выше, чем среди городских жителей (соответственно 15,2–20,5 % и 4,6–7,5 %), то в момент опроса это различие сократилось в 4,5 раза (4,5 у селян и 0,0 % у горожан). Существенно уменьшилась доля городского и сельского населения среди занятых в охотничьем промысле. В поколении родителей доля

охотников в общей структуре занятости коренных малочисленных народов Севера была в 3 раза выше (соответственно 26,1–32,7 % и 14,6–5,0 %), в момент опроса это различие сократилось в 2,2 раза.

В большой степени меняется доля традиционных занятий в общей структуре трудовой деятельности коренных малочисленных народов Севера, но привлекательность самих традиционных видов деятельности не угасает и на протяжении последних лет находится примерно на одном и том же уровне (табл. 1.17).

Чуть меньше трети сельских респондентов (28,9 %) и примерно каждый пятый горожанин (18,9 %) хотели бы заниматься традиционным трудом: оленеводством, рыболовством, охотничьим промыслом, сбором и переработкой дикоросов, но это ориентации селян и горожан на традиционные промыслы. В действительности только 10,3 % селян заняты традиционным трудом (среди горожан нет ни одного человека). Разница желаемых и действительных установок респондентов на традиционные сферы деятельности слишком значительна и не внушает оптимизма.

Таблица 1.17

Привлекательность различных сфер трудовой деятельности сельских жителей ХМАО в середине 2001 г., в процентах к общему числу ответивших

Сфера трудовой деятельности	Население	
	Сельское	Городское
Традиционные промыслы (олeneводство, рыболовство, охота)	28,0	18,9
Нефтегазовая промышленность	12,0	3,8
Лесная и деревообрабатывающая	10,7	3,0
Сфера образования и культуры	12,7	25,0
Здравоохранение	13,1	18,2
Гос. торговля и бытовое обслуживание	7,7	3,8
Гос. торговля и бытовое обслуживание	5,7	10,6
Частные коммерция и предпринимательство	6,8	9,9
Органы управления		
Органы правопорядка	2,5	6,1
Другие	0,8	0,08

Рассмотрим мнения респондентов относительно других нетрадиционных форм занятости. В нефтегазовой, лесной и деревообрабатывающей отраслях среди сельских жителей желают работать в 2,5–3 раза больше опрошенных, чем среди городских респондентов. Ориентации на остальные сферы трудовой деятельности в среднем в 1,5–2 раза ниже у сельских жителей, чем городских. Несмотря на выявленные различия, без специалистов в области экономики и права реализовать желания респондентов будет трудно.

Возможность реализовать ориентации на привлекательные виды профессиональной деятельности у аборигенного населения Севера будет зависеть от успешности развития тех или иных отраслей, количества и качества рабочих мест и профессиональной подготовки лиц, желающих занять эти места. При этом особую заботу необходимо проявить к отраслям традиционного хозяйственного комплекса. Ориентация на занятость традиционными формами природопользования у аборигенов сохраняет устойчивый характер, несмотря на происходящие социальные изменения и существующие проблемы (табл. 1.18).

Из данных, представленных в табл. 1.18, видно, что сокращение занятости у коренных малочисленных народов Севера интенсивно происходит в традиционных отраслях, хотя интерес к этой работе, как мы отмечали, у них не угасает.

Интерес представляет сравнение предпочтений городских и сельских жителей по вопросу привлекательности традиционных форм занятости.

Таблица 1.18

Динамика привлекательности традиционных видов деятельности у коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа, в процентах к общему числу ответивших

Традиционные виды деятельности	Год			
	1995	1997	1999	2004
Рыболовство	26,0	24,8	28,5	28,4
Звероводство	22,0	14,2	20,1	4,0
Охотничий промысел	3,0	4,3	7,0	14,2
Оленеводство	3,8	4,1	4,6	2,2
Изготовление сувенирных изделий	3,5	7,4	5,2	8,6

Изготовление традиционных средств транспорта	1,8	1,7	1,3	1,5
Переработка пушного сырья	3,0	2,5	2,5	2,2
Пошив традицион. одежды, обуви	6,3	5,2	5,3	4,9
Сбор и переработка дикоросов	18,3	26,4	22,8	27,8
Никакой	12,3	9,4	2,1	6,2

И городские, и сельские респонденты по степени привлекательности первое место в 1999 г. отдали рыболовству (соответственно 24,0 и 28,5 %). Далее с небольшим разрывом в процентном соотношении лидирует охотничий промысел (18,3 и 20,1 %). На третьем месте по привлекательности – сбор и переработка ягод, орехов и других дикоросов (16,1 и 22,8 %). Следует отметить, что у респондентов, проживающих в городской местности, с небольшим отрывом следует сувенирное производство – 13,1 %, среди сельских жителей этот показатель в 2,5 раза меньше. Остальные формы занятости у горожан и селян не пользуются особой популярностью и занимают примерно одинаковые позиции, разница колеблется в пределах одного процента.

В 2004 г. произошла смена акцентов у сельских жителей округа. Если рыболовство и сбор дикоросов по-прежнему популярны среди аборигенов, то звероводство потеряло свои позиции с 20,1 % в 1999 г. до 4,0 в 2004 г. Кроме того, в три раза увеличилось число лиц, которых не привлекают традиционные виды занятости.

Анализ парной зависимости традиционных форм занятости и этнической принадлежности показал, что среди ханты и манси, проживающих в сельской местности округа, преобладает настрой на рыболовство (соответственно 25,6 и 25,4 %), охотничий промысел (15,5 и 11,5 %), а также сбор и переработку ягод, грибов, орехов и других дикоросов (24,4 и 30,6 %).

У ненцев округа преобладают иные ориентации: рыболовство (20,0 %), охотничий промысел (20,0 %), оленеводство

(16,0 %), а также сбор и переработка дикоросов (16,0 %). Значительный интерес вызвал настрой коми округа, так как респонденты данной национальности в нашем исследовании принимают участие впервые: среди коми, в первую очередь, преобладает настрой на сбор и переработку дикоросов (41,7 %) и далее в порядке убывания: оленеводство (16,7 %), рыболовство (8,3 %) и охотничий промысел (8,3 %).

Как видим, среди основных групп аборигенного населения – ханты, манси, ненцев – не выявлено значимых отличий в привлекательности традиционных форм занятости.

В следующих двух таблицах автор анализирует данные по интересующему вопросу, полученные в ходе исследования 2004 г., в зависимости от возраста и пола сельских респондентов (табл. 1.19, 1.20).

Данные, представленные в табл.8, свидетельствуют о том, что все респонденты смогли выбрать наиболее значимые для них виды традиционной деятельности. Анализируя данные, можно легко определить, какие виды традиционной деятельности значимы для молодой возрастной категории, для старшего поколения, а также виды деятельности, которые «всем возрастам покорны».

Таблица 1.19
Наиболее значимые виды традиционной деятельности аборигенов ХМАО в зависимости от возраста респондентов в середине 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Вид традиционной деятельности	Возраст				
	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Рыболовство	35,3	28,6	20,9	30,8	22,2
Охотничий промысел	20,6	15,9	13,2	12,8	3,7
Оленеводство	2,9	0,0	2,2	1,3	0,0
Звероводство	5,9	9,5	2,2	3,8	0,0
Изготовление сувенирных изделий	2,9	4,8	14,3	10,3	7,4
Изготовление традиционных средств транспорта	0,0	1,6	2,2	2,6	0,0
Переработка кожного, мехового и пушного сырья	2,9	0,0	2,2	5,1	3,7
Пошив традиционной одежды, обуви	0,0	1,6	9,9	3,8	55,6

Сбор и переработка дикоросов	20,6	28,6	30,8	23,1	7,4
Никакой	8,8	9,3	2,2	6,4	

Итак, у респондентов более старшего возраста выявлен интерес к рыболовству, охотничьему промыслу и оленеводству. Более молодые респонденты отдают предпочтение изготовлению сувенирных изделий, сбору и переработке дикоросов, чем не прочь заняться и респонденты других возрастов. Кроме того, среди молодых респондентов наблюдается и более негативное отношение к традиционным видам деятельности.

Кроме того, интересные данные получены при анализе ответов на вопрос о наиболее значимых видах традиционной деятельности в зависимости от пола респондентов. Отметим то обстоятельство, что на значимость мужской триады отраслей (охота, рыболовство, оленеводство) указали не только мужчины, но и женщины (табл. 1.20). Между тем, значение некоторых женских занятий отметили и мужчины.

Из данных, представленных в таблице, видно, что в середине 1997 г. у мужчин-селян наблюдается ориентация на рыболовство (39,9 %) и охотничий промысел (26,9 %), а у женщин-селянок – сбор и переработку дикоросов (34,9 %), рыболовство (15,6 %), пошив традиционной одежды, обуви, головных уборов из кожи и меха (7,6 %).

Таблица 1.20

Динамика наиболее значимых видов деятельности для мужчин и женщин, проживающих в сельской местности ХМАО, в процентах к общему числу опрошенных

Вид традиционной занятости	Годы					
	1997		1999		2004	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Рыболовство	39,9	15,6	33,5	25,8	38,1	22,2
Звероводство	3,2	4,7	3,6	5,8	3,2	4,5
Охотничий промысел	26,9	6,4	28,5	15,2	23,0	8,6
Оленеводство	6,7	2,9	5,9	7,8	3,2	1,5
Изготовление сувенирных изделий	2,5	10,3	1,0	7,2	2,4	12,6

Изготовление традиционных средств транспорта	2,2	1,4	1,4	1,0	3,2	0,5
Переработка кожного, мехового и пушного сырья	1,3	3,3	1,0	3,7	3,2	1,5
Пошив традиционной одежды, обуви	1,0	7,6	1,8	6,9	0,8	7,6
Сбор и переработка дикоросов	12,3	34,9	21,6	23,5	18,2	33,8
Никакой	4,0	12,9	1,4	2,4	4,8	7,1

Мужчины, проживающие в городской и сельской местности, отдали предпочтение традиционной триаде: рыболовство, охотничий промысел, сбор и переработка дикоросов. Среди остальных видов традиционной деятельности больший процент горожан, по сравнению с сельскими жителями, отдали предпочтение звероводству (соответственно 5,7 и 3,6 %) и сувенирному производству (8,6 и 1,0 %). Женщины, проживающие в сельской и городской местности, отдали предпочтение тем же видам деятельности, что и мужчины. По всем позициям больший процент городских женщин отдали предпочтение традиционным видам деятельности, кроме переработки, кожевенного и мехового сырья, а также сбору и переработки дикоросов.

Таким образом, большинство опрошенных охотнее всего занимались бы добывающими отраслями северного промыслового хозяйства: рыболовством, охотой, оленеводством, собирательством и переработкой дикоросов.

Мнения респондентов по наиболее значимым для них видам традиционной деятельности должны послужить основанием для создания материально-технической базы различных предприятий в исследуемых районах округа. Для этого необходимо определить ориентацию аборигенного населения к традиционному труду в зависимости от района их проживания (табл. 1.21).

Таблица 1.21

Динамика наиболее значимых видов традиционной деятельности коренного населения анализируемых районов Ханты-Мансийского автономного округа, в процентах к общему числу ответивших

Виды традиционной занятости	Аборигенное население											
	Белоярского района			Березовского района			Кондинского района			Октябрьского района		
	1997	1999	2004	1997	1999	2004	1997	1999	2004	1997	1999	2004
Рыболовство	26,6	26,8	26,2	17,5	27,2	29,3	15,4	28,1	28,5	32,8	31,8	30,8
Звероводство	12,7	20,2	1,2	14,7	21,6	2,4	7,7	19,1	6,6	16,2	20,7	1,9
Охотничий промысел	1,3	15,2	13,7	10,9	7,2	19,5	1,9	2,6	13,2	0,4	2,8	13,5
Оленеводство	5,7	1,9	1,2	3,5	0	2,4	3,9	8,4	2,6	3,4	4,2	1,9
Изготовление сувенирных изделий	2,6	5,8	13,7	9,8	4,8	9,8	7,7	4,8	4,6	8,7	5,3	11,5
Изготовление традиционных средств транспорта	0,4	2,1	1,2	2,5	1,6	4,9	1,9	0,6	0,7	1,9	1,1	1,9
Переработка кожного, мехового и пушного сырья	2,2	1,9	3,8	3,5	3,2	2,4	3,9	3,1	2,0	1,5	2,2	0,0
Пошив традиционной одежды, обуви	2,6	5,6	7,5	8,4	10,4	4,9	1,9	4,2	5,3	4,5	4,8	0,0
Сбор и переработка дикоросов	30,1	17,9	27,5	23,5	21,6	17,1	46,2	26,4	29,1	22,3	24,0	32,7
Никакой	15,8	1,9	3,7	5,7	2,4	7,3	9,5	2,2	7,3	8,3	2,2	5,8

Как свидетельствуют наши исследования, решение социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера должно базироваться на сохранении и развитии исторически сложившегося производственного и бытового уклада жизни на новой технической основе, обеспечении устойчивого функционирования традиционных форм хозяйствования. Так считает и само коренное население округа. Наши исследования показывают, что более 70 % респондентов считают занятость в традиционных отраслях основной своей жизнедеятельности.

Результаты наших исследований должны помочь местным органам управления выбрать организационные формы для традиционных видов хозяйствования, основываясь на желаниях респондентов и в зависимости от специфики их хозяйственной деятельности. Для этого респондентам был задан конкретный вопрос: «Какие организационные формы традиционных видов деятельности удобнее создавать в вашем населенном пункте?» (табл. 1.22).

Следует отметить, что на важность некоторых отраслей традиционного хозяйства обратили внимание не сельские жители, которым они ближе по образу жизни, а горожане, оторванные от них. В то же время, при выборе наиболее предпочтительных видов деятельности преимущество отдано семейным бригадам, компактным цехам, мастерским, снабженческо-сбытовым факториям.

Таблица 1.22

Динамика наиболее предпочтительных организационных форм занятости сельского населения ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Организационные формы	Год	
	1999	2004
Семейные бригады	25,9	28,7
Кооперативы	6,9	5,1
Компактные цеха	15,2	16,9
Мастерские	14,7	14,7
Частные предприятия	8,2	9,6
Фактории	12,1	10,9
Ассоциации	5,6	4,6
Совместные предприятия	10,3	8,1
Другие	1,1	2,3

Позиции сельских и городских респондентов по некоторым организационным формам различны. К примеру, больше горожан отдали предпочтение мастерским, частным и совместным предприятиям.

Рассмотрим динамику предпочтений респондентов в отношении организационных форм традиционного хозяйства аборигенного населения в зависимости от района их проживания в Ханты-Мансийском автономном округе (табл.1.23).

В 1993–95 гг. у респондентов возникали трудности с определением наиболее предпочтительных для них организационных форм традиционной деятельности (27,0 – 47,0 % в 1993г., 2,0 – 33,0 % в 1995г.); в 1997–2004 гг. у всех респондентов по этому вопросу уже имелось собственное мнение.

Для каждого исследуемого района наиболее предпочтительны свой набор организационных форм хозяйствования. Так, в 2004 г. коренные жители Белоярского района выбрали следующие организационные формы:

- семейные бригады;
- мастерские;
- частные предприятия.

Березовского района:

- семейные бригады;
- мастерские;
- снабженческо-сбытовые фактории.

Кондинского района:

- семейные бригады;
- мастерские;
- компактные цеха.

Октябрьского района:

- семейные бригады;
- мастерские;
- компактные цеха;
- ассоциации.

Таблица 1.23

Динамика предпочтений организационным формам хозяйствования аборигенного населения в разрезе районов ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Организа- ционные формы	Аборигенное население															
	Белоярского района			Березовского района			Кондинского района			Октябрьского района						
	1993	1995	1997	1993	1995	1997	1993	1995	1997	1993	1995	1997	1993	1995	1997	2004
Семейные бригады	6,0	22,0	27,2	24,7	11,0	30,0	15,4	40,5	15,0	41,0	26,8	30,6	5,0	38,0	29,7	22,2
Кооперативы*	-	9,0	7,7	7,9	-	2,0	3,1	2,7	-	7,0	8,2	2,5	-	6,0	4,5	9,7
Компактные цеха	12,0	6,0	10,9	12,4	12,0	5,0	32,3	5,4	5,0	6,0	11,9	18,4	15,0	8,0	7,5	19,4
Мастерские	12,0	14,0	16,9	18,0	12,0	9,0	15,4	16,2	5,0	1,0	14,4	13,8	15,0	8,0	13,9	12,5
Частные предп-ия	10,0	10,0	6,1	15,7	7,0	8,0	7,7	8,1	3,0	18,0	6,2	9,2	12,0	12,0	9,4	4,2
Фактории	2,0	8,0	15,7	9,0	1,0	7,0	15,4	3,5	4,0	21,0	11,9	11,2	1,0	18,0	12,0	11,1
Ассоциации	11,0	7,0	5,8	4,5	12,0	6,0	3,1	2,7	23,0	4,0	2,5	2,5	25,0	8,0	8,3	11,1
Совмес. предп-тия**	-	-	9,7	6,7	-	-	6,2	5,4	-	-	17,3	9,2	-	-	14,3	8,3
Другие	47,0	24,0	0,0	1,1	45,0	33,0	1,4	5,4	45,0	2,0	0,8	2,5	27,0	2,0	0,4	1,4

* – в анкете 1993 г. данная организационная форма респондентам для ответа не предлагалась.

** – в анкетах 1993 г. и 1995 г. совместные предприятия и ассоциации были объединены в одну альтернативу.

При создании новых организационных форм необходимо учитывать мнения мужчин и женщин, поскольку у них наблюдаются различные ориентации на традиционные виды деятельности (табл. 1.24). Как видим из данных, представленных в табл. 1.24, у мужчин и женщин по данному вопросу мнения различны.

Таблица 1.24

Наиболее предпочтительные организационные формы хозяйствования для мужчин и женщин ХМАО в 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Организационные формы	Пол	
	мужской	женский
Семейные бригады	31,3	27,0
Кооперативы	4,7	5,3
Компактные цеха	14,7	16,8
Мастерские	14,7	14,8
Частные предприятия	8,7	10,2
Снабженческо-сбытовые фактории	11,3	10,7
Ассоциации	4,0	4,9
Совместные предприятия	7,3	8,6
Другие	3,3	1,6

В ходе обработки анкет селян были получены следующие оценки:

В звероводстве и охотничьем промысле удобнее создавать:

- семейные бригады на родовых угодьях – 33,3 %;
- мастерские – 19,4 %;
- снабженческо-сбытовые фактории – 19,6 %;

рыболовстве:

- семейные бригады на родовых угодьях – 57,1 %
- мастерские – 21,4 %
- снабженческо-сбытовые фактории – 19,6 %;

оленоводстве:

- семейные бригады на родовых угодьях – 50,0 %;
- кооперативы – 16,7 %;
- компактные цеха – 16,7 %;

– снабженческо-сбытовые фактории – 16,7 %;
художественных промыслах:

- семейные бригады – 25,0 %;
- кооперативы – 25,0 %;
- мастерские – 25,0 %;
- ассоциации – 25,0 %.

Как видим, различия в мнениях при выборе наиболее предпочтительных организационных форм зависят в большей степени от вида традиционной деятельности, которым хотело бы заниматься коренное население Ханты-Мансийского автономного округа.

Таким образом, ориентациям коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа на традиционные формы хозяйствования соответствует широкий набор предпочтений в выборе организационных форм северного хозяйства.

Преобладание ориентации на традиционные хозяйственные занятия у аборигенного населения в целом и у той части, которая уже так или иначе включена или собирается включиться в новые организационные формы хозяйственно-экономических отношений, предполагает возможность эффективного сочетания традиционных видов хозяйственной деятельности с новыми, которые готово освоить коренное население. При этом «расклад» предпочтений различных видов деятельности – в пользу традиционных отраслей природопользования.

Ориентации коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа на другие виды традиционной деятельности незначительны, на чем подробнее автор остановится ниже. Надо заметить, что от пяти до девятнадцати процентов респондентов, в зависимости от этнической принадлежности, в 1995–2004 гг. указали на нежелание заниматься вообще традиционными видами деятельности. В 1999 г. аналогичный показатель среди сельских и городских респондентов составил чуть более двух процентов.

Северяне настороженно относятся к разработке месторождений с привлечением иностранных инвестиций (табл. 1.25). Между тем, в округе зарегистрировано 166 предприятий с иностранным капиталом.

Таблица 1.25

Распределение ответов на вопрос:
«Многие иностранные компании готовы вкладывать капиталы в освоение природных ресурсов округа. Поддерживаете ли вы эти намерения?», в процентах к общему числу ответивших

Позиции	Население	
	Сельское	Городское
Полностью поддерживаю	1,8	7,5
Поддерживаю, но считаю, что они должны находиться под жестким контролем государства	49,1	33,2
Иностранные вложения поддерживаю, однако в целом по округу они принесут больше вреда, чем пользы	14,0	15,2
Полностью против	1,8	19,0
Затрудняюсь ответить	33,3	22,8

Независимо от этнической принадлежности, района проживания, сферы занятости коренные малочисленные народы высказались за жесткий контроль государства над использованием природных богатств округа.

Негативное отношение к иностранным инвесторам проявляется и при определении объектов, которым следует отдавать предпочтение при развитии экономики Севера (табл. 1.26).

Таблица 1.26

Динамика ответов респондентов на вопрос:
«Кому следует отдавать предпочтение при развитии экономики Севера?», в процентах к общему числу ответивших

Объекты	Годы	
	1999	2004
Местным предпринимателям	24,7	48,2
Российским предпринимателям	5,2	4,0
Госсектору	12,9	11,8
Иностраным предпринимателям	0,7	1,3
Всем при равных возможностях	13,5	19,7
Затрудняюсь ответить	43,0	14,9

Из данных, представленных в табл. 1.26, видно, что сельским жителям не составило труда оценить роль объектов при развитии экономики округа. Почти половина опрошенных сельских жителей (43,0 %) в 1999 г. затруднилась дать какую-либо оценку предложенным объектам, в 2004 г. их число сократилось в три раза. Каждый второй респондент в 2004 г. отдал предпочтение местным предпринимателям, для сравнения: в 1999 г. их число было в два раза меньше.

Как видим, 13,5 до 19,7 % респондентов считает, что следует предоставить возможность всем субъектам при равных условиях участвовать в развитии экономики округа. Иностранным предпринимателям респонденты не доверяют на протяжении всего периода исследования (1993–2004 гг.).

В 1998 г. Дума Ханты-Мансийского автономного округа приняла в первом чтении закон «О родовых угодьях», несмотря на то, что нет такого федерального закона. Основные споры идут вокруг вопроса о частной собственности на родовые угодья.

Для коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа положение о частной собственности не может быть реализовано, так как большая часть земли имеет нефть. По Конституции Российской Федерации и закону «О недрах» – недра являются государственной собственностью.

По нашим исследованиям, 15,2 % опрошенных считают, что собственность на промысловые угодья должна быть полной частной, т. е. с правом купли-продажи угодий (табл. 1.27).

Таблица 1.27

Мнения коренного населения ХМАО о форме собственности на промысловые угодья в середине 1999 г., в процентах к общему числу ответивших

Форма собственности	Население	
	Сельское	Городское
Государственная	8,1	7,0
Государственная, но с индивидуальным владением на правах родовых угодий	40,6	47,3
Полная частная, т. е. с правом купли-продажи	15,2	33,3

Другой	5,8	1,8
Затрудняюсь ответить	30,3	10,5

Разные мнения по вопросу о форме собственности на родовые угодья были выявлены при работе с парными или двумерными распределениями признаков (табл. 1.28).

Таблица 1.28

Мнения коренных народов Севера о форме собственности на промысловые угодья в зависимости от образования в середине 1999 г., в процентах к общему числу ответивших

Форма собственности	Образование						Высшее
	Без образования	Начальное	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Незаконченное высшее	
Государственная	11,8	5,5	14,3	12,8	14,3	0	5,3
Государственная, но с индивидуальным владением на правах родовых угодий	35,3	29,1	37,1	46,8	42,9	70,0	79,0
Полная частная, т. е. с правом купли-продажи угодий	11,8	23,6	8,6	8,5	14,3	10,0	5,3
Затрудняюсь ответить	41,2	32,7	37,1	27,1	27,4	20,0	10,5

Из данных, представленных в табл. 1.28, можно сделать следующие заключения.

С повышением уровня образования респондентов число выбирающих государственную собственность уменьшается.

Более образованные респонденты выбирают государственную собственность, но с индивидуальным владением на правах родовых угодий.

Менее образованные респонденты считают, что собственность должна быть полной частной, т. е. с правом купли-продажи угодий. Среди них самый большой процент затруднившихся определить форму собственности на родовые угодья.

В ответах мужчин и женщин особых различий не наблюдается. Разница в ответах мужчин и женщин составила от 2,0 % до 5,0 % в зависимости от формы собственности.

В ближайшее время целесообразно выработать юридические критерии и процедуру идентификации этнической принадлежности. Поскольку, закрепив юридически право быть представителем аборигенного народа, ханты, манси или ненец получат дополнительные льготы и привилегии, в том числе (а скорее, в первую очередь) в пользовании землей. От этого зависит решение второго вопроса, не менее спорного, чем первый, вызывающего определенную напряженность во взаимоотношениях жителей округа, – он связан с определением категории лиц, имеющих первоочередное право на пользование промысловыми, родовыми угодьями.

С целью изучения мнений респондентов в ходе анкетного опроса был поставлен конкретный вопрос: «Кто должен иметь первоочередное право на владение родовыми угодьями?». Ответы распределились следующим образом:

- как представители коренных малочисленных народов, так и старожилы, занятые традиционными промыслами, независимо от национальности – 36,2 % селян и 40,4 % горожан;
- только представители коренных малочисленных народов, занятые в традиционных промыслах, – 33,9 % и 36,8 % соответственно;
- только представители коренных малочисленных народов, независимо от их основных занятий – 11,1 % и 7,0 %;
- затруднились с ответом 18,1 % опрошенных селян и 15,8 % горожан.

Как было отмечено, мнения городских и сельских респондентов различны. Кроме того, автору интересно было сравнить мнения мужчин и женщин, проживающих на селе и в городе (табл. 1.29).

Третий вопрос, вызывающий не меньше дискуссий, – это вопрос о формах землепользования.

С февраля 1992 г. в Ханты-Мансийском автономном округе осуществляется работа по отводу земельного фонда под родовые угодья. Родовые угодья не относятся к особо охраняемым природным территориям, но представляют собой определенный интерес как «этноэкологические резервы». Согласно Положению, «родовые угодья естественно природный комплекс территорий (леса, реки, их берега, озера, болота, луга, пастбища и т. д.), на которых исторически сложились образ жизни и форма традиционного хозяйствования коренных жителей Ханты-Мансийского автономного округа».

Таблица 1.29

Мнения мужчин и женщин, проживающих в городской и сельской местности, по вопросу первоочередности владения родовыми угодьями в середине 1999 г., в процентах к общему числу ответивших

	Сельское население		Городское население	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Коренные народы и старожилы, занятые традиционными промыслами, независимо от национальности	41,3	36,1	50,0	37,2
Коренные народы, занятые в традиционных промыслах	37,6	29,5	35,7	37,2
Коренные народы, независимо от их основных занятий	8,1	12,3	0	9,3
Затрудились ответить	12,9	22,1	14,3	16,3

Только один респондент из десяти в Белярском районе получил родовое угодье, в остальных районах данные менее утешительные: лишь от 1,9 % до 3,3 % опрошенных получили родовое угодье в собственность, но желающих получить их значительно больше: это каждый третий - из Октябрьского района, каждый второй - из Березовского и Кондинского районов. Число респондентов, не нуждающихся в угодьях, колеблется от 18 % в Кондинском районе до 35,9 % в Березовском. Наибольшее число выделенных родовых угодий в Нижневартовском районе - 128, наименьшее в Советском - 1.

В ходе интервью многие респонденты выразили обеспокоенность тем, что, получив большие по площади родовые угодья, не всегда пригодные для использования, они не смогут добиться позитивных результатов в ближайшие 3-5 лет, так как не обладают достаточными для работы техническими средствами.

Для подтверждения приведенных опасений мы проанализировали обеспеченность коренных малочисленных народов Севера округа техническими средствами (табл. 1.30). Это поможет определить основные направления деятельности организаций, осуществляющих финансовое обеспечение деятельности абори-

генного населения, в том числе обеспечение средствами транспорта, производственным инвентарем и др.

Таблица 1.30

Динамика обеспеченности коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа техническими средствами, в процентах к общему числу ответивших

Технические средства	Годы			
	1993	1995	1997	2004
1. Лодка	20,0	20,0	14,6	25,1
2. Моторная лодка	14,0	28,0	25,0	26,9
3. Снегоход (мото-нарты)	16,0	10,0	9,2	11,3
4. Бензопила	11,3	17,0	23,5	18,6
5. Пилорама	-	0,1	0,2	0,6
6. Автомобиль	0,2	1,0	2,1	4,0
7. Мотоцикл	5,1	7,2	10,2	8,6
8. Нет ничего	33,8	16,7	15,2	4,9

Из данных, представленных в табл. 1.30, видно, что за последние пять лет обеспеченность аборигенного населения техническими средствами значительно улучшилась. Это касается обеспеченности лодками, автомобилями и др. Следует обратить внимание, что в три раза меньше респондентов ответили, что ничего не имеют из технических средств.

Для полного анализа данного вопроса представляет интерес обеспеченность техническими средствами в зависимости от района проживания коренных малочисленных народов Севера (табл. 1.31).

Таблица 1.31

Обеспеченность коренного населения техническими средствами в районах их проживания в середине 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Технические средства	Коренное население			
	Белярского района	Березовского района	Кондинского района	Октябрьского района
1. Лодка	54,3	19,7	14,8	11,1
2. Моторная лодка	42,0	21,6	18,2	18,2

3. Снегоход (мотонарты)	40,5	18,9	27,0	13,5
4. Бензопила	55,7	19,7	8,2	16,4
5. Пилорама	100,0	0,0	0,0	0,0
6. Автомобиль	84,6	0,0	0,0	15,4
7. Мотоцикл	75,0	14,3	3,6	7,1
8. Другие	56,2	25,0	12,5	6,2

Данные, представленные в табл. 1.30, 1.31, показывают, что у коренного населения в настоящее время существует необходимость использовать традиционные средства передвижения – лодки-долбенки, калданки (20,0 % в 1993–1995 гг., 14,6 % – 1997 г., 25,1 % – 2004 г.). В то же время все большее применение получают моторные лодки типа «Обь», «Казанка», лодочные моторы «Ветерок».

Кроме того, не исчезли из быта аборигенов, занимающихся охотничьим промыслом, и ручные нарты (2–5 %), с помощью которых перевозят груз с места промысла, но все чаще прибегают к мотонартам типа «Буран», обеспеченность которыми в последние годы начала снижаться. Если в середине 1993 г. 16,0 % респондентов имели снегоходы (мотонарты), то к середине 2004 г. их число сократилось, составив лишь 11,3 % опрошенных.

Оснащенность техническими средствами респондентов в зависимости от сферы их деятельности показывает, что каждый второй респондент, занятый традиционными видами деятельности, имеет лодки, моторные лодки; каждый третий – бензопилу; каждый пятый – мотонарты, а вот автомобилями и мотоциклами обладают, в основном, респонденты, занятые в сфере здравоохранения, образования, на транспорте и в нефтегазовой отрасли.

Большую тревогу вызывает отсутствие у четверти респондентов Октябрьского района и каждого десятого из остальных районов каких-либо технических средств. Безусловно, что при таком техническом оснащении промыслов трудно ожидать в ближайшие годы подъема традиционного хозяйства на более высокий уровень.

В результате наших исследований выяснилось, что к середине 2004 г. 27 респондентов (13,0 %) получили родовое угодье в личное пользование, около половины опрошенных (42,3) не получили, но хотели бы получить, пятая часть опрошенных (22,1 %) в угодьях не нуждаются. Четверть респондентов указали, что из числа их знакомых и родственников никто угодье в личное пользование не получил.

В процессе анализа выяснилось, что наибольшее количество родовых угодий в личное пользование получили респонденты Белоярского района (табл. 1.32), а наименьшее – Кондинского.

Таблица 1.32

Отношение коренного населения районов ХМАО к получению родовых угодий в личную собственность в 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Отношение	Аборигенное население			
	Белоярского района	Березовского района	Кондинского района	Октябрьского района
Да, получил	18,5	14,8	59,3	7,4
Нет, но хотел бы получить	9,1	10,2	54,5	26,1
Не нуждаюсь	35,6	15,6	42,2	6,7
Никто из знакомых и родственников не получил	36,2	2,1	44,7	17,0

Коренные малочисленные народы Севера в течение многовековой истории показали всему миру образец бережного отношения к окружающей среде, они не только выжили в суровых природно-климатических условиях, но и успешно развивали хозяйственную деятельность, сохранили свои традиции, обычаи, язык, самобытную культуру.

Территория Ханты-Мансийского автономного округа уже четыре десятилетия является регионом интенсивного промышленного освоения, вызванного разработкой углеводородного сырья и лесных ресурсов. Появление городов и рабочих поселков, транспортных коммуникаций, быстрый рост иноэтнического

населения, прибывшего из различных регионов страны, оказали существенное влияние на социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера, т. е. перечисленные обстоятельства оказали негативное влияние на все стороны их жизнедеятельности. Интенсивное промышленное освоение территории Ханты-Мансийского автономного округа не могло не оказать негативного воздействия и на функционирование традиционных отраслей хозяйства, удельный вес и абсолютные объемы которых с каждым годом снижаются.

В условиях социально-экономических изменений коренные малочисленные народы Ханты-Мансийского автономного округа оказались менее подготовленными и защищенными, чем жители других регионов России. Это касается таких показателей, как жилищно-коммунальные и бытовые условия, медицинское и торговое обслуживание, условия работы, обеспеченность детскими дошкольными учреждениями, возможность проведения досуга и др. Наши исследования свидетельствуют, что социально-экономическая ситуация в последние годы в местах проживания ханты и манси не улучшается, а по многим позициям ухудшается.

Следует отметить, что в анкетном опросе, проведенном в середине 1997 г., жители Белоярского, Березовского, Кондинского и Октябрьского районов указали только одну сторону своей жизни, где позитивные перемены стали преобладать над негативными, – это снабжение продовольственными и промышленными товарами. По остальным позициям произошло увеличение негативных оценок условий жизнедеятельности сельских респондентов Ханты-Мансийского автономного округа (табл. 1.33).

Таблица 1.33

Мнения сельских жителей ХМАО об условиях жизни на Севере в середине 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Условия жизни	Мнения			
	стали лучше	стали хуже	не изменились	затрудн. ответить
Материальная обеспеченность	9,7	67,4	16,7	6,2
Возможность трудоустройства	6,2	76,1	14,2	3,5
Получение жилья	12,4	65,0	16,8	5,7
Снабжение товарами	36,7	39,8	17,3	6,2

Возможность выгодно продать рыбу, пушнину	16,1	55,2	15,2	13,4
Возможность сохранения промысловых территорий	6,2	54,7	11,1	28,0
Возможность сохранения национальных обычаев	10,8	58,3	13,9	17,0
Возможность приобретения техники, снаряжения	19,0	54,0	13,3	13,7
Отток работников из традиционных промыслов	5,4	46,0	16,5	32,1
Взаимоотношения между народами	6,2	46,0	32,3	14,6
Состояние здоровья	10,6	62,4	18,6	8,4

Более шестидесяти процентов опрошенных отметили ухудшение в возможностях приобретения сырья, техники и снаряжения. Традиционные промыслы по-прежнему убыточны, это связано с примитивной технологией производства, неотлаженной системой обеспечения сырьем и сбыта продукции. Большинство видов продукции в условиях северного климата может подвергаться длительному хранению, причем с небольшими затратами. Это позволяет накапливать значительную товарную массу и предлагать для реализации крупные партии мяса, рыбы, орехов, ягод, пушнины и других товаров промыслового хозяйства в свежем (замороженном) и переработанном виде.

У вновь образуемых хозяйств нет средств на их возрождение. Между тем, по предварительным оценкам, например только в Ханты-Мансийском автономном округе развитие традиционных промыслов позволило бы создать до 5 тыс. рабочих мест, что особенно важно для занятости женского населения. Помимо создания новых рабочих мест появляется возможность организации комплексной переработки сырья традиционных отраслей.

Решением проблемы занятости коренного населения округа является формирование системы организационно-экономических, правовых и финансовых механизмов обеспечения занятости коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа путем сохранения и создания рабочих мест в традиционных для них отраслях хозяйствования в условиях интенсивного промышленного освоения региона и развития рыночных отношений.

С этой целью необходимо решить следующие проблемы:

а) создание условий для деятельности национальных предприятий, родовых общин, позволяющих обеспечить дополнительные рабочие места для коренных малочисленных народов Севера;

б) создание рыночных механизмов обеспечения занятости коренных малочисленных народов округа, формирование единой системы национальных хозяйствующих субъектов;

в) разработка мер государственной поддержки традиционных отраслей хозяйства и повышение их удельного веса в структуре экономики Ханты-Мансийского автономного округа.

Результаты анкетных исследований 1993–1997 гг. позволили проследить динамику негативных оценок условий жизни на Севере коренными малочисленными народами Севера (табл. 1.34).

Таблица 1.34

Динамика негативной оценки условий жизни на Севере коренным населением Ханты-Мансийского автономного округа, в процентах к общему числу ответивших

Условия жизни	Годы			
	1993	1995	1997	2004
Возможность получения жилья	49,8	73,3	65,2	65,0
Возможность трудоустройства	50,8	78,8	79,5	76,1
Снабжение продовольственными товарами	59,3	54,8	28,3	39,8
Снабжение промышленными товарами	56,3	54,0	28,5	39,8
Возможность сохранения пастбищ, промысловых территорий	25,0	33,3	47,3	54,7
Отток работников из традиционных отраслей	29,0	16,8	57,9	46,0
Приобретение техники, снаряжения	47,3	57,8	55,8	54,0

Решение социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера должно базироваться на сохранении и развитии на новой технической основе их исторически сложившегося производственного и бытового уклада жизни, обес-

печении устойчивого функционирования традиционных видов хозяйствования как фундамента развития. Так считает и само коренное население. Наше исследование 2004 г. показало, что более четверти мужчин и женщин считают занятость в традиционных промыслах (оленоводство, рыболовство, охота, сбор дикоросов) основой своей жизнедеятельности.

Неопределенность социально-экономической ситуации, зафиксированная в негативных оценках абсолютного большинства респондентов, определяет характер видения ими своего материального положения (табл. 1.35).

Таблица 1.35

Динамика изменения материального положения коренного населения ХМАО, в процентах к общему числу опрошенных

Материальное положение	Сельское население				
	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2004 г.
Улучшилось	8,5	10,5	10,4	3,7	26,4
Ухудшилось	39,5	25,0	55,5	45,1	35,2
Не изменилось	51,5	53,0	24,5	15,5	32,9
Затрудняюсь ответить	0,5	11,5	9,6	3,3	5,6

Как видим из данных, приведенных в табл. 1.35, материальное положение к середине 2004 г. ухудшилось у 35,2 % сельских респондентов. Между тем, около половины опрошенных (42,4 %), проживающих в сельской местности, возлагают надежды на улучшение своего материального положения в ближайшие год-два, но более трети опрошенных (38,3 %) ожидают его ухудшения.

Анализ зависимости динамики материального положения и уровня образования сельских жителей показал, что у респондентов со средним специальным образованием за последние два года произошло ухудшение материального положения, а улучшение – у селян, имеющих высшее образование (табл. 1.36).

Анализ материального положения сельских респондентов в зависимости от их семейного положения выявил в середине 1997 г. следующие тенденции.

У более чем половины респондентов (55 %), независимо от семейного положения, материальное положение ухудшилось.

Материальное положение улучшилось у каждого четвертого опрошенного, причем улучшение, в первую очередь, произошло у половины опрошенных женатых (замужних) респондентов (49,8 %), далее у холостых (незамужних) – 35,5 % и у разведенных (14,7 %).

Динамика материального положения аборигенов ХМАО в зависимости от образования представлена в табл. 1.36.

Таблица 1.36

Динамика материального положения аборигенов ХМАО в зависимости от образования, в процентах к общему числу опрошенных

Материальное положение	Образование									
	без образования		начальное		среднее		среднее специальное		высшее	
	1997	2004	1997	2004	1997	2004	1997	2004	1997	2004
Улучшилось	5,9	7,1	7,9	8,9	9,8	30,4	11,8	46,4	18,6	7,1
Ухудшилось	52,9	7,9	55,6	11,8	44,0	34,2	54,5	42,1	41,9	3,9
Не изменилось	3,5	7,1	31,8	15,7	48,0	32,9	27,2	32,9	32,6	11,4

Материальное положение не изменилось у четверти опрошенных женатых (замужних) – 49,8 % и холостых (незамужних), и у трети разведенных.

Результаты анализа материального положения городских респондентов в зависимости от пола в середине 2004 г. представлены в табл. 1.37.

Таблица 1.37

Материальное положение горожан в зависимости от пола в 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Материальное положение	Пол	
	мужской	женский
Улучшилось	33,3	66,7
Ухудшилось	36,8	63,2
Не изменилось	38,0	62,0
Затрудняюсь ответить	58,3	41,7

Наиболее серьезным фактором роста социальной напряженности в Ханты-Мансийском автономном округе является сни-

жение уровня жизни коренного населения, расширяющиеся бедность и нищета. Рассмотрим самооценки респондентов (табл. 1.37), в которых они определили уровень своей жизни через удовлетворение потребностей семьи.

В основе данных табл. 1.38 лежат стандарты, которыми руководствуются респонденты. Как видим, в распределении самооценок уровня жизни за последние два года произошли изменения.

Таблица 1.38

Динамика самооценки уровня жизни коренного населения ХМАО через удовлетворение потребностей семьи, в процентах к общему числу ответивших

Самооценка уровня жизни	Сельское население		
	1997	1999	2004
1. Денег вполне достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и ни в чем себе не отказывать	0,4	11,9	7,3
2. Денег достаточно для приобретения продуктов и одежды, но на крупные покупки приходится откладывать на будущее	23,0	21,8	41,3
3. Денег хватает лишь на покупку продуктов питания	46,7	30,2	37,6
4. Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	29,9	24,0	13,8

Это выглядит тем более странно, поскольку в наших исследованиях значительная часть респондентов (в 1993 г. – 39,5 %; 1995 г. – 25,0 %; 1997 г. – 55,1 %; 1999 г. – 45,1 %; 2004 г. – 35,2 %) указывает на ухудшение своего материального положения. Это объясняется тем, что, во-первых, источник терпеливости большей части населения заключается в том, что и в прошлые годы она имела доходы, которых едва хватало на скромную жизнь. Во-вторых, до недавнего времени большинство населения верило, что в ближайшие год-два положение нормализуется, жизнь станет лучше, а жить – легче.

Как отмечалось ранее, в середине 1999 г. был проведен анкетный опрос коренного населения г. Ханты-Мансийска. Это позволило выявить различия в ответах сельского и городского населения.

Если 21,8 % сельского населения отметили, что денег достаточно для приобретения продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать, то среди городского населения таких оказалось почти втрое больше (57,9 %). Кроме того, опрошенные из сельской местности указали, что денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, среди горожан таких более чем в три раза меньше. В то же время, у каждого десятого селянина денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, а среди городского населения таких вообще нет. Такое положение на первый взгляд кажется странным. Эту ситуацию, по мнению автора, можно объяснить тем, что у сельских жителей другой уровень притязаний. Тем более, что жители некоторых родовых угодий находятся на полном обеспечении и попечении нефтяных компаний, которые в ходе выполнения экономических соглашений оказывают коренному населению ощутимую финансовую, материальную и другую помощь.

Наибольшее количество обеспеченных проживает в Белоярском и Октябрьском районах; значительное количество обнищавших слоев – в Кондинском и Октябрьском. В то же время, самый большой контингент бедного населения проживает в Белоярском и Березовском районах. Между тем, и более высокая доля среднего слоя отмечается также в последних двух районах.

Другой расклад ответов респондентов, проживающих в исследуемых районах Ханты-Мансийского автономного округа, получаем при анализе результатов двумерного распределения в зависимости от национальной принадлежности, возраста, пола, сферы занятости и образования (табл.1.39). Рассмотрим некоторые результаты.

Таблица 1.39

Оценка материального положения горожанами в зависимости от национальности, в 1999 г., в процентах к общему числу ответивших

Самооценка уровня жизни	Национальность		
	ханты	манси	ненцы
1. Денег вполне достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и ни в чем себе не отказывать	8,8	0,0	20,0
2. Денег достаточно для приобретения продуктов и одежды, но на крупные покупки приходится откладывать на будущее	43,2	35,1	0,0
3. Денег хватает лишь на покупку продуктов питания	35,1	48,6	59,5
4. Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	12,8	16,2	20,5

Из данных, представленных в табл. 1.39, видно, что среди ханты, манси и ненцев нет ни одного, кто бы себе ни в чем не отказывал и мог позволить покупать дорогие вещи. Самая благополучная ситуация сложилась у ненцев – среди них нет лиц, которым не хватало бы денег для приобретения продуктов питания.

Рассмотрим достаточность денежных средств городских респондентов и в зависимости от возраста (табл. 1.40).

Таблица 1.40

Оценка материального положения горожанами в зависимости от возраста в 1999 г., в процентах к общему числу ответивших

Самооценка уровня жизни	Возраст					
	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 61 года
1. Денег вполне достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и ни в чем себе не отказывать	4,2	10,6	5,6	8,0	9,5	7,7

2. Денег достаточно для приобретения продуктов и одежды, но на крупные покупки приходится откладывать на будущее	50,0	40,4	40,7	44,0	47,6	23,1
3. Денег хватает лишь на покупку продуктов питания	29,2	44,7	40,7	24,0	33,3	53,8
4. Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	16,7	4,3	13,0	24,0	9,5	15,4

Следует отметить, что ответы жителей исследуемых районов ХМАО отличаются от ответов жителей Тюменской области. На протяжении последних пяти лет Отдел стратегических и социально-политических исследований Института социально-политических исследований Российской академии наук проводит анкетные опросы в режиме социологического мониторинга «Как живешь, Россия?» в 12 регионах России: в Москве, Санкт-Петербурге, республике Татарстан, в Краснодарском крае, в Воронежской, Курской, Костромской, Саратовской, Томской, Тюменской, Челябинской, Ярославской областях. Руководитель генерального проекта д. соц. н., профессор В. К. Левашов, руководитель полевого этапа в Тюменской области д.социол.н., профессор Н. Г. Хайруллина. Это позволило нам провести сравнительный анализ самооценки денежных доходов жителей различных регионов Тюменской области.

Так, в опросе жителей Тюменской области в декабре 2003 г. (XIX этап исследования) приняли участие 266 респондентов, из них 46,0 % жители юга Тюменской области, включая сельской зоны; 24,6 % – Ямало-Ненецкого и 29,4 % – Ханты-Мансийского автономных округов. Всего было опрошено 40 % мужчин и 60 % женщин.

В опросе жителей Тюменской области в июне 2004 г. (XX этап исследования) приняли участие 385 респондентов, из них 46,0 % жители юга Тюменской области, включая сельской зоны; 34,6 % – Ямало-Ненецкого и 19,4 % – Ханты-Мансийского автономных округов. Всего было опрошено 60 % мужчин и 40 % женщин.

В опросе жителей Тюменской области в декабре 2004 г. (XXI этап исследования) приняли участие 190 респондентов, из них 57,9 % жители юга Тюменской области, включая сельской зоны; 18,7 % – Ямало-Ненецкого и 23,4 % – Ханты-Мансийского автономных округов. Всего было опрошено 43 % мужчин и 57 % женщин.

В опросе жителей Тюменской области в декабре 2006 г. (XXIV этап исследования) приняли участие 385 респондентов, из них 37,1 % жители юга Тюменской области, включая сельской зоны; 22,3 % – Ямало-Ненецкого и 40,6 % – Ханты-Мансийского автономных округов. Всего было опрошено 60 % мужчин и 40 % женщин.

Респондентам, было предложено охарактеризовать свои денежные доходы. По оценкам респондентов, у 1,1 % из них в 2003 г. денег было вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать; к концу 2006 г. их число увеличилось почти в пять раз. Одновременно каждый третий участник опроса в 2003, 2004 и 2006 гг., а также каждый третий в 2005 г. указали, что покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывала трудностей, однако покупка автомашины, квартиры была недоступна. Около половины опрошенных (от 42,7 % в 2004 г. до 56,0 % в 2006 г.) ответили, что денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако на более крупные покупки приходилось откладывать на потом. Таким образом, материальное положение около восьмидесяти процентов жителей Тюменской области в 2004–2006 гг. можно оценить как стабильное (табл. 1.41).

Таблица 1.41

Динамика оценок, наиболее точно характеризующих денежные доходы жителей Тюменской области, в % к общему числу

ответивших

Оценка	Год			
	2003	2004	2005	2006
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	1,1	4,6	4,3	5,3

Покупка большинства товаров длительно-го пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины, квартиры сейчас недоступна	21,1	17,8	31,3	20,1
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	46,4	42,7	44,9	56,0
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	24,1	24,5	15,7	13,4
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания	7,2	10,4	3,8	5,3

Для иллюстрации сказанного обратимся к ответам респондентов трех категорий, выделенных по распределению денежных расходов, полученных в середине 1997 г. (табл. 1.42). Представленные данные характеризуют и сегодняшнее положение, поскольку ситуация в период с 1995–2004 гг. мало изменилась.

Таблица 1.42

Степень достаточности денежных доходов коренного населения ХМАО в 1997 г., в процентах к общему числу ответивших

Расходы на	Степень достаточности		
	Вполне достаточно	В целом достаточно	Совершенно недостаточно
Питание	10,0	42,0	43,0
Покупку непродовольственных товаров	3,0	18,0	76,0
Оплату культурно-бытовых услуг	11,0	24,0	36,0
Покупку вино-водочных изделий и пива	11,0	24,0	36,0
Покупку лекарств	11,0	24,0	36,0
Оплату жилищно-коммунальных услуг	7,0	35,0	33,0
Покупку предметов роскоши (мебель и т. д.)	1,0	5,0	77,0

Покупку инвентаря	2,0	19,0	57,0
Покупку строительных материалов	1,0	4,0	78,0
Другие расходы	1,0	11,0	62,0

Результаты наших исследований свидетельствуют, что по меньшей мере половина из числа указавших, что денежных средств вполне или в целом достаточно для нормального существования, не может быть отнесена к зажиточным слоям населения. Они вынуждены экономить на удовлетворении элементарных физиологических и социальных потребностей, не говоря о более сложных (табл. 1.43).

На фоне не внушающих оптимизма данных интересно узнать оценку северянами проходящих в округе экономических преобразований. Небольшая часть респондентов считает, что процесс экономических преобразований идет слишком быстро; четверть опрошенных – слишком медленно; 6,0 % респондентов – с нужной скоростью, а вот каждый пятый опрошенный считает, что экономических изменений нет. Около половины опрошенных затруднились дать ответ на данный вопрос.

Интерес вызывают ответы респондентов на данный вопрос в зависимости от их образования и района проживания. Так, около половины опрошенных респондентов из Кондинского района (42,0 %) считают, что экономических изменений нет, между тем, 45,7 % респондентов из Белоярского района считают, что экономические преобразования идут с нужной скоростью. Треть опрошенных респондентов со средним специальным и высшим образованием отметили, что экономические преобразования идут слишком быстро, а значительное число респондентов без образования (66,7 %) и с начальным образованием (49,1 %) вообще затруднились дать какую-либо оценку ходу экономических реформ.

Различная оценка процесса рыночных преобразований в традиционных отраслях дана городскими респондентами и в зависимости от их национальной принадлежности, пола, возраста, образования. Рассмотрим зависимость оценки хода экономических реформ от национальной принадлежности и образования респондентов (табл. 1.44, 1.45).

Таблица 1.44
Мнения горожан о ходе рыночных преобразований в традиционных отраслях в 2004 г. в зависимости от национальной принадлежности, в процентах к общему числу ответивших

Оценка хода экономических реформ	Национальность		
	ханты	манси	ненцы
Экономические реформы идут слишком быстро	6,6	5,4	20,0
Экономические реформы идут слишком медленно	31,8	24,3	40,0
Экономические реформы идут с нужной скоростью	21,2	24,3	20,0
Экономических изменений нет	8,0	16,2	0,0
Затрудняюсь ответить	32,4	29,7	20,0

Таблица 1.45
Мнения респондентов о ходе экономических преобразований в традиционных отраслях в 2004 г. в зависимости от образования, в процентах к общему числу ответивших

Оценка хода экономических реформ	Образование				
	без образования	начальное	среднее	среднее специальное	высшее
Экономические реформы идут слишком быстро	5,9	3,4	8,7	7,8	6,7
Экономические реформы идут слишком медленно	23,5	34,5	27,5	33,3	6,7
Экономические реформы идут с нужной скоростью	11,8	20,7	17,4	26,7	46,7

Экономических изменений нет	11,8	3,4	10,1	11,1	6,7
Затрудняюсь ответить	47,1	37,9	36,2	21,1	33,3

Как видим, мнения горожан о ходе экономических преобразований в традиционных отраслях в середине 2004 г. не внушают оптимизма. Каждый третий ханты, каждый четвертый манси и каждый пятый ненец затруднились оценить данный процесс. Лишь каждый пятый ханты, манси и ненец дали процессу рыночных преобразований позитивную оценку.

Следует отметить, что все респонденты, независимо от образования, затруднились дать ответ на данный вопрос.

Как же относятся к курсу экономических реформ жители Тюменской области? Обратимся к результатам вышеуказанных исследований. Менее половины опрошенных (43,5 %) в 2004 г. ответили, что к курсу экономических реформ относятся положительно. Противоположного мнения придерживалась четверть участников анкетного опроса. Безразличие экономическим реформам высказал каждый десятый респондент, в два раза большее число опрошенных затруднились с ответом. В декабре 2005 г. получены практически такие же ответы респондентов (соответственно 40,5; 24,3; 13,5 и 20,7 %). Аналогичная ситуация выявлена и в декабре 2006 г. за исключением того, что с 13,8 до 17,5 % увеличилась доля респондентов, высказавшая безразличное отношение к проводимым экономическим реформам. В целом, основываясь на данных, полученных в 2003–2006 гг., можно говорить о позитивном отношении респондентов к проводимым руководством страны экономическим реформам (табл. 1.46).

Таблица 1.46

Динамика мнений жителей Тюменской области об отношении к курсу экономических реформ, проводимых руководством страны, в % к общему числу ответивших

Меры	Год			
	2003	2004	2005	2006
В основном положительно	32,8	33,6	34,4	33,3

В основном отрицательно	19,9	27,9	23,3	21,0
Безразлично	15,2	17,4	13,8	17,5
Затрудняюсь ответить	32,1	21,1	28,0	28,1

В то же время, очевидно, что эти настроения не стали возобладающими в обществе. Этот вывод подтверждают ответы респондентов на вопрос, отвечают ли экономические преобразования интересам большинства населения, полученные в декабре 2004 года. Более половины опрошенных (59,5 %) полагают, что экономические преобразования не отвечают интересам большинства населения; при этом четверть опрошенных не смогла определить своего отношения к данному вопросу. Только один из шести респондентов (16,0 %) согласился, что экономические преобразования отвечают интересам большинства россиян.

Задавая в 2004 г. вопрос о надеждах, которые респонденты жители исследуемых районов ХМАО возлагают на проводимые экономические реформы, мы в качестве ответов предложили список проблем, а также предусмотрели возможность для других, не названных в списке ответов.

В середине 2004 г. процесс рыночных преобразований в традиционных отраслях оценил как слишком быстрый каждый второй сельский респондент в возрасте от 31 до 40 лет, слишком медленный – каждый третий в возрасте от 41 до 50 лет, большинство женщин (63,6 %) оценили данный процесс как протекающий с нужной скоростью.

Каким же способом коренные малочисленные народы округа пытаются улучшить свое материальное положение?

Результаты нашего опроса, проведенного в середине 2004 г., свидетельствуют, что у половины респондентов (52,7 %) наблюдаются пессимистические настроения: 28,1 % опрошенных не знают, что делать; 24,7 % – ничего не будут предпринимать. Остальные предложили конкретные мероприятия.

1. Буду больше работать на своей работе – 11,5 %.
2. Займусь охотничьим промыслом, собирательством (ягод, грибов, дикоросов) – 10,6 %.
3. Заведу семейную фирму – 9,4 %;
4. Найду более высокооплачиваемую работу – 8,1 %.

Другие альтернативы были выбраны менее чем двумя процентами ответивших на данный вопрос.

Значительная часть респондентов (от 52,9 до 63,6 %), занятых в традиционных видах деятельности, не знает, что надо предпринять для улучшения материального положения своей семьи в ближайшие год-два. Пятая часть опрошенных ничего не собирается предпринимать, еще такое же число опрошенных займется охотничьим промыслом, собирательством (ягод, грибов, орехов и других дикоросов).

Респонденты, занятые в органах здравоохранения (42,9 %) и в сфере образования (100,0 %), отметили, что для улучшения материального положения будут больше работать на своей работе.

Сложность кризисной социально-экономической ситуации на Севере, зафиксированная в ответах абсолютного большинства опрошенных, определяет и характер основных источников дохода аборигенного населения. Структура доходов аборигенного населения сегодня складывается из различных источников.

Однако, для большинства опрошенных (69,1 в 1993 г., 64,8 – 1995 г., 76,2 % – 1997–1999 гг., 66,2 % – 2004 г.) главным источником существования по-прежнему являются заработная плата и надбавки к ней, выплаты из социальных фондов, а также бесплатные услуги и дотации предприятия (табл.1.47).

Заработная плата коренных малочисленных народов Севера в несколько раз ниже средней по Ханты-Мансийскому автономному округу, около 70 % коренного населения имеет доходы ниже минимального прожиточного минимума, т. е. находится за чертой бедности. В связи с этим резко сократилось потребление коренным населением мяса, рыбопродуктов, молочных продуктов, овощей, а это в свою очередь отражается на здоровье.

Сегодняшняя ситуация складывается не в пользу традиционных форм занятости аборигенного населения. Как видно из данных таблицы, у семи процентов респондентов уменьшился доход от продажи традиционной продукции (мясо, рыба, грибы, ягоды, орехи и др.). Это тревожный факт. Ведь этническое возрождение на Севере возможно лишь на основе сохранения и развития традиционных форм хозяйствования.

Структура доходов городских респондентов значительно отличается от бюджета селян. У горожан основную часть дохода

(80,1 %) составляют зарплата и надбавки к ней, а также выплаты из социальных фондов. У сельских респондентов указанные статьи составляют половину дохода. При этом у селян четверть бюджета пополняется за счет продажи продукции традиционных промыслов, а у горожан данная статья составляет лишь десятую часть дохода.

Таблица 1.47

Динамика изменения структуры основных источников дохода сельского населения ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Источники дохода	Сельские жители				
	1993 г.	1995 г.	1997 г.	1999 г.	2004 г.
Зарплата и дотация	48,3	37,0	42,5	34,1	37,1
Выплаты из социальных фондов	20,8	27,8	33,7	32,3	29,1
Доход из продажи продукции традиционных промыслов	24,5	26,3	19,7	25,0	26,0
Другие источники, включая коммерческую деятельность	6,4	8,9	4,1	8,6	7,8

Различается структура доходов городских респондентов и в зависимости от половой принадлежности (табл. 1.48).

Таблица 1.48

Структуры основных источников дохода мужчин и женщин в 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Источники дохода	Пол	
	мужской	женский
Зарплата и дотации	31,1	49,1
Выплаты из социальных фондов	25,4	23,7

Доход от продажи продукции традиционных промыслов	39,4	22,1
Другие источники, включая коммерческую деятельность	4,1	5,1

Из данных, представленных в табл. 1.48, видно, что основную часть дохода женщин составляют зарплата, бесплатные услуги и дотации предприятия и выплаты из социальных фондов. Спектр доходов мужчин шире – это и доход от продажи продукции традиционных промыслов, а также другие источники, включая коммерческую деятельность.

Не менее остро в Ханты-Мансийском автономном округе стоит проблема безработицы среди женщин из числа коренных малочисленных народов. Это связано с тем, что большая их часть не имеет достаточного образовательного уровня и профессиональных навыков, чтобы быть конкурентоспособными по сравнению с другими категориями населения. По оценкам ученых, рынок труда в ближайшие 2–3 года пополнится женщинами со средне-специальным и высшим образованием, не имеющими возможности найти работу, соответствующую их профессиональной подготовке.

Остановимся и на формировании дохода городских респондентов различных возрастных категорий (табл. 1.49).

Таблица 1.49

Структуры основных источников дохода респондентов в зависимости от возраста в 2004 г., в процентах к общему числу ответивших

Источники дохода	Возраст					
	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 61 года
Зарплата и дотации	40,0	36,6	50,0	38,8	33,3	15,4
Выплаты из социальных фондов	17,1	34,5	12,2	22,5	30,0	53,8
Доход от продажи продукции традиционных промыслов	40,0	25,5	33,8	35,0	26,6	30,8

Другие источники, включая коммерческую деятельность	2,9	3,4	4,0	3,7	10,1	0,0
---	-----	-----	-----	-----	------	-----

Более взрослые респонденты в качестве источника дохода называют чаще коммерческую деятельность. В то же время молодежь отмечает в качестве источника дохода – доход от продажи продукции традиционных промыслов. По мере взросления этот источник приобретает существенную роль в доходе респондентов.

Причем прослеживается интересная закономерность: у респондентов, которые занимаются традиционными видами деятельности, выручка от продажи добытой или произведенной ими продукции не является основным источником дохода. Так, респонденты, занятые народными промыслами, указали, что от продажи продукции традиционных промыслов не получают дохода. У респондентов, занятых в звероводстве и охотничьим промыслом, доход от продажи мяса и меха составляет только 4,2 %. Наиболее благополучная ситуация сложилась у респондентов, занятых рыболовством: доход от продажи рыбы составляет 20,0 %.

В 2003–2006 гг. жители Тюменской области имели возможность выбрать пять из предложенных семнадцати проблем, которые их беспокоят в первую очередь (табл. 1.50).

Таблица 1.50

Динамика мнений жителей Тюменской области о проблемах, которые их беспокоят в первую очередь, в % к общему числу ответивших

Проблемы	Год			
	2003	2004	2005	2006
Экологическая обстановка	34,5	41,0	43,3	30,6
Дороговизна жизни	44,9	45,2	33,5	42,7
Наркомания	45,3	43,6	42,3	41,4
Закрытие, простой предприятий	10,9	7,4	9,3	7,3
Безработица	31,8	27,1	26,8	27,6
Преступность	46,8	37,8	38,1	38,4
Разделение общества на богатых и бедных	21,7	15,4	15,5	19,4

Произвол чиновников	23,6	23,4	26,8	27,2
Алкоголизм	16,9	19,2	25,3	31,9
Падение нравов, культуры	27,3	26,6	37,1	25,9
Безопасность Ваша и Ваших близких	33,3	27,7	29,4	31,9
Обострение межнациональных отношений	8,2	10,6	11,3	9,1
Задержка выплаты зарплаты, пенсий	17,6	11,9	6,7	9,9
Терроризм	35,6	24,5	46,4	30,6
Повышение тарифов на жилье и коммунальные услуги	27,7	25,8	26,3	36,2
Замена льгот денежными выплатами (монетизация)	4,9	1,8	2,6	3,0
Другие	0,7	0,5	1,0	0,6

Анализ ответов, представленных в табл. 1.50 показывает, что последние четыре года тюменцев, в первую очередь, беспокоят проблемы наркомании, преступности, терроризма, безопасности, дороговизны жизни и экологической обстановки.

В заключение хотелось бы отметить, что негативные социальные последствия «радикальных реформ» отразились на уровне и качестве жизни не только на респондентах, проживающих в сельской местности четырех исследованных районов Ханты-Мансийского автономного округа, но и всех жителей Тюменской области.

Негативные социальные последствия проводимого курса реформ вызвали преобладание соответствующих оценок хода реформ, определили набор наиболее острых проблем жизни, а также падение уровня жизни, выразились в социальном расхождении жителей, проживающих в сельской местности и окружном центре г. Ханты-Мансийска.

Таблица 1.43
Динамика уровня потребления продуктов питания респондентами, в процентах к общему числу ответивших

Продукты питания	Уровень потребления						Затрудняюсь ответить					
	Стал больше			Стал меньше			Не изменился			Затрудняюсь ответить		
	1995	1997	2004	1995	1997	2004	1995	1997	2004	1995	1997	2004
Хлебобулочные изделия	14,0	21,9	28,0	48,0	44,5	14,2	27,0	19,1	52,9	8,0	14,5	4,9
Макаронные изделия	11,0	23,5	27,7	47,0	44,4	14,5	30,0	17,0	50,2	8,0	15,1	7,5
Крупы	10,0	17,0	24,3	49,0	46,4	20,8	27,0	18,4	46,9	9,0	18,2	8,0
Мясо, птица	5,0	14,3	19,9	29,0	34,3	43,4	47,0	32,9	30,1	13,0	18,5	6,6
Рыба, рыбопродукты	12,0	13,2	23,4	43,0	37,2	31,4	30,0	29,9	36,7	10,0	19,7	8,4
Колбасные изделия	5,0	19,8	20,9	12,0	15,8	42,2	50,0	37,6	30,2	25,0	26,8	6,7
Спирт, водка, вино	43,0	37,2	26,0	20,0	15,5	24,7	18,0	18,3	40,5	13,0	29,0	8,8
Масло растительное	7,0	23,8	21,2	42,0	44,9	27,0	36,0	13,6	44,2	11,0	17,7	7,5
Овоши, фрукты	9,0	27,3	23,3	13,0	18,6	35,6	51,0	33,7	33,5	21,0	20,4	6,6
Молочные продукты	10,0	15,0	31,7	37,6	31,0	35,7	33,0	33,7	26,4	14,0	20,3	6,2

ГЛАВА 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ОБСКИХ УГРОВ

2.1. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Проблемы реконструкции традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера актуализировались в последнее десятилетие, когда, с одной стороны, российские и зарубежные компании наращивают объемы добычи углеводородного сырья в регионе, с другой стороны, ростом этнического самосознания северных народов.

Сосуществование в регионе традиционного и промышленного природопользования – это сложный процесс взаимоконтроля и взаимоограничения. Ханты-Мансийский автономный округ, включая среднее Приобье, это округ, где добывается более 50 % российской нефти, более 6 % в общей мировой добыче. Для сравнения: доля Саудовской Аравии – 12,3 %, США – 7,6 %, Кувейта – 2,9 %, Ирака – 2,9 % и т. д. С другой стороны в округе 520 родовых угодий общей площадью 14885 тыс. га.

Сложный, противоречивый характер взаимоотношений участников промышленного и традиционного природопользования потребовали углубления и расширения социологических исследований, при проведении которых необходимо учитывать, в первую очередь, традиционный образ жизни, этнического сообщества округа. Содержание и структура данной работы складывались в рамках проекта по результатам эмпирических исследований, проводившихся последние два года в Белоярском и Березовском районах Ханты-Мансийского автономного округа. На примере данных районов исследовались социально-экономические и этнокультурные аспекты реконструкции традиционного природопользования как фактора сохранения экологического здоровья населения и окружающей среды.

Задача данной главы состоит в том, чтобы выяснить специфику общественного мнения жителей исследуемых районов Ханты-Мансийского автономного округа, что в дальнейшем

может быть использовано при реконструкции традиционного природопользования и разрешения возникающих в этом процессе проблем.

На первом этапе исследования (2005 г.) ученые Тюменского государственного нефтегазового университета совместно с сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)¹ провели анкетный опрос жителей Белоярского и Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа с целью:

1. анализа отношения коренных жителей к природной среде, традиционным формам занятости, традиционным навыкам жизнедеятельности;

2. выявления специфики традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера как элемента синкретической культуры;

3. изучения современного состояния традиционного природопользования, определение перспектив его развития; ориентаций коренных малочисленных народов в сфере традиционной занятости;

4. исследования влияния интенсивного промышленного освоения региона на традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера;

5. определения степени адаптации традиционного хозяйства к неблагоприятным и экстремальным факторам окружающей среды.

В опросе приняло участие 160 респондентов, из них 40 % проживают в Белоярском районе, 60 % – Березовском. Из числа опрошенных 47 % составили мужчины, 53 % – женщины. В традиционных отраслях (оленоводство, звероводство, рыболовство, народные промыслы) заняты 7,8 % респондентов; в сфере об-

¹ Руководитель проекта и разработчик социологического инструментария – д. соц. наук, профессор кафедры социального менеджмента Тюменского государственного нефтегазового университета Н. Г. Хайруллина;

² Н. Г. Хайруллина; руководители полевых исследований – д. соц. н., г. н. с. Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) Т. Г. Харамзин и – д. э. н., профессор кафедры экономики и управления на предприятиях Института экономики и финансов Югорского государственного университета В. М. Куриков.

служивания – 3,0 %; культуры – 5,1 %; образования – 25,9 %; здравоохранения – 4,2 %; органах власти – 1,8 %; на транспорте – 2,4 %; в строительстве – 2,4 %; в системе связи – 3,6 %; в коммерческих структурах – 1,2 %; в нефтегазовой промышленности – 1,8 %; неработающие составили 21,7 % от общей численности опрошенных.

На втором этапе исследования (2006 г.)¹ был проведен повторный анкетный опрос в тех же районах округа с целью изучения динамики мнений коренных жителей по поставленным на первом этапе исследования задачам. Кроме того анализировалось отношение коренных жителей к экологическому состоянию территорий их проживания, а также окружающей природной среды и природно-сырьевых ресурсов. В опросе приняло участие 67 респондентов Белоярского и 19 респондентов Березовского районов. Из числа опрошенных 57 % составили мужчины, 43 % – женщины. В зависимости от возраста респонденты распределились следующим образом: до 20 лет – 44,0 %; от 21 до 30 лет – 16,7 %; от 31 до 40 лет – 22,2 %; от 41 до 50 лет – 8,3 %; от 51 до 60 лет – 5,6 %; старше 60 лет – 3 %.

Главным условием сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающим дальнейшее их социокультурное развитие, является возможность в настоящее время и в будущем вести традиционный образ жизни своих предков, предусматривающий различные аспекты жизнедеятельности, которые будут подробно рассматриваться в данной работе. У коренных малочисленных народов Севера сегодня существует возможность выбора из нескольких вариантов развития:

1) автономный – полная изоляция от техногенного мира, сохранение в неизменном виде традиционного образа жизни, способов хозяйствования, языка и культуры, создание этноприродных парков;

2) европейский – постепенная ассимиляция в единый российский народ, полная утрата родного языка, превращение традиционной культуры в музейный экспонат;

3) интегральный – возможность вести традиционный образ жизни, но при этом пользоваться благами современной цивилизации.

Анализ ответов на вопрос о том, как должно жить коренное население Ханты-Мансийского автономного округа, показал приверженность традиционному образу жизни в 2005 г. только каждого пятого представителя коренной национальности (20,2 %) (сторонники автономного варианта развития). Именно они ответили, что «хотят жить на своей земле, как предки, без всякого вмешательства и изменений». Следует обратить внимание, что за последние 10 лет приверженцев традиционного образа жизни стало больше (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Динамика ответов респондентов на вопрос «Как должно жить коренное население ХМАО», в процентах к общему числу ответивших¹

Варианты развития	Годы				
	1993	1995	1997	1999	2005
Европейский	53,0	52,0	71,9	75,6	21,5
Интегральный	33,0	34,0	21,0	16,0	58,3
Автономный	14,0	14,0	8,1	8,4	20,2

Практически такое же число опрошенных (21,5 %) придерживаются противоположного мнения, для них предпочтителен европейский вариант развития, предполагающий возможность вести образ жизни населения других национальностей, проживающих в округе. Остальные респонденты, таких в нашем опросе оказалось большинство (58,5 %), хотели бы жить на своей земле, но при этом пользоваться всеми благами цивилизации (сторонники интегрального варианта развития).

Таким образом, исходя из ответов участников анкетного опроса три четверти опрошенных (78,7 %) могут рассматриваться в качестве непосредственных участников процесса реконструкции традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа.

Носители традиционного образа жизни, носители прежде всего национальной самобытности, отличающей их от людей

¹ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000.; Харамзин, Т. Г., Хайруллина, Н. Г. Обские угры (социологические исследования материальной и духовной культуры). – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2003.

других национальностей, которые должны владеть традиционными навыками своей этнической среды, питаться традиционной для северян пищей, выполнять национальные обряды и обычаи, использовать в быту предметы национальной утвари, носить национальную одежду, быть удовлетворены своей национальной принадлежностью, идентифицировать себя с представителями этноса, говорить на родном языке и т. д.

Поэтому в целях исследования более подробно остановимся на перечисленных индикаторах, характеризующих традиционный образ жизни. Прежде чем приступить к анализу перечисленных индикаторов, обратим внимание на выявленную обеспокоенность коренного населения возможностью утратить свою национальную самобытность. Более половины опрошенных считают, что для аборигенных народов Севера существует опасность утратить свою национальную самобытность, при чем 42,3 % респондентов указали на наличие опасности, а 19,0 % полагают, что опасность существует, но ее не следует преувеличивать. Противоположного мнения («опасности нет») придерживаются только 4,9 % опрошенных. При этом каждый третий респондент об этом никогда не задумывался (14,1 %) или затруднился ответить на поставленный вопрос (19,6 %).

Индикатором, характеризующим традиционный образ жизни, является, как было отмечено, соблюдение национальных обычаев и обрядов. Анализ ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» показал, что в 2005 г. каждый третий респондент не выполняет национальные обряды, не соблюдает национальные обычаи (18,1 %) или не знает совсем обрядов своего народа (14,2 %). Остальные участники анкетного опроса выполняют национальные обряды, соблюдают национальные обычаи полностью (12,9 %) или частично (54,8 %) (рис. 2.1).

В целях исследования автору было интересно выявить зависимость между ответами респондентов на данный вопрос от их возраста, пола, образования и знания родного языка (табл. 2.2–2.5).

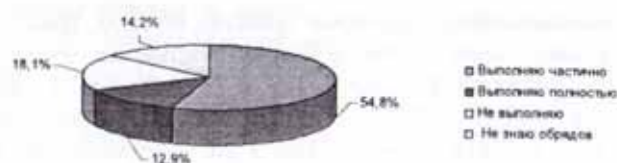

Рис. 2.1. Ответы респондентов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды», полученные в 2005 г., в процентах к общему числу ответивших

Изучение структуры распределения ответов позволило выявить отличия в оценках респондентов. Как и предполагалось, представители старшего поколения чаще выполняют национальные обычаи, соблюдают обряды полностью. Если среди молодежи до 20 лет никто полностью не выполняет обряды и не соблюдает обычаи, то среди респондентов от 31 до 40 лет таких уже 17,1 %, среди лиц старше 61 года – 66,7 %. И наоборот, каждый третий представитель молодого поколения не знает обрядов своего народа, в возрастной категории от 41 до 50 лет таких уже 19,4 %, а среди представителей старшего поколения (старше 61 года) таких нет вообще (табл. 2.2).

Таблица 2.2

Распределение ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Выполняю	Возраст					
	до 20 лет	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Полностью	0	9,5	17,1	6,4	27,3	66,7
Частично	35,0	57,1	65,7	58,1	50,0	0,0
Не выполняю	35,0	19,1	14,3	16,1	9,1	33,3
Не знаю обрядов	30,0	14,3	2,9	19,4	13,6	0,0

Анализ ответов, представленных в табл. 2.3, выявил зависимость, отвергшую первоначальную гипотезу автора: мужчины в

два с половиной раза чаще выполняют национальные обычаи и соблюдают обряды, чем женщины. И наоборот женщины чаще не выполняют обрядов, чем мужчины.

Таблица 2.3

Распределение ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» в зависимости от пола, в процентах к общему числу ответивших

Выполняю	Пол	
	мужской	женский
Полностью	19,1	7,3
Частично	50,0	58,5
Не выполняю	22,1	14,6
Не знаю обрядов	8,8	19,5

Изучение структуры распределения ответов, представленных в табл. 2.4 подтвердили первоначальное предположение автора о том, что респонденты, получившие начальное образование, чаще выполняют национальные обряды и соблюдают обычаи, чем респонденты, получившие высшее. Если среди респондентов, получивших начальное образование, полностью соблюдают национальные обычаи 37,5 %, среди респондентов, получивших среднее образование, таких 12,4 %, то среди респондентов, получивших высшее образование, таких только 7,1 %.

Таблица 2.4

Распределение ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» в зависимости от образования, в процентах к общему числу ответивших

Выполняю	Образование					
	начальное	неполное среднее	среднее	среднее специальное	неоконченное высшее	высшее
Полностью	37,5	12,5	12,4	9,5	7,1	18,2
Частично	37,5	65,6	43,8	59,5	50,0	59,1
Не выполняю	25,0	18,8	18,8	16,7	14,3	13,6
Не знаю обрядов	0,0	3,1	25,0	14,3	28,6	9,1

Другая тенденция была выявлена при анализе ответов респондентов на данный вопрос в зависимости от уровня знания родного языка. Как и предполагалось первоначально, респонденты, владеющие родным языком в совершенстве, чаще соблюдают обычаи, чем респонденты им не владеющие (табл. 2.5).

Таблица 2.5

Распределение ответов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?» в зависимости от знания языка, в процентах к общему числу ответивших

Степень владения языком	Выполняю			
	полностью	частично	не выполняю	не знаю
Владею свободно, разговариваю, пишу	10,5	20,5	28,6	27,3
Разговариваю, могу читать	42,1	21,7	10,7	4,6
Только разговариваю	26,3	15,7	21,4	9,1
Языком не владею	10,5	13,3	14,3	18,2
Не знаю, но могу выучить	0,0	3,6	3,6	4,5
Не знаю, и изучение языка не входит в мои планы	0,0	1,2	0,0	9,1
Знаю плохо	10,5	21,7	14,3	9,1
Затрудняюсь ответить	0,0	2,4	7,1	18,2

Сравнительный анализ ответов респондентов, полученных в ходе анкетных опросов в 2005–2006 гг., представлен в табл. 2.6.

Таблица 2.6

Динамика мнений респондентов на вопрос «Выполняете ли Вы национальные обряды?», в процентах к общему числу ответивших

Выполняю	Год	
	2005	2006
Полностью	12,9	8,3

Частично	54,8	31,9
Не выполняю	18,1	31,9
Не знаю обрядов	14,2	27,8

Другим индикатором, определяющим традиционный образ жизни, является использование в быту предметов национальной утвари. Наше исследование выявило, что представители коренного населения редко используют в быту предметы национальной утвари (рис. 2.2).

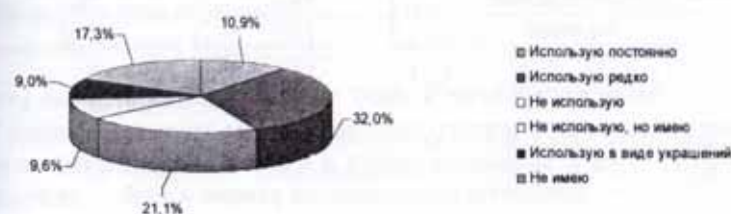

Рис. 2.2. Ответы респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари, полученные в 2005 г., в процентах к общему числу ответивших»

Как видно из данных, представленных на диаграмме (рис. 2.2), только один из десяти участников опроса постоянно использует в быту предметы национальной утвари, а каждый третий – редко. Кроме того, почти каждый десятый опрошенный (9,0 %) использует их только в виде украшений или реликвии. Вызывает тревогу тот факт, что около половины опрошенных (48,1 %) их не используют (30,8 %) или не имеют (17,3 %) (рис.2.2).

Изучение структуры ответов респондентов в зависимости от степени использования ими в быту предметов национальной утвари, позволило выявить следующие тенденции:

1. Чаще используют в быту предметы национальной утвари мужчины, чем женщины (табл.2.7), при этом женщины чаще используют предметы национальной утвари в виде украшений. В остальном их мнения полностью совпадают.

Таблица 2.7

Ответы респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?» в зависимости от пола, в процентах к общему числу ответивших

Использую	Пол	
	мужчина	женщина
Постоянно	14,7	8,4
Редко	32,4	32,5
Не использую, не имею	8,8	8,4
Использую в виде украшений	8,8	9,6
Не использую	20,6	20,5
Не имею	14,7	20,5

2. Чаще используют в быту предметы национальной утвари представители старшего поколения, чем молодого (табл. 2.8). Кроме того, с возрастом растет и число респондентов, которые используют предметы национальной утвари в виде украшений.

Таблица 2.8

Ответы респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?» в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Использую	Возраст				
	21–30	31–40	41–50	51–60	старше
Постоянно	7,1	19,4	6,5	13,6	66,7
Редко	33,3	27,8	38,7	45,5	0,0
Не использую, не имею	9,5	11,1	6,5	9,1	0,0
Использую в виде украшений	4,8	8,3	12,9	18,2	33,4
Не использую	19,1	25,0	25,8	4,6	0,0
Не имею	26,2	8,3	9,7	9,1	0,0

3. Анализ ответов на данный вопрос респондентов, состоящих в однонациональном или в межэтническом браке не выявил значительных различий в мнениях метисов и чистокровных представителей коренного населения (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Ответы респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?», в зависимости от того, в каком браке они состоят, в процентах к общему числу ответивших

Использую	Брак	
	однонациональный	смешанный
Постоянно	12,5	10,9
Редко	37,5	10,7
Не использую, не имею	10,7	36,4
Использую в виде украшений	8,9	12,7
Не использую	17,9	21,8
Не имею	12,5	14,6

Динамика ответов респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?» представлена в табл. 2.10.

Таблица 2.10

Динамика ответов респондентов на вопрос «Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?», в процентах к общему числу ответивших

Использую	Год	
	2005	2006
Постоянно	10,9	13,9
Редко	32,0	20,8
Не использую, не имею	9,6	4,2
Использую в виде украшений	8,9	5,6
Не использую	21,1	19,4
Не имею	17,3	36,1

Следующим индикатором, характеризующим традиционный образ жизни, является использование национальной одежды. На основе ответов респондентов на вопрос «Пользуются ли они национальной одеждой?» можно отметить, что ситуация в этой области сложилась проблематичная: пользуются «постоянно» национальной одеждой только 7,6 % коренного населения, «иногда» в два раза большее число респондентов (15,2 %). Одновременно чуть более половины коренного населения (54,1 %)

не носят национальную одежду (29,3 %) или ее не имеют (24,8 %) (рис. 2.3).

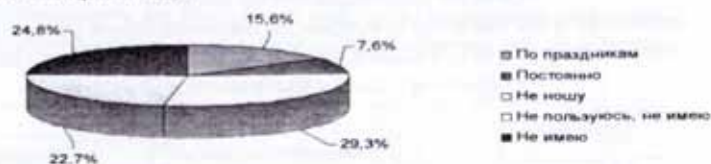

Рис. 2.3. Ответы респондентов на вопрос «Пользуетесь ли Вы национальной одеждой в повседневной жизни?», полученные в 2005 г., в процентах к общему числу ответивших

Детальный анализ структуры ответов респондентов позволил выявить следующие тенденции:

1) чаще национальную одежду носят представители старшего поколения, чем молодежь (табл. 2.11). Соответственно, респонденты молодых возрастных групп не пользуются и не имеют национальную одежду;

Таблица 2.11

Ответы респондентов на вопрос «Пользуетесь ли Вы национальной одеждой?» в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Пользуюсь	Возраст				
	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Постоянно	2,4	16,7	6,2	9,1	33,3
По праздникам	9,5	11,1	12,5	40,9	33,3
Не пользуюсь, но имею	19,1	25,0	28,1	18,2	33,3
Не пользуюсь	38,1	30,6	28,1	18,2	0,0
Не имею	31,0	16,7	25,0	13,6	0,0

2) коренные жители, не получившие образования (табл. 2.12). Представленные данные показывают, что респонденты, получившие высшее образование, наряду с респондентами, получившими начальное образование, чаще других не используют, но имеют национальную одежду;

Таблица 2.12

Ответы респондентов на вопрос «Пользуетесь ли Вы национальной одеждой?» в зависимости от образования, в процентах к общему числу ответивших

Пользуюсь	Образование					
	начальное	неполное среднее	среднее	среднее специальное	неоконченное высшее	высшее
Постоянно	25,0	9,1	6,3	9,3	0,0	4,5
По праздникам	25,0	12,1	12,5	14,0	21,4	22,7
Не пользуюсь, но имею	37,5	21,2	15,6	23,3	21,4	27,3
Не пользуюсь	12,5	45,5	31,3	23,3	21,4	27,3
Не имею	0,0	12,1	34,4	30,2	35,7	18,2

3) представители коренного населения, занятые традиционными формами природопользования (табл. 2.13). Анализ ответов показывает, что по праздникам чаще носят национальную одежду респонденты занятые в сфере культуры; постоянно носят традиционную одежду респонденты, занятые в сфере образования, органах власти, на предприятиях связи.

Таблица 2.13

Ответы респондентов на вопрос «Пользуетесь ли Вы национальной одеждой?» в зависимости от сферы занятости, в процентах к общему числу ответивших

Сфера занятости	Пользуюсь				
	постоянно	по праздникам	не пользуюсь, но имею	не пользуюсь	не имею
Традиционное природопользование	8,3	6,9	5,9	4,3	2,6
Нефтегазовая промышленность	0,0	0,0	0,0	6,4	0,0

Обслуживание	0,0	0,0	0,0	4,3	7,7
Образование	16,7	24,1	35,3	19,2	33,3
Культура	8,3	10,3	2,9	4,3	5,1
Здравоохранение	0,0	3,5	5,9	2,1	7,7
Связь	8,3	6,9	0,0	6,4	0,0
Органы власти	8,3	0,0	5,9	0,0	0,0
Транспорт	0,0	0,0	0,0	0,0	5,1
Строительство	0,0	3,5	0,0	2,1	5,1
Не работаю	25,0	6,9	14,7	40,4	18,0

Высокий процент пользующихся национальной одеждой среди неработающих можно объяснить тем, что в службах занятости зарегистрированы представители коренного населения в основном старше 40 лет, получившие неполное или среднее образование. Это как раз те категории респондентов, которые чаще других, как было указано выше, носят национальную одежду, обувь, головные уборы.

Динамика ответов респондентов на вопрос «Пользуетесь ли Вы национальной одеждой?» представлена в табл. 2.14.

Таблица 2.14

Динамика ответов респондентов на вопрос «Пользуетесь ли Вы национальной одеждой?», в процентах к общему числу ответивших

Пользуюсь	Год	
	2005	2006
Постоянно	7,6	16,7
По праздникам	15,9	12,5
Не пользуюсь, но имею	22,3	13,9
Не пользуюсь	29,3	20,8
Не имею	24,8	36,1

Другим показателем традиционного образа жизни, является потребление традиционной пищи. На вопрос, питаются ли респонденты традиционной для северян пищей, в 2005 г. были получены более оптимистичные ответы. Четыре пятых коренного населения питается традиционной пищей, причем «постоянно», чуть более четверти опрошенных, «не часто» – почти каждый

третий, «редко» – 21,6 % (рис. 2.4). Не питается традиционной для северян пищей пятая часть коренных жителей.

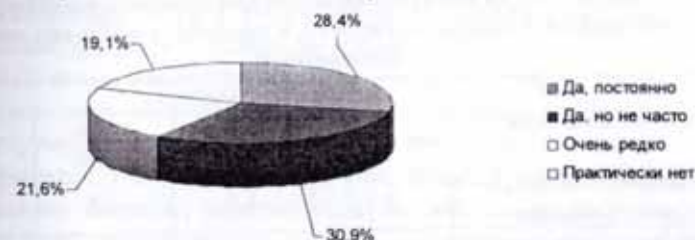

Рис. 2.4. Ответы респондентов на вопрос, питаются ли они традиционной для северян пищей, в процентах к общему числу ответивших

Анализ структуры ответов на данный вопрос выявил некоторые отличительные особенности в потреблении традиционной пищи:

- 1) чаще традиционной пищей питаются мужчины, чем женщины;
- 2) люди старшего поколения; получившие высшее образование, неполное среднее и среднее специальное образование (табл. 2.15);

Таблица 2.15

Ответы респондентов на вопрос «Питаются ли Вы традиционной для северян пищей?» в зависимости от образования, в процентах к общему числу опрошенных

Питаюсь	Образование					
	начальное	неполное среднее	среднее	среднее специальное	неоконченное высшее	высшее
Постоянно	12,5	33,3	24,2	30,4	20,0	36,4
Не часто	50,0	33,3	24,2	21,7	33,3	45,5
Очень редко	25,0	15,2	30,3	26,1	26,7	9,1
Нет	12,5	18,2	21,2	21,7	20,0	9,1

- 3) северяне, занятые в образовании и традиционных для аборигенов сферах деятельности (табл. 2.16).

Таблица 2.16

Ответы респондентов на вопрос
«Питаетесь ли Вы традиционной для северян пищей?»
в зависимости от сферы занятости, в процентах к общему числу
опрошенных

Сфера занятости	Питаюсь			
	постоянно	не часто	очень редко	нет
Традиционное природопользование	8,7	1,9	2,8	3,3
Нефтегазовая промышленность	0,0	3,8	0,0	3,3
Обслуживание	0,0	3,8	5,6	3,3
Образование	26,1	26,4	36,1	13,3
Культура	6,5	5,7	2,8	6,7
Здравоохранение	4,4	3,8	2,8	6,7
Связь	4,4	1,9	5,6	3,3
Органы власти	2,2	1,95	0,0	3,3
Транспорт	2,2	1,9	0,0	3,3
Строительство	0,0	5,7	0,0	3,3
Не работаю	15,2	17,0	27,8	33,3

Следует отметить, что в 2006 г. респондентам предлагалось оценить, насколько изменился у них уровень потребления традиционной пищи, в частности рыбы и рыбопродуктов, за последний год-два. Каждый четвертый участник анкетного опроса ответил, что уровень потребления рыбы и рыбопродуктов стал больше. Одновременно в полтора раза большее число респондентов (43,1 %) указали на уменьшение потребления рыбы и рыбопродуктов. Не изменился уровень потребления почти у десятой части опрошенных (8,3 %), каждый пятый затруднился ответить на данный вопрос.

Последний индикатор, на который следует обратить особое внимание, является удовлетворенность национальной принадлежностью (этническая самоидентификация). Судя по ответам респондентов, чуть более половины из них (55,1 %) однозначно удовлетворены своей национальной принадлежностью. Противоположного мнения придерживается в 12 раз меньшее число участников анкетного опроса (3,8 %), остальные не придают

значения национальной принадлежности (16,7 %). Каждый четвертый (24,4 %) затруднился ответить на данный вопрос.

Поскольку автор с 1993 г. проводит мониторинговые исследования различных аспектов жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа, то у него разработан и апробирован социологический инструментарий для исследования вопросов этнической идентификации. Поэтому в 2005 г. участникам анкетного опроса задавались вопросы, которые были им использованы в предыдущие годы, что позволило выявить динамику мнений представителей коренного населения по интересующим автора вопросам. Таким образом, респондентам дополнительно было задано пять вопросов, анализ ответов на которые излагается ниже.

Первый вопрос позволил выявить отношение коренного населения к критериям определения национальности (табл. 2.17). Четверть респондентов полагает, что основным критерием определения национальности является желание самого человека, примерно такое же число участников опроса (23,1 %) считают, что этим критерием является «национальность отца»; на третьем месте оказался вариант ответа (с небольшой разницей в ответе – 21,0 %), согласно которому представители коренного населения отдают предпочтение «родному языку». Другие варианты («национальность матери», «гражданство», «анкетные данные») выбрали от 7,0 до 14,0 % участников анкетного опроса.

Анализ данных показывает, что критерии определения национальности меняются в зависимости от места жительства респондентов. Так, для коренных жителей Белоярского района наиболее значимыми критериями являются желание самого человека, национальность отца и матери; для жителей Березовского района – родной язык, желание самого человека и национальность отца.

Таблица 2.17

Критерии определения национальности респондентами в 2005 г. в зависимости от района проживания, в процентах к общему числу респондентов

Критерии	Все население	Район	
		Белоярский	Березовский
Желание самого человека	25,3	27,5	24,5
Родному язык	21,0	26,3	23,5
Национальность отца	23,1	18,8	21,6
Национальность матери	14,0	15,0	10,8
Гражданство	9,7	8,8	10,8
Анкетные данные	7,0	3,8	8,8

В завершение этого блока вопросов приведем динамику общественного мнения о критериях определения национальности (табл. 2.18). Как видим, ответы респондентов о критериях определения национальности, полученные в 1999–2005 гг., практически совпали.

Таблица 2.18

Динамика мнений респондентов о критериях определения национальности, в процентах к общему числу ответивших

Критерии	Годы	
	1999	2005
Желание самого человека	40,7	25,3
Родной язык	24,6	21,0
Национальность отца	15,2	23,1
Национальность матери	12,4	14,0
Гражданство	5,0	9,7
Анкетные данные	2,1	7,0

Какое же содержание вкладывают в понимание национальности участники анкетного опроса из числа коренного населения в зависимости от полученного образования (табл. 2.19). Как видим, респонденты, получившие высшее образование, полагают, что «национальность дана человеку от природы или от Бога и менять ее нельзя», «каждый человек должен гордиться нацио-

нальностью и благодаря ей у людей сохраняется память о предках, родине и ее истории». Респонденты, получившие начальное образование, считают, что «национальность, это то что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей». При этом респонденты, получившие среднее образование, отмечают, что «понятие национальности в значительной мере устарело», а «человек вправе сам выбирать свою национальность». Коренное население, получившее неполное и среднее образование, считает что «национальность разъединяет людей, противопоставляет их друг другу».

Таблица 2.19

Отношение респондентов к высказываниям, отражающим понимание национальности в зависимости от образования, в процентах к общему числу ответивших

Высказывания	Образование					
	начальное	неполное среднее	среднее	среднее специальное	неоконченное высшее	высшее
Дана человеку от природы или Богом и менять ее нельзя	62,5	28,1	18,9	30,2	29,4	34,5
Благодаря ей сохраняется память о предках, Родине и ее истории	0,0	21,9	35,1	28,3	25,5	27,6
Каждый должен гордиться своей национальностью	12,5	15,6	10,8	18,9	17,6	20,7
Это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей	12,5	12,5	2,7	3,8	25,5	13,8
Понятие в значительной мере устарело	0,0	0,0	8,1	1,9	0,0	3,4
Человек вправе сам выбирать свою национальность	0,0	21,9	18,9	7,5	0,0	0,0
То, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу	12,5	0,0	5,4	9,4	5,9	0,0

Таким образом, независимо от полученного образования, представители коренного населения, в первую очередь, указывают, что национальность – это то, «благодаря чему у людей сохраняется память о предках, Родине и ее истории»; далее – «она дана человеку от природы или Бога и менять ее нельзя, в третью очередь, каждый нормальный человек должен гордиться своей национальностью».

Как было отмечено выше, у нас есть возможность провести сравнительный анализ ответов на данный вопрос, полученных в ходе анкетных опросов в 1993–2005 гг. (табл. 2.20). За исследуемый период мнения респондентов о содержании понятия «национальность» изменились не существенно.

Таблица 2.20

Динамика мнений респондентов о высказываниях, отражающих отношение к национальности, в процентах к общему числу ответивших¹

Высказывание	Годы	
	1999	2006
Дана человеку от природы или Богом и менять ее нельзя	24,9	22,5
Благодаря ей сохраняется память о предках, Родине и ее истории	23,6	24,7
Каждый должен гордиться своей национальностью	22,4	22,0
Это то, что объединяет людей, позволяет им добиваться общих целей	11,4	12,1
Понятие в значительной мере устарело	4,0	3,3
Человек вправе сам выбирать свою национальность	10,6	9,9
То, что разъединяет людей, противопоставляет их друг другу	3,1	5,5

¹ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000.; Харамзин, Т. Г., Хайруллина, Н. Г. Обские угры (социологические исследования материальной и духовной культуры). – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2003.

Следующие два вопроса позволили выявить этнодифференцирующие и этноконсолидирующие признаки определения национальности, т. е. факторы, которые различают и сближают людей одной национальности (табл. 2.21).

Таблица 2.21

Динамика мнений респондентов об этнодифференцирующих и этноконсолидирующих признаках национальности, в процентах к общему числу ответивших¹

Признаки	Признаки			
	этнодифференцирующие		этноконсолидирующие	
	1999	2005	1999	2005
Государство в котором мы живем	12,8	9,9	7,4	2,5
Язык, на котором говорим	22,2	22,1	22,0	22,2
Историческое прошлое	21,0	13,6	19,1	10,2
Народные традиции и обычаи	29,4	24,5	27,8	20,0
Особенности поведения	4,1	5,8	6,0	11,3
Особенности национального характера	5,2	7,1	9,7	9,5
Религия	2,7	6,1	2,8	9,8
Внешность	1,6	6,8	4,1	11,3
Конфессиональное единство	0,0	1,0	0,1	0,4
Общность календарных обрядов	0,1	1,7	0,3	1,4
Другое	0,9	1,4	0,2	1,5

Факторами, различающими людей одной национальности, респонденты назвали следующие:

- язык, на котором говорим – 36,7 %;
- народные традиции и обычаи – 33,1 %;
- особенности поведения – 18,7 %;

¹ Там же.

– внешность – 18,7 %.

Следует отметить, что такие признаки, как «язык, на котором говорим», «народные традиции и обычаи» респондентами отнесены и к сближающим людей одной национальности, и к различающим людей разных национальностей. Такая тенденция автором была выявлена и в исследованиях предыдущих лет.

Известно, что родной язык является важным признаком этнической идентификации этноса, поэтому более детально остановимся на блоке вопросов, который позволит рассмотреть специфику языковых процессов, протекающих в исследуемых районах проживания коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа.

Анализ вопроса «Какой язык лучше всего знаете?» показал, что более трети коренного населения (39,1 %) знают русский язык, каждый третий (32,9 %) – русский и родной языки и только чуть более четверти опрошенных (27,9 %) ответили – родной язык (ханты, манси, ненецкий и коми) (табл. 2.22).

Таблица 2.22

Ответы респондентов на вопросы, связанные со знанием языка в зависимости от полученного образования, в процентах к общему числу ответивших

Вопрос	Язык	
	родной	русский
Какой язык лучше всего знаете	27,9	39,1
Язык, на котором говорите дома	8,1	65,2
Язык, на котором общаетесь на работе	3,1	78,6

Детальный анализ структуры ответов на данный вопрос показал, что лучше всего родной язык знают респонденты, занятые в сфере образования и неработающие (табл. 2.23).

Таблица 2.23

Ответы респондентов на вопрос, какой язык лучше всего знаете в зависимости от сферы занятости, в процентах к общему числу ответивших

Сфера занятости	Язык		
	родной	русский	родной и русский
Традиционное природопользование	10,7	5,3	1,6
Нефтегазовая промышленность	0,0	4,0	0,0
Обслуживание	0,0	4,0	3,3
Образование	10,7	27,6	31,2
Культура	0,0	7,9	3,3
Здравоохранение	3,6	2,6	6,6
Связь	3,6	5,3	1,6
Органы власти	0,0	2,6	1,6
Транспорт	3,6	1,3	3,3
Строительство	3,6	2,6	1,6
Не работаю	25,0	21,1	21,3

Вызывает тревогу то обстоятельство, что только около десяти процентов представителей коренного населения (8,1 %) дома общаются на родном языке, каждый четвертый – на русском и родном, остальные (65,2 %) говорят на русском языке (табл.2.22). Это, как правило, представители более молодого поколения. Представители старшего поколения говорят дома, как правило, на родном языке (табл. 2.24).

Таблица 2.24

Ответы респондентов на вопрос «На каком языке Вы говорите дома?» в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Язык	Возраст					
	до 20 лет	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Родной	0,0	7,7	30,8	15,4	38,5	7,7
Русский	19,2	30,8	21,1	18,3	9,6	1,0
Родной и русский	2,4	21,4	23,8	31,0	19,1	2,4

Анализ ответов респондентов, проживающих в исследуемых районах, показал, что ситуация с общением на родном языке в производственной сфере обстоит не в лучшей степени. Три четверти опрошенных общаются на работе только на русском языке; в 25 раз меньше число представителей коренной национальности общаются на работе на родном языке, остальные (18,2 %) на родном и русском (табл. 2.22). Анализ данного вопроса в зависимости от полученного респондентами образования показал, что более образованные респонденты чаще говорят на работе на русском языке.

Как было отмечено выше, знание и свободное владение родным языком наделяет человека особым статусом хранителя, носителя и транслятора традиционной культуры, традиционного образа жизни. Судя по результатам нашего опроса к таковым можно отнести около трети коренного населения округа. Лучше всего родной язык знают чуть более четверти опрошенных, а родной язык и русский – каждый третий респондент.

В целях исследования автору было интересно выяснить, в какой степени владеют родным языком респонденты. Исходя из ответов респондентов, языком владеют свободно, разговаривают и пишут только 22,6 % коренного населения. Почти такое же число респондентов (19,5 %) могут разговаривать и читать, а 17,6 % – только разговаривать.

Как видим, четверть населения родным языком на сегодняшний день не владеет. Вызывает озабоченность то обстоятельство, что только около половины опрошенных (43,4 %) научили или собираются научить своих детей русскому языку или другому (в ходе работы с анкетами выяснилось, что английскому, французскому или немецкому языкам). Остальные 56,6 % научили или собираются научить родным языкам:

- ханты (46,7 %);
- манси (6,0 %);
- ненецкому (2,2 %);
- коми (1,6 %).

Анализ ответов респондентов на вопрос в зависимости от того, в каком браке они состоят (однациональном или смешанном) показал, что лучше владеют родным языком респонденты, состоящие в однациональном браке (табл. 2.25). Кроме того,

они лучше разговаривают, читают. Среди них практически нет невладеющих языком, а некоторая часть хотела бы выучить родной язык.

Таблица 2.25

Степень владения родным языком респондентами в зависимости от заключенного ими брака, в процентах к общему числу ответивших

Степень владения	Брак	
	однациональный	смешанный
Владею свободно, разговариваю, пишу	24,1	20,7
Разговариваю, могу читать	31,0	13,8
Только разговариваю	20,7	19,0
Языком не владею	3,4	15,5
Не знаю, но хочу выучить	3,4	0,0
Не знаю, и изучение языка не входит в мои планы	0,0	1,7
Знаю плохо	15,2	25,9
Затрудняюсь ответить	11,7	3,4

Фактором (или индикатором) стабильности межэтнических взаимодействий является отношение респондентов к межэтническим бракам. Исходя из ответов респондентов, полученных в 2005 г., около половины опрошенных (45,6 %) относятся к межэтническим бракам положительно, еще 7,0 % респондентов согласны на такой брак, но в зависимости от национальности супруга (супруги), каждый пятый – безразлично (их можно отнести к группе положительно относящихся). Отрицательное отношение к смешанному браку выразили 8,2 % респондентов.

Таким образом, три четверти коренного населения в разной форме выразили позитивное отношение к смешанным бракам, что может служить показателем гармоничных отношений между людьми различных национальностей, проживающих в округе.

Необходимо также принять во внимание, что представители молодого поколения чаще соглашаются на такой брак, в отличие от представителей старшего поколения. При этом отрицательное

отношение к межэтническим бракам высказывают чаще представители возрастной категории от 41 до 50 лет (табл. 2.26).

Таблица 2.26

Отношение респондентов к межэтническим бракам в зависимости от возраста, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Возраст					
	до 20	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 61
Положительное	42,9	36,6	44,4	51,5	56,5	33,3
Отрицательное	9,5	7,3	5,6	12,1	8,7	0,0
Безразличное	14,3	29,3	19,4	18,2	17,4	0,0
Согласен, но в зависимости от национальности	9,5	4,9	5,6	15,2	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	23,8	21,9	25,0	3,0	17,4	66,7

Следует отметить, что женщины чаще мужчин высказывают положительное и безразличное отношение к межэтническим бракам, а мужчины, соответственно, – отрицательное (табл. 2.27).

Таблица 2.27

Отношение респондентов к межэтническим бракам в зависимости от пола, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Пол	
	мужчина	женщина
Положительное	42,5	48,8
Отрицательное	11,0	6,1
Безразличное	17,8	23,2
Согласен, но в зависимости от национальности	5,5	7,3
Затрудняюсь ответить	23,3	14,6

Кроме того выявлено, что женатые (замужние) и разведенные респонденты чаще, чем холостые (незамужние) и овдовевшие респонденты положительно относятся к межэтническим бракам. При этом противниками таких браков являются чаще вдовцы и вдовы, а безразличное отношение высказывают разведенные респонденты или овдовевшие (табл. 2.28).

Таблица 2.28

Отношение респондентов к межэтническим бракам в зависимости от семейного положения, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Семейное положение			
	женат (замужем)	холост (не замужем)	разведен(а)	вдовец (вдова)
Положительное	52,1	36,1	46,2	18,2
Отрицательное	8,3	8,3	0,0	18,2
Безразличное	17,7	19,4	38,5	27,3
Согласен, но в зависимости от национальности	7,3	8,3	0,0	9,1
Затрудняюсь ответить	14,6	27,8	15,4	27,3

Как и предполагалось, представители коренного населения, состоящие в этнически смешанном браке, чаще относятся к межэтническим бракам положительно, соответственно респонденты, состоящие в однонациональном браке, отрицательное. Примерно равное число респондентов (соответственно 18,4 и 16,6 %), состоящие в однонациональном и смешанном браках выразили безразличное отношение к данной проблеме (табл. 2.29).

Таблица 2.29

Отношение респондентов к межэтническим бракам в зависимости от брака, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Брак	
	однонациональный	смешанный
Положительное	43,3	60,7
Отрицательное	13,3	5,4
Безразличное	18,4	16,6
Согласен, но в зависимости от национальности	5,0	7,1
Затрудняюсь ответить	20,0	7,1

С другой стороны, более образованные респонденты чаще высказывают положительное отношение к межэтническим бра-

кам и, соответственно, менее образованные представители коренного населения – отрицательное. Безразличное отношение высказали все респонденты не зависимо от образования, которое они получили (табл. 2.30).

Таблица 2.30

Отношение респондентов к межэтническим бракам в зависимости от образования, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Образование				
	неполное среднее	среднее	среднее специальное	неоконченное высшее	высшее
Положительное	42,4	39,4	53,3	40,0	64,6
Отрицательное	15,2	6,1	0,0	0,0	9,1
Безразличное	18,2	27,3	22,2	26,7	13,6
Согласен, но в зависимости от национальности	6,1	9,1	13,3	0,0	0,0
Затрудняюсь ответить	18,2	18,2	11,1	33,3	13,6

Динамика ответов респондентов о том, как они относятся к межэтническим бракам представлена в табл. 2.31.

Таблица 2.31

Динамика ответов респондентов об отношении к межэтническим бракам, в процентах к общему числу опрошенных

Отношение	Год	
	2005	2006
Положительное	45,6	49,3
Отрицательное	8,2	6,8
Безразличное	20,2	35,6
Согласен, но в зависимости от национальности	7,0	4,1
Затрудняюсь ответить	19,0	4,1

Фактором стабильности межэтнической ситуации в округе являются взаимоотношения между людьми различных национальностей, в том числе представителями коренного и пришлого населения. Ханты-Мансийский автономный округ всегда считался относительно спокойным регионом России, в котором

проживают представители более 120 национальностей. Исследования автора, проводимые в 1993 г. подтверждают этот вывод. В 2005 г. чуть более третьей части коренного населения (38,3 %) указали на стабильность и беспроблемность в их отношениях с людьми других национальностей. Такое же число респондентов (37,0 %) ответили, что в отношениях существует определенная степень напряженности. Только 6,8 % участников анкетного опроса заявили, что в отношениях существует напряженность, чреватая конфликтами.

В 2006 г. респондентам было предложено ответить на вопрос, как изменились отношения между коренным и пришлым населением. По мнению четверти опрошенных (23,3 %) отношения между коренным и пришлым населением ухудшились; около трети коренного населения (30,1 %) считают, что они улучшились; примерно такое же число респондентов (27,4 %) полагают, что отношения не изменились. Каждый пятый участник анкетного опроса затруднился ответить на поставленный вопрос.

2.2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

В условиях продолжающегося реформирования экономики региона ханты и манси во многих сферах жизнедеятельности продолжают быть менее защищенными, чем жители других национальностей: по данным исследований это четко осознается жителями из числа коренных малочисленных народов Севера. Однако население исследуемых районов как в силу специфики их географического положения и климатических условий, так и степени самодостаточности каждого из них, по-разному осмысливают свою незащищенность (табл. 2.32).

Анализ мнений респондентов об условиях жизни на Севере, полученных в ходе анкетных опросов в 1997–2005 гг., показывает, что за указанный период коренным северянам стало сложнее продать выгодно рыбу, пушнину, продукцию оленеводства; сохранить пастбища, промысловые угодья, что, безусловно, оказывает негативное влияние на сохранение национальных обыча-

ев, обрядов; приводит к сокращению занятости в традиционных отраслях, оттоку работников из традиционных промыслов, оленеводства (табл. 2.28).

Таблица 2.32

Оценка респондентами в 2005 г. условий жизни за последние годы, в процентах к общему числу ответивших

Условия жизни	Оценка			
	стала лучше	стала хуже	не изменилась	затрудняюсь ответить
Возможность выгодно продать рыбу, пушнину, продукцию оленеводства	6,2	47,8	14,9	31,1
Сохранение пастбищ, промысловых угодий	2,4	52,8	14,1	30,7
Приобретение техники, охотничьего снаряжения	22,8	39,9	10,1	27,2
Отток работников из традиционных промыслов, оленеводства	5,1	37,3	15,2	42,4
Взаимоотношения аборигенных народов с людьми других национальностей	12,7	25,3	34,2	27,8
Сохранение национальных обычаев, обрядов	16,6	40,5	17,2	25,8

Действительно в настоящее время наблюдается дисбаланс в занятости коренного населения. Судя по результатам опроса, как было отмечено выше, в традиционных отраслях заняты 7,8 % респондентов, в сфере обслуживания и торговли – 3,0 %; культуры – 5,1 %; образование – 25,9 %, в нефтегазовой промышленности – 1,8 % и др. Такой вывод вытекает после анализа ответов респондентов на вопрос «Работа в каких сферах кажется Вам наиболее привлекательной?». Судя по ответам респондентов, около трети из них (29,7 %) хотели бы заниматься традиционными формами природопользования (охота, рыболовство, оленеводство, собирательство); в действительности традиционными формами заняты в 3,5 раза меньшее число респондентов. Такие же диспропорции выявлены и по другим сферам занятости: нефтегазовая промышленность – хотели бы работать 12,9 % респондентов, в настоящее время заняты 1,8 %; органы управления – соответственно 9,7 1,8 %; здравоохранение 7,1 и 4,2 %;

сфера образования и культуры 12,3 и 31,1 %. В последнем случае наблюдается противоположная ситуация, когда предложение превышает спрос в 2,5 раза.

Одновременно респонденты указывают на улучшение возможностей приобретения техники, охотничьего снаряжения, взаимоотношений аборигенных народов с людьми других национальностей. Следует отметить, что растет число респондентов, затруднившихся оценить различные стороны своей жизни.

Негативная оценка различных сторон жизни аборигенов ХМАО выявляется и при оценке надежд, возлагаемых респондентами на экономические реформы, проводимые сегодня в России (табл. 2.33).

Таблица 2.33

Динамика оценок респондентами надежд, возлагаемых на проводимые сегодня экономические реформы, в процентах к общему числу опрошенных

Надежды	Год	
	1997	2005
Улучшится материальное положение моего народа	19,0	15,7
Наша молодежь сможет трудиться на современных предприятиях нефтегазового комплекса	5,5	6,0
Наша молодежь сможет вернуться к традиционным промыслам, жить как наши предки	5,7	6,0
Мой народ снова станет свободным, не будет зависеть от произвола ведомств и властей	6,2	4,6
Мой народ сумеет сохранить свои обычаи, культуру и вместе с тем приобщится к современной промышленной цивилизации, современным профессиям	18,1	16,7
Произойдет технико-технологическое обновление промыслов	2,0	4,2
Будут решены социальные проблемы	16,1	8,8
Улучшатся межнациональные отношения	3,4	5,6
Будут решены экологические проблемы	10,8	5,6

Будут созданы условия жизни и работы аборигенов в нетрадиционных видах деятельности	4,7	5,6
Никаких надежд не возлагаю	8,5	21,3

Кому же следует отдавать «предпочтение» при развитии экономики округа? Такой вопрос был задан участникам опроса, в ходе анализа ответов на который выяснилось, что каждый пятый представитель коренной национальности (19,9 %) отдал предпочтение местным предпринимателям.

За государственный сектор в 2005 г. высказались 17,0 % респондентов, в два раза меньшее число опрошенных (8,5 %) доверили бы развитие экономики округа российским предпринимателям, иностранным предпринимателям – 2,3 % участников анкетного опроса. Вариант развития «Всем при равных возможностях» поддержали 16,5 % респондентов, одновременно в 2 раза большее число опрошенных (35,8 %) затруднились ответить на данный вопрос.

Сравнительный анализ ответов участников анкетных опросов на вопрос, кому следует отдавать «предпочтение» при развитии экономики округа, представлен в табл. 2.34.

Таблица 2.34

Динамика ответов респондентов на вопрос, кому следует отдавать предпочтение при развитии округа, в процентах к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Год	
	2005	2006
Местным предпринимателям	19,9	24,4
Российским предпринимателям	8,5	7,7
Государственному сектору	17,0	23,1
Иностранному предпринимателям	2,3	6,4
Всем при равных возможностях	16,5	15,4
Затрудняюсь ответить	35,8	23,1

Не смотря на то, что только 2,3 % респондентов отдали предпочтение иностранным предпринимателям, гораздо большее число из них поддерживают вложение иностранного капитала в освоение природных ресурсов округа. Каждый второй участник

анкетного опроса в 2005 г. поддерживал вложение иностранного капитала в освоение округа.

При этом каждый десятый поддерживал данную схему полностью; каждый третий поддерживал, но только под жестким контролем государства, а 7,8 % респондентов поддерживали эту идею, считая, что в целом это принесет больше вреда, чем пользы. Полностью против привлечения иностранного капитала в развитии экономики региона высказались 17 % респондентов, при этом в два раза большее число участников опроса не смогли высказать своего отношения к данному вопросу.

Динамика ответов респондентов на вопрос об отношении к иностранному капиталу, вкладываемому в развитие округа, представлена в табл. 2.35.

Таблица 2.35

Динамика ответов респондентов на вопрос об отношении к иностранному капиталу, вкладываемому в развитие округа, в процентах к общему числу опрошенных

Вариант ответа	Год	
	2005	2006
Полностью поддерживаю	9,8	13,7
Поддерживаю, но только под жестким контролем государства	31,4	28,8
Поддерживаю, но в целом это принесет больше вреда, чем пользы	7,8	11,0
Полностью против	17,0	26,0
Затрудняюсь ответить	34,0	20,5

В данном контексте интерес вызывает оценка респондентами властных структур, с которыми они связывают надежды на перемены к лучшему. Как и предполагал автор, уровень доверия к окружным органам власти у коренных жителей высокий. Более трети опрошенных респондентов (38,0 %) выразили доверие органам власти округа. Далее ответы распределились в следующем порядке:

- местным органам власти – 20,5 %;
- органам власти России – 15,1 %;
- органам национального самоуправления – 13,2 %;
- областным органам власти – 6,3 %;

– никаким – 6,8 %.

Высокий рейтинг местных органов власти объясняет тем, что местное самоуправление осуществляется в границах бывших сельских советов в составе нескольких деревень и поселков. В районах крайнего Севера Тюменской области, где традиционной формой хозяйствования является оленеводство, специфика которого такова, что при незначительном населении требуется огромная территория, муниципальные образования по территориальному принципу (родовые угодья). Здесь поселений нет ввиду кочевого образа жизни населения.¹

Следует обратить внимание на снижение популярности в округе областных органов власти. Наши исследования, проведенные в 1993–1999 гг., зафиксировали своеобразный «треугольник» власти, с которым коренные жители связывали свои надежды на перемены к лучшему – органы власти округа, области и местные органы власти. Как видим сегодня, областные органы власти «покинули его».

2.3. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Негативная оценка различных сторон жизнедеятельности коренного населения ХМАО, выявленная при оценке надежд, возлагаемых на экономические реформы, более явно подтвердилась при анализе опасений, возникающих сегодня в связи с экономическими преобразованиями в России. Респондентам предлагалось из 13 вариантов опасений выбрать пять наиболее значимых, по их мнению. Анализ полученных ответов, позволил их условно разделить на три основных группы. Первая группа опасений связана с социальными проблемами коренного населения:

- повысится безработица – 19,9 %;
- ухудшится материальное положение моего народа – 18,1 %;
- ухудшится обеспечение жильем – 15,7 %.

¹ Тюменская область: общество и наука (социально-экономическое и этнокультурное развитие); под ред. В. К. Левашова, Н. Г. Хайруллиной. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2005. – С.528.

Как видим, жители Белоярского района считают, что первоочередное право при получении родовых угодий должны иметь представители аборигенных народов и старожилы, занимающиеся традиционными промыслами независимо от национальности, а Березовского района только аборигенное население независимо от основных занятий.

Ко второй группе опасений автор относит проблемы социокультурного характера:

- пьянство возрастет – 21,1 %;
- молодежь отвернется от национальных корней – 16,9 %;
- разрушится семья, увеличатся разводы – 9,0 %.

К третьей группе относятся опасения, связанные с перспективами развития отраслей традиционного природопользования:

- нефтегазовые ведомства лишат коренное население родовых угодий – 16,9 %;
- усугубится варварское отношение к окружающей среде, природе – 12,1 %;
- оленеводство, традиционные промыслы будут погублены – 10,2 %.

На основе мнений респондентов можно сделать заключение, о том, что проблемы, связанные с охраной окружающей природной среды для них являются актуальными, занимая в рейтинге важные позиции.

Важным индикатором для характеристики окружающей среды и здоровья является вопрос об оценке состояния природно-сырьевых ресурсов, необходимый для ведения традиционного хозяйства коренных малочисленных народов исследуемых районов (табл. 2.36).

Таблица 2.36

Оценка респондентами состояния природно-сырьевых ресурсов, необходимых для ведения традиционного хозяйства коренных малочисленных народов исследуемых районов в 2005 г., в процентах к общему числу опрошенных

Состояние	Все респонденты	Респонденты района	
		Белоярского	Березовского
Хорошее	10,1	7,9	12,0
Удовлетворительное	32,1	27,0	35,9

Истощены частично	23,9	31,7	18,5
Истощены полностью	6,3	3,2	8,7
Подвержены загрязнению нефтепродуктами	5,7	7,9	4,3
Экологическое бедствие	3,8	6,3	2,2
Затрудняюсь ответить	18,2	15,9	18,5

Из ответов, представленных в табл. 2.36, видно, что более половины опрошенных (66,1 %) оценивают состояние природно-сырьевых ресурсов в районе их проживания в целом как пригодное для ведения традиционного хозяйства. Каждый десятый респондент считает, что природно-сырьевые ресурсы не пригодны для ведения традиционного хозяйства, поскольку они подвержены загрязнению нефтепродуктами (5,7 %) или представляют зону экологического бедствия (3,8 %). Одновременно каждый пятый участник анкетного опроса не смог оценить состояния природно-сырьевых ресурсов для ведения традиционного хозяйства.

Ответы респондентов меняются от района проживания респондентов. Так, в Белоярском районе состояние природно-сырьевых ресурсов оценивается респондентами более негативно: они чаще отмечают, что природно-сырьевые ресурсы подвержены загрязнению нефтепродуктами (7,9 и 4,3 % соответственно) или представляют зону экологического бедствия (6,3 и 2,2 %). А жители Березовского района чаще высказывали мнение, что природно-сырьевые ресурсы находятся в хорошем удовлетворительном состоянии.

У нас есть возможность оценить динамику мнений респондентов о состоянии природно-сырьевых ресурсов, необходимых для ведения традиционного хозяйства коренных малочисленных народов исследуемых районов (табл. 2.37).

Таблица 2.37

Динамика мнений респондентов о состоянии природно-сырьевых ресурсов, необходимых для ведения традиционного хозяйства коренных малочисленных народов, в процентах к общему числу опрошенных

Состояние	Год	
	2005	2006
Хорошее	10,1	11,8
Удовлетворительное	32,1	42,6
Истощены частично	23,9	33,8
Истощены полностью	6,3	7,3
Подвержены загрязнению нефтепродуктами	5,7	0,0
Экологическое бедствие	3,8	0,0
Затрудняюсь ответить	18,2	4,4

В 2006 г. респондентам предлагалось оценить экологическое состояние в местах их проживания и состояние окружающей природной среды (табл. 2.38).

Таблица 2.38

Мнения респондентов об экологическом состоянии и состоянии окружающей природной среды, в процентах к общему числу опрошенных

Состояние	Оценка			
	хорошее	удовлетворительное	неудовлетворительное	затрудняюсь ответить
Экологии	15,1	57,5	15,1	12,4
Окружающей природной среды	11,8	42,6	33,8	11,4

Данные, представленные в табл. 2.38, позволяют утверждать, что экологическое состояние в местах проживания каждого шестого представителя коренной национальности, можно оценить как хорошее. При этом более половины опрошенных отмечают неудовлетворительное состояние экологии в местах своего проживания. Одновременно неудовлетворительным состояние экологии назвали 15,1 % респондентов.

Как видим, состояние окружающей природной среды оценено участниками анкетного опроса в 2006 г. более негативно. Так, если 11,8 % респондентов оценили состояние окружающей природной среды как хорошее, то плохим состоянием оценили в три раза большее число коренных жителей. Одновременно 42,6 % респондентов оценили состояние окружающей природной среды как удовлетворительное.

За последние годы состояние природно-сырьевых ресурсов, по мнению 12,7 % респондентов стало лучше. Почти в четыре раза чаще респонденты указывают на ухудшение состояния природно-сырьевых ресурсов. Каждый пятый считает, что оно не изменилось (табл. 2.3)

Таблица 2.39

Оценка респондентами экологического состояния и состояния природно-сырьевых ресурсов, в процентах к общему числу опрошенных

Состояние	Оценка			
	Стало лучше	Стало хуже	Не изменилось	Затрудняюсь ответить
Экология	22,2	47,2	19,4	11,1
Природно-сырьевых ресурсов	12,7	46,5	21,1	19,7

Следует отметить, что более позитивные оценки получены от респондентов на вопрос о состоянии экологии в местах их проживания. На улучшение состояния экологии указали чуть более пятой части участников анкетного опроса. Примерно такое же число коренных жителей ответили, что состояние экологии не изменилось. При этом около половины респондентов (47,2 %) отметили указали на ухудшение состояния экологии. При оценке состояния экологии меньшее число респондентов испытали затруднения с ответом, чем при оценке природно-сырьевых ресурсов.

Состояние природно-сырьевых ресурсов, исходя из мнений респондентов, позволяет заниматься аборигенам всеми формами традиционного природопользования. Это видно из данных,

представленных в табл. 2.40. Отметим, что в данной таблице представлены ответы респондентов в зависимости от общего количества ответивших, поскольку на вопрос «Какими формами традиционного хозяйства позволяют заниматься имеющиеся природно-сырьевые ресурсы?» разрешалось выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 2.40

Мнения респондентов о формах традиционного хозяйства, которыми позволяют заниматься имеющиеся природно-сырьевые ресурсы в зависимости от района проживания, в процентах к общему числу ответивших

Форма	Все респонденты	Респонденты	
		Белоярского р-на	Березовского р-на
Рыболовство	38,8	49,1	33,0
Охота	23,3	19,1	25,7
Скотоводство	8,4	6,4	9,6
Оленеводство	7,8	8,2	7,3
Собирательство	15,2	11,8	17,0
Комплексное природопользование	4,8	5,4	4,6
Другие	1,8	0,0	2,7

В табл. 2.41 представлена динамика мнений респондентов о формах традиционного хозяйства, которыми позволяют заниматься имеющиеся природно-сырьевые ресурсы. Некоторые изменения в оценках респондентов исследуемых районов в сторону увеличения одних и уменьшения других форм хозяйствования объясняется сезонностью ведения традиционного хозяйства. Поскольку опрос коренного населения в 2006 г. проводился в сентябре, а это период массового сбора ягод и грибов, то это нашло отражение в ответах респондентов: если в 2005 г. за эту форму природопользования высказались 15,2 % опрошенных, то в 2006 г. – 22,2 %.

Таблица 2.41

Динамика мнений респондентов о формах традиционного хозяйства, которыми позволяют заниматься имеющиеся природно-сырьевые ресурсы, в процентах к общему числу ответивших

Форма	Год	
	2005	2006
Рыболовство	38,8	29,9
Охота	23,3	20,6
Скотоводство	8,4	10,6
Оленеводство	7,8	10,6
Собирательство	15,2	22,2
Комплексное природопользование	4,8	6,1
Другие	1,8	1,1

По мнению участников анкетного опроса, для осуществления традиционных видов деятельности в исконных местах проживания коренных малочисленных народов удобнее создавать семейные бригады на родовых угодьях (29,0 %), кооперативы (9,6 %), снабженческо-сбытовые фактории (13,5 %) и частные предприятия. Следует отметить, что в зависимости от района проживания мнения респондентов об организационных формах традиционного хозяйства меняются незначительно.

Как видим из ответов респондентов, на вопрос об организационных формах традиционного хозяйства, представленных в табл.2.42, коренное население чаще всего называет семейные бригады на родовых угодьях (27,0 % опрошенных в 1997 г., 29,0 % – в 2005 г.).

Таблица 2.42

Мнения респондентов об организационных формах традиционного хозяйства в зависимости от района проживания, в процентах к общему числу ответивших

Организационная форма	Всего	Район	
		Белоярский	Березовский
Семейные бригады на родовых угодьях	29,0	31,4	28,1
Кооперативы	5,8	7,0	5,3
Компактные цеха	15,0	13,9	15,8
Мастерские	7,2	8,1	6,1
Частные предприятия	10,1	14,0	7,9
Снабженческо-сбытовые фактории	13,5	14,0	13,2
Ассоциации	3,3	3,5	3,5
Совместные предприятия	8,2	5,8	9,6
Другие	7,2	2,3	10,5

Отмеченная тенденция сохранилась и в 2006 г. При этом следует отметить, что в структуре ответов представителей коренного населения в 2006 г. изменились позиции некоторых организационных форм. Если в 2005 г. в тройке лидеров респондентами были названы семейные бригады на родовых угодьях, компактные цеха и снабженческо-сбытовые фактории, то в 2006 г. этот перечень выглядит следующим образом:

- семейные бригады на родовых угодьях;
- частные предприятия;
- совместные предприятия (табл. 2.43).

Таблица 2.43

Динамика мнений респондентов об организационных формах традиционного хозяйства, в процентах к общему числу ответивших

Организационная форма	Год	
	2005	2006
Семейные бригады на родовых угодьях	29,0	23,5
Кооперативы	5,8	8,6
Компактные цеха	15,0	9,9

Мастерские	7,2	6,2
Частные предприятия	10,1	13,6
Снабженческо-сбытовые фактории	13,5	9,9
Ассоциации	3,3	4,9
Совместные предприятия	8,2	11,1
Другие	7,2	12,3

В связи с этим возникает вопрос, получили ли участники анкетного опроса или их знакомые и родственники родовые угодья в собственность? Анализ ответов показал, что у более половины респондентов (64,7 % в 2005 г. и 51,4 % в 2006 г.) никто из родственников и знакомых не получил родовые угодья в собственность, но от 27,8 до 40,0 % из них хотели бы их получить, а каждый четвертый представитель коренной национальности не нуждается в родовых угодьях (табл. 2.44).

Таблица 2.44

Динамика ответов респондентов на вопрос «Получил ли кто-либо из родственников и знакомых родовые угодья в собственность?», в процентах к общему числу ответивших

Варианты ответа	Год	
	2005	2006
Да	6,3	19,4
Нет, но хотел бы получить	40,0	27,8
Не нуждаюсь	29,1	29,2
Никто не получил	24,7	23,6

Приведем данные официальной статистики. Распределение родовых угодий по административным районам Ханты-Мансийского автономного округа представлено в табл. 2.45.

Таблица 2.45

Распределение родовых угодий по административным районам Ханты-Мансийского автономного округа¹

Административные районы ХМАО	Количество родовых угодий	Общая площадь угодий, га	Всего количество с ЛУ	Общая площадь ЛУ, тыс. га	Количество лицензионных участков, находящихся на ТПП
Белоярский	32	1215	7	330	-
Березовский	0	1106	3	20	-
Кондинский	41	197	23	860	5
Советский	2	11	24	700	-
Сургутский	157	6788	118	5300	102
Нефтеюганский	33	1217	43	1665	24
Нижневартовский	135	2980	108	3409	49
Ханты-Мансийский	54	1015	34	2144	25
Октябрьский	56	356	19	1006	13
Всего	520	14885		15434	218

Следует отметить, что каждый второй участник анкетного опроса в 2005 г. и каждый четвертый в 2006 г. не смогли определить какой должна быть собственность на промысловые угодья. Ответы остальных участников анкетных опросов представлены в табл. 2.46.

¹ Карасев, В. И. Традиционное и промышленное природопользование. / В. И. Карасев – Ханты-Мансийск, 2005. – 20 с.

Таблица 2.46

Динамика ответов респондентов на вопрос «Какой должна быть собственность на промысловые угодья?», в процентах к общему числу ответивших

Варианты ответа	Год	
	2005	2006
Государственная собственность	9,4	12,2
Государственная собственность с правом индивидуального владения	23,8	36,5
Полная частичная собственность с правом купли-продажи	16,9	23,0
Другой	1,9	2,7
Затрудняюсь ответить	48,0	24,3

Более конкретные ответы были получены от респондентов исследуемых районов на вопрос анкеты «Кто должен иметь первоочередное право на владение родовыми угодьями?». Анализ ответов участников анкетных опросов показывает изменения в их оценках при определении субъектов первоочередного владения родовыми угодьями. Если в 2005 г. каждый второй житель коренной национальности в качестве основного критерия, дающего право на первоочередное владение родовыми угодьями назвал обязательную занятость традиционными промыслами, то в 2006 г. таких приверженцев стало на 7,5 % больше. Одновременно за исследуемый период на 4,0 % уменьшилось количество респондентов, которые категорично утверждали, что первоочередное право на владение народными угодьями имеет только аборигенное население, независимо от основных занятий (табл. 2.47).

Таблица 2.47

Ответы респондентов на вопрос «Кто должен иметь первоочередное право на владение народными угодьями в зависимости от района проживания, в процентах к общему числу ответивших

Представители	Год	
	2005	2006
Аборигенных народов и старожилы, занимающиеся традиционными промыслами независимо от национальности	28,7	30,1
Только аборигенных народов, занимающихся традиционными промыслами	21,3	27,4
Только аборигенного населения, независимо от основных занятий	24,4	20,5
Другие	3,7	4,1
Затрудняюсь ответить	22,0	17,8

В определении жизненно важных перспектив развития коренных народов Тюменского Севера необходимо учитывать, что они ориентированы не столько на переустройство экономики на основе частной собственности и национальную автономизацию, сколько на создание нормальной инфраструктуры труда, обеспечение северян современной техникой не столько для добычи продукции, сколько для последующей ее обработки и реализации. Несмотря на привлекательность различных форм природопользования (табл. 50), у коренного населения происходит утрата профессиональных навыков оленевода, рыбака, охотника (табл. 2.48).

Таблица 2.48

Динамика ответов респондентов о традиционных навыках, которыми они владеют, в процентах к общему числу ответивших

Традиционные навыки	Год	
	2005	2006
Умею охотиться	27,1	20,1
Умею ставить сети	33,2	21,9
Умею содержать оленей	1,4	6,7
Умею устанавливать чум	2,2	6,1

Умею производить домашнюю утварь	4,0	7,3
Умею шить национальную одежду, обувь	3,6	3,7
Умею обрабатывать шкуры зверей	6,1	6,7
Могу изготавливать сувениры	6,1	8,5
Могу изготавливать средства передвижения	3,2	6,1
Другими	1,8	3,7
Никакими	11,1	9,1

Судя по ответам участников анкетных опросов, среди коренного населения четко прослеживается прослойка не владеющая никакими традиционными навыками. По результатам опросов она составляет 10 %. Несмотря на это, данные табл.2.48 показывают, что представители коренных национальностей чаще всего занимаются охотой и рыболовством.

В целях исследования интерес представляют ответы респондентов на данный вопрос в зависимости от пола. Динамика ответов на вопрос, какими традиционными навыками владеют мужчины и женщины, представлена в табл. 2. 49.

Таблица 2.49

Традиционные навыки, которыми владеют респонденты в зависимости от пола в 2005–2006 гг., в процентах к общему числу ответивших

Традиционные навыки	Пол			
	Мужчины		Женщины	
	2005	2006	2005	2006
Умею охотиться	30,6	15,9	12,1	6,2
Умею ставить сети	39,9	26,7	25,8	10,4
Умею содержать оленей	0,7	7,8	2,4	4,2
Умею устанавливать чум	0,7	7,8	3,2	2,1
Умею производить домашнюю утварь	2,8	6,9	5,6	8,3
Умею шить национальную одежду, обувь	0,7	0,9	6,4	10,4

Умею обрабатывать шкуры зверей	4,2	6,0	8,1	8,3
Могу изготавливать сувениры	3,5	2,6	8,9	22,9
Могу изготавливать средства передвижения	4,2	8,6	2,4	0,0
Другими	1,4	3,4	2,4	4,2
Никакими	11,4	13,4	22,6	22,9

Возможность реализовать ориентации на привлекательные виды профессиональной деятельности у коренного населения Ханты-Мансийского автономного округа будет зависеть от успешности развития тех или иных отраслей, количества и качества рабочих мест и профессиональной подготовки лиц, желающих занять эти места. При этом особую заботу необходимо проявить к отраслям традиционного хозяйственного комплекса, поскольку ориентация на занятость традиционными формами природопользования у них сохраняет устойчивый характер (табл. 2.50).

Таблица 2.50

Динамика мнений респондентов о наиболее привлекательных формах традиционной занятости, в процентах к общему числу ответивших

Традиционные виды деятельности	Год	
	2005	2006
Рыболовство	28,3	24,0
Охотничий промысел	17,9	20,8
Оленеводство	3,7	7,2
Звероводство	5,8	0,8
Изготовление сувениров	10,0	8,0
Изготовление традиционных средств транспорта	2,5	4,0
Переработка кожного, мехового и пушиного сырья	1,7	1,6
Пошив традиционной одежды, обуви	1,7	3,2
Сбор дикоросов	13,3	14,4
Другие	4,6	4,8
Никакой	10,4	11,2

Рассмотрим мнения респондентов о наиболее привлекательных формах традиционной деятельности в зависимости от возраста (табл. 2.51), что позволит более эффективно планировать развитие тех или иных видов деятельности в зависимости от возрастных предпочтений представителей коренного населения. Если среди коренного населения старшего поколения наблюдается привлекательность собирательства, звероводства, изготовления сувениров и традиционных средств передвижения, то молодежь больше привлекают охота, рыболовство, пошив традиционной одежды, обуви и пр.

Таблица 2.51

Мнения респондентов о наиболее привлекательных формах традиционной деятельности в 2005 г. в зависимости от возраста, в процентах к общему числу ответивших

Традиционные виды деятельности	Возраст					
	до 20 лет	21–30	31–40	41–50	51–60	старше 60
Рыболовство	25,0	33,3	25,0	27,7	28,6	0,0
Охотничий промысел	25,0	21,7	14,1	17,0	17,1	0,0
Оленеводство	0,0	3,3	4,7	6,4	2,9	0,0
Звероводство	10,7	5,0	4,7	2,1	5,7	66,7
Изготовление сувениров	7,1	3,3	17,2	8,5	11,4	33,3
Изготовление традиционных средств транспорта	0,0	1,7	3,1	4,3	2,9	0,0
Переработка кожного, мехового и пушного сырья	3,6	0,0	1,6	2,1	2,9	0,0
Пошив традиционной одежды, обуви	3,6	1,7	3,1	0,0	0,0	0,0
Сбор дикоросов	7,1	11,7	14,1	12,8	20,0	0,0
Другие	7,1	6,7	4,7	4,3	0,0	0,0
Никакой	10,7	11,7	7,8	14,9	8,6	0,0

Преобладание ориентаций на традиционные формы хозяйственной деятельности у коренного населения предполагает возможность эффективного сочетания традиционных видов хозяй-

ственной деятельности с новыми, которые готовы освоить аборигены. При этом «расклад» предпочтений различных видов деятельности свидетельствует в пользу традиционных отраслей природопользования. Ответы респондентов по данному вопросу условно можно разделить на две группы. Первая группа поддерживает идею помощи традиционным формам промыслового хозяйства, другая – нетрадиционным для аборигенных народов Севера отраслям хозяйства. В процентном выражении они примерно равны (табл. 2.52).

Таблица 2.52

Динамика ответов респондентов на вопрос «Какие отрасли и формы хозяйства Тюменского Севера следует государству поддерживать сегодня?», в процентах к общему числу опрошенных

Отрасли и формы	Год	
	2005	2006
Оленеводство коллективное	10,8	13,3
Родовые общины	24,3	17,2
Фактории	10,2	3,1
Добывающие отрасли	4,2	6,2
Деревообрабатывающая отрасль	7,2	9,4
Строительство жилья	27,3	21,9
Транспорт	6,9	12,5
Связь	8,4	14,1
Другие	0,6	2,3

Следует отметить, что основой жизнедеятельности коренных малочисленных народов Тюменского Севера по-прежнему остается, что было доказано выше, традиционное природопользование. Если у представителей коренного населения есть желание заниматься традиционными формами природопользования, то необходимо создать экономическую основу их развития. Немаловажным в данном аспекте является оснащенность аборигенов техническими средствами, поскольку невозможно в современных условиях разработать принципиально новые транспортные средства, орудия охоты, рыболовства, источники тепла и электроэнергии. Специфика традиционных форм природопользова-

ния у них складывалась веками, а жизнедеятельность максимально адаптировалась к природной среде. Анализ оснащенности техническими средствами жителей исследуемых районов показывает необходимость совершенствования технической основы традиционного хозяйства (табл. 2.53).

Таблица 2.53

Динамика ответов респондентов на вопрос «Какие технические средства у Вас имеются?», в процентах к общему числу опрошенных

Технические средства	Год	
	2005	2006
Лодка	15,0	17,2
Моторная лодка	26,5	22,1
Снегоход	12,3	14,1
Бензопила	10,4	14,1
Пилорама	1,9	2,4
Автомобиль	5,0	9,2
Мотоцикл	7,7	9,8
Нет ничего	19,2	9,8
Другое	1,9	1,2

Рассмотрим отношение коренного населения к созданию территорий традиционного природопользования или этноприродных парков в округе. Положительное отношение к созданию территорий традиционного природопользования или этноприродных парков высказали в два раза большее число респондентов, чем отрицательное (соответственно 41,1 и 21,9 %). При этом 8,2 % респондентов относятся к этому безразлично, в два раза большее число опрошенных никогда об этом не задумывались, а 12,3 % – затруднились ответить на поставленный вопрос.

В целях исследования было важно выяснить отношение коренного населения к экономическим соглашениям, заключаемым между недропользователями и владельцами родовых угодий. Каждый четвертый респондент выразил положительное отношение к заключаемым соглашениям (27,8 %), в три раза меньшее число респондентов придерживаются противоположного мнения (9,7 %). Одновременно пятая часть опрошенных высказала безразличное отношение к заключению данных соглашений, каждый шестой участник анкетного опроса об этом никогда не задумывался, каждый четвертый – затруднился с ответом.

В данном контексте следует привести ответы респондентов на вопрос о том, как изменились отношения между промышленниками и владельцами родовых угодий:

- ухудшились – 23,3 %;
- улучшились – 21,9 %;
- не изменились – 21,9 %;
- затрудняюсь ответить – 32,9 %.

В заключение следует отметить, что опыт жизнеобеспечения и выживания в экстремальных условиях Севера, результаты проведенных исследований вселяет надежду на сохранение и развитие традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера. Глубокое, совершенное понимание миропонимание и осознанное стремление к сохранению своего специфического, проверенного веками, образа жизни коренные малочисленные народы Тюменского Севера демонстрируют и в настоящее время.

ГЛАВА 3

ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ ОБСКИХ УГРОВ

3.1. СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТНОМНОГО ОКРУГА

Первые сведения об осянках, вогулах и самоедах относятся к XI веку. В этот период в Северное Зауралье проникали новгородские торговые люди, называя этот край Югрой.

В краеведческом очерке Н. Б. Патрикеев, называя Югорскую землю «задворками России», описывает походы новгородцев, богатства края и его людей через летописи Нестора 1096 года, новгородскую летопись 1114 года, древнее русское сказание «о человецех незнаемых в восточной стране и о языцех розных», в которых говорится: «Югра же людье есть язык нем и седять с самоедью на полунощных странах»; «Еще мужи старые ходили за югру и самоедь»; «на восточной стране, за Югорской землей, над морем живут самоедь, зовомый молгонзен... Ядь их мясо да рыба... Они же людие невелики возрастом, плосковидны, носы малы, но резвы велми и стрельцы скоры и горазди. А ездят на оленях и на собаках, а платья носят соболие и оленье»¹.

Достоверной информации о численности осянков и вогулов ко времени присоединения Сибири к Российскому государству после знаменитого похода Ермака нет. По данным А. А. Дунина-Горкавича, «Все население Тобольского Севера по данным 1904 года составляет 38693 души обоего пола. По численности первое место занимают осянки, затем следуют русские, самоеды, вогулы и зыряне.

¹ Патрикеев, Н. Б. Югра: вехи жизни: Краеведческий очерк. – Ханты-Мансийск, 1995. – С. 5.

Общее количество инородцев, населявших пределы Тобольского Севера, в 1904 году составляло 26148 душ обоего пола, из них 13769 мужчин и 12379 женщин... осянки составляют почти три четверти населения Сургутского уезда и более двух пятых населения Березовского»¹.

Переписи, проведенные в 1926 г. и в советский период, зафиксировали рост коренных малочисленных народов Севера (табл.3.1). Если в 1989 году в СССР проживало 26 малочисленных народов Севера общей численностью 184510 чел., то в 1993 г. их число увеличилось на четыре народа: тоджинцы, шорцы, телеуты и кумандинцы, а общая численность составила более 200,5 тыс. чел. Не исключением явилась и первая, проведенная в третьем тысячелетии, перепись населения России (табл. 3.2).

Таблица 3.1

Динамика численности коренных народов Севера

Народы Севера	Год				
	1897	1926	1939	1959	1970
Ханты	17221 а	22306 а	19160 а	19410 а	21138 а
Манси	9976	5754	6315	6449	7710
Селькупы	5805 а	1630 а	6441 а	3768 а	4282 а
Ненцы	9245	17566	24053	23007	28705

Примечание: «а» – частое смешение селькупов и ханты.

Тюменская область является одним из крупнейших регионов России, её территория составляет свыше 1,4 млн. кв. км (8,4 % площади России), что эквивалентно территории Германии, Франции, Италии, Великобритании вместе взятых. В составе области находятся два автономных округа – Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский, образованные 10 декабря 1930 г. Население Ямало-Ненецкого округа составляет 500,5 тыс. чел., территория – 750,3 тыс. кв. км, окружной центр – г. Салехард, в нем проживает 31,2 тыс. человек. В Ханты-Мансийском округе проживает 1350,3 тыс.

¹ Исследователь Севера А. А. Дунин-Горкавич. – М. : Галарт, 1995. – С. 49–50.

чел., территория его – 523,1 тыс. кв. км, окружной центр – г. Ханты-Мансийск с населением 36 тыс. человек.

Тюменская область занимает большую часть Западно-Сибирской равнины и фактически делит территорию России на две большие части: западнее – Урал и Европейская часть страны, восточнее – азиатская: Сибирь и Дальний Восток.

Население области превышает 3 млн. человек. Возрастная структура населения Тюменской области характеризуется большим числом лиц трудоспособного возраста (67 %) и пониженным удельным весом населения пенсионного возраста (12 %), что является следствием высокого миграционного прироста населения в годы формирования нефтегазового комплекса.

По размерам территории область занимает третье место в Российской Федерации, по числу жителей – тринадцатое. Тюменская область относится к числу регионов России с многонациональным составом населения, здесь проживают представители 125 национальностей, в том числе 26 малочисленных народов Севера. Численность проживающих на территории области малочисленных народов Севера составляет 51,9 тыс. человек или треть от общей их численности в Российской Федерации¹.

Тюменская область сегодня является сложным территориальным образованием, в которой осуществляют свои полномочия три самостоятельных субъекта Российской Федерации: Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Открытие в 1960-х годах на территории области запасов нефти и газа определило особенности в формировании населения региона. В период с 1979 по 1989 год в области наблюдалась высокая миграционная подвижность с положительным сальдо миграции (пик приходится на 1986 г.). Большой приток мигрантов, необходимый для формирования трудовых ресурсов нефтегазового комплекса шел из нефтедобывающих и трудоизбыточных районов страны: Азербайджана, Башкирии, Татарии, Украины, Белоруссии, Молдавии². В результате в пе-

¹ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области. – Тюмень : Тюменский областной комитет статистики, 1995. – 33 с.

² Там же – С. 4.

риод до 1989 года в Тюменской области произошло значительное увеличение численности населения и доли таких национальностей, как азербайджанцы, башкиры, украинцы, белорусы, татары и др. (табл. 3.2).

Резкий скачок численности населения в 1970–1989 гг. также объясняется миграцией трудовых ресурсов, прибывших в Тюменскую область для освоения ее северных регионов. Так, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах за отмеченный период численность, например, только татар увеличилась в 6,6 раза (табл. 3.3)¹.

В 1994 году в Тюменской области была проведена микроперепись населения. Итоги переписи показали, что, несмотря на отток населения из области (отрицательное сальдо миграции), имевший место в 1990–1992 гг., доля населения по каждой национальности в общей численности населения изменилась не существенно (кроме украинцев), но в целом это оказало существенное влияние на повышение доли русского населения: с 72,6 % в 1989 г. до 74,5 % в 1994 г.²

В начале нового столетия в Тюменскую область в целом, в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа в частности продолжают прибывать представители различных национальностей из стран ближнего зарубежья, в том числе татары, башкиры, казахи (табл. 3.2). Определенное влияние на изменение численности и состава населения оказывает вынужденная миграция. По сравнению с некоторыми регионами РФ численность прибывших в область беженцев и вынужденных переселенцев незначительна. Из числа беженцев и вынужденных переселенцев, поставленных на учет в течение 1994 г., около 33 % (каждый третий) прибыли из Казахстана, 15 % – из Узбекистана, 10 % – их Таджикистана, 8,6 % – из Чечни³.

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. – С. 1848, 1850, 1852.

² Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области. – Тюмень : Тюменский областной комитет статистики, 1995. – С. 6.

³ Там же – С. 6.

Таблица 3.2

**Динамика численности населения Тюменской области
по национальному составу¹**

Националь- ность	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.		2002 г.	
	Общее число	в %	Общее число	в %	Общее число	в %	Общее число	в %	Общее число	в %
Всего населе- ния, в т. ч.	1092126	100	1406101	100	1885184	100	3097657	100	3264841	100
Русские	894008	81,9	1114053	81,2	1492516	79,2	2248254	72,6	2336520	71,6
Ненцы	14828	1,3	18769	1,3	19008	1,0	22619	0,7	27965	0,9
Ханты	17219	1,5	19491	1,4	18762	1,0	20371	0,6	26694	0,8
Манси	5829	0,5	7026	0,5	6727	0,3	7268	0,2	10561	0,3
Селькупы	1255	0,1	1751	0,1	1704	0,1	632	0,005	1857	0,06
Коми, коми- пермяки	10256	0,9	10606	0,7	12476	0,6	14541	0,5	13952	0,4

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. – М: ИИЦ «Статистика России», 2004.

Таблица 3.3

**Численность коренного населения Тюменской области в 2002 г.,
проживающего в городской и сельской местностях**

Население	Всего	Население	
		Городское	Сельское
Тюменской области			
Все население	3264841	2526133	738708
Русские	2336520	1800582	535938
Ханты	26694	8924	17770
Манси	10561	5357	5204
Ненцы	27965	4126	23839
Селькупы	1857	275	1582
ХМАО			
Все население	1432817	1301924	130893
Русские	946590	863370	83220
Ханты	17128	6798	10330
Манси	9894	4865	5029
Ненцы	1290	329	961
Коми	3081	1306	1775
ЯНАО			
Все население	507006	422826	84180
Русские	298359	266101	32258
Ханты	8760	1657	7103
Коми	6177	2472	3705
Ненцы	26435	3616	22819
Селькупы	1797	228	1569

В период с 1989 по 2002 гг. произошло резкое увеличение численности кавказских народов: азербайджанцев (более чем в 2 раза), армян (более чем в 3 раза), чеченцев (более чем в 2,5 раза) и грузин. Одновременно произошел отток латышей, литовцев, поляков, немцев, евреев.

Совместное проживание в одной деревне или одном поселке представителей из числа аборигенных народов Севера с людьми других национальностей, безусловно, способствовало, с одной стороны, развитию интеграционных процессов, но, с другой стороны, привело к тому, что аборигенное население стало забывать свой родной язык, свои национальные обычаи и традиции (табл. 3.5). Анализ данных, полученных в ходе переписи населения, проведенной в 2002 г., показывает, что тенденция уменьшения численности северных этносов, владеющих родным языком, сохраняется (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Распределение коренного населения Тюменской по степени владения родным и русским языками в 2002 г.¹

Национальность	Численность лиц соответствующей национальности	Из них владеют русским языком	Из них владеют родным языком
Тюменской области			
Ханты	26694	25935	
Манси	10561	10470	
Ненцы	27965	23941	
Селькупы	1857	1818	
Коми	10555	10464	
ХМАО			
Ханты	17128	16826	6338
Манси	9894	9804	2229
Ненцы	1290	1278	446
Селькупы	22	22	
Коми	3081	3064	688
ЯНАО			
Ненцы	26435	22424	23411
Ханты	8760	8328	
Манси	172	171	
Селькупы	1797	1758	1246
Коми	6177	6104	2505

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

Другой, не менее важной, особенностью демографического развития коренного населения является ускорение процесса его урбанизации. Высокая доля городского населения из числа аборигенных народов Севера зафиксирована в городах Ханты-Мансийского (Ханты-Мансийск, Нижневартовск, Нефтеюганск, Сургут) и Ямало-Ненецкого (Ноябрьск, Надым, Салехард) автономных округов. Так, в 2002 г. в Тюменской области в целом 33,4 % ханты и 50,7 % манси проживает в городах, а соответственно 66, и 49,34 % – сельской местности. По Ханты-Мансийскому автономному округу эти данные выглядят следующим образом: ХМАО – 39,6; 49,1; 60,4 и 50,9 % (табл. 3.3). Следует отметить, что манси более урбанизированы. Если среди ханты каждый третий проживает в городах, то среди манси – это каждый второй.

По-прежнему важнейшим демографическим показателем является половозрастная структура населения. На современную половозрастную структуру коренного населения Тюменской области в целом и Ханты-Мансийского автономного округа в частности, как и представителей других национальностей, существенное влияние оказали, как было отмечено выше, миграционные процессы.

Соотношение численности мужчин и женщин среди ханты и манси Тюменской области в основном соответствует общероссийской закономерности – мальчиков рождается больше, чем девочек, но общая численность женщин превышает численность мужчин. Так, итоги переписи населения 2002 г. показали, что среди представителей коренного населения в возрастах моложе трудоспособного численное превосходство у женщин Тюменской области в целом, ХМАО и ЯНАО в частности (табл. 3.7). Так, в ХМАО и ЯНАО наблюдается численное превосходство мужчин в возрастной категории до 14 лет. В остальных возрастных категориях (старше 14 лет) уже женщины превышают по численности мужчин. Если в средних возрастных категориях превышение незначительное, то в старших возрастных категориях (старше 60 лет) превышение составляет в два и более раза. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе среди лиц старше 70 лет количество женщин из числа ханты составляет 217, а мужчин – 84. Доля женщин и мужчин отмеченного воз-

раста в общей численности ханты округа составила соответственно 2,34 и 1,07 %.

Таблица 3.7

Распределение занятого коренного населения ХМАО по возрасту и полу (2002 г.)¹

Возраст	Городское и сельское население		
	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины
Ханты			
Ханты, в т. ч.	17128	7850	9278
0–14	5527	2805	2802
15–19	2150	1008	1142
20–29	2934	1360	1574
30–39	2514	1117	1397
40–49	2166	936	1230
50–59	892	337	555
60–69	624	190	434
70 и более	301	84	217
Манси			
Манси, в т. ч.	9894	4510	5384
0–14	3232	1675	1557
15–19	1190	545	645
20–29	1494	694	800
30–39	1439	640	799
40–49	1389	564	825
50–59	479	186	293
60–69	431	147	284
70 и более	239	59	180
Ненцы			
Ненцы, в т. ч.	1290	600	690
0–14	382	198	184
15–19	159	66	93
20–29	211	127	84
30–39	188	75	113
40–49	182	70	112
50–59	85	39	46

¹ Национальный состав и владение языками, гражданство. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004.

60–69	51	16	35
70 и более	32	9	23
Коми			
Коми, в т. ч.	3081	1328	1753
0–14	514	256	258
15–19	199	82	117
20–29	435	215	220
30–39	501	221	280
40–49	646	285	361
50–59	326	128	198
60–69	267	92	175
70 и более	190	49	141

У обских угров преобладающим типом семьи является простая семья, состоящая из супругов с детьми или без них. В 2002 г. 49,7 % мужчин и 54,0 % женщин из числа ханты Тюменской области состояли в браке. В Ханты-Мансийском автономном округе уровень брачности ханты ниже, чем в целом по Тюменской области: 48,1 и 52,9 % (см. табл. 3.8).

Среди аборигенного населения наблюдается тенденция увеличения неполных семей. Это, как правило, семьи одиноких матерей, разведенных женщин и вдов с детьми. Так, в 2002 г. среди 6292 женщин ханты вдовых и разведенных 1265 чел., среди 3675 женщин манси 745 чел. Среди 4801 мужчин ханты таких 400 чел., а среди мужчин манси – 241 чел.

Расчеты данных позволили выявить следующие тенденции:

1. уровень брачности выше у женщин, чем у мужчин;
2. количество мужчин, никогда не состоявших в браке, превышает аналогичный показатель среди женщин;
3. женщины чаще мужчин остаются вдовами, при этом в ХМАО вдов из числа ханты встречается в 4 раза чаще, манси – в 4,4 раза;
4. разведенных женщин в полтора раза больше мужчин. Это характерно для всего коренного населения, проживающего в Тюменской области.

За последние годы у татар произошли существенные изменения в семейно-брачных отношениях. К ним относятся, в первую очередь, увеличение численности межэтнических браков.

Не менее важным демографическим показателем является состояние образовательного уровня населения. Статистические данные показывают, что за период с 1979 по 2002 гг. в Тюменской области повысился образовательный и культурный уровень коренного населения. Перепись 2002 г. показала, что 16 ханты указали на факт получения послевузовского образования. Таким образом, можно предположить, что они окончили аспирантуру или ординатуру, защитили кандидатские или докторские диссертации. Кроме того, в 2002 г. увеличилось число ханты, получивших высшее образование; сократилось число ханты и манси, получивших начальное образование; не имевших образования (табл.3.9). В этот период времени 1,9 % ханты не имели образования; 14,1 % получили начальное образование; 26,5 % – незаконченное среднее; 18,8 % – среднее; 30 % – среднее специальное; незаконченное высшее и высшее – 8,3 %; послевузовское – 0,1 %. Несмотря на определенный рост образовательного уровня коренного населения Тюменской области, наблюдается его отставание по уровню образования от русского населения (табл. 3.9).

Коренное население Тюменской области является экономически активным, таким образом, доля занятого населения в общей численности людей постоянно возрастает. Следует отметить, что занятость коренного населения ниже, чем у других народов Тюменской области. Из общего числа ханты занятое население составляет 11581 чел. или 67,6 %, занятые в личном подсобном хозяйстве 1356 чел., или 0,1 %, пенсионеры и лица, получающие государственное пособие 519 чел., или 0,18 %, стипендиатов – 1901 чел., или 3,08 %, иждивенцев – 8003 чел., или 46,7 %. Кроме того, 4814 ханты имеют другие источники существования (3,7 %) (табл.3.10). Среди манси данные показатели выглядят иначе: занятое население составляет 6661 чел. или 67,3 %, занятые в личном подсобном хозяйстве 1407 чел., или 14,2 %, пенсионеры и лица, получающие государственное пособие 305 чел., или 12 %, стипендиатов – 1190 чел., или 3,1 %, иждивенцев – 4517 чел., или 45,6 %. Кроме того, 199 манси имеют другие источники существования (2,0 %) (табл.3.10). Распределение коренного населения Тюменской области, ХМАО и ЯНАО по источникам средств существования в 2002 г. представлено в табл. 3.10.

Распределение коренного населения ХМАО по полу и состоянию в браке (2002 г.)⁴

Национальность	Мужчины в возрасте 16 лет, указавших состояние в браке				Женщины в возрасте 16 лет и более, включая жени и боде, указавших состояние в браке				Тюменская область							
	В том числе	Из них	В браке	Никогда не состоявшие в браке	В браке	Из них	В браке	Никогда не состоявшие в браке	В том числе	Из них						
Ханты	7404	3681	2958	723	3098	265	325	35	9885	5340	4183	1157	2588	1251	680	26
Манси	2915	1437	1131	306	1205	104	152	17	4010	2182	1737	445	1006	492	319	11

⁴ Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИРИЦ «Статистика России», 2004

7343	4014	3343	671	2819	306	171	33	9217	4825	3910	915	2747	1288	320	37
Ханты															
590	212	134	78	321	26	25	6	695	366	243	123	206	84	35	4
Селькупы															
XMAO															
4801	2314	1810	504	2061	161	239	26	6292	3326	2544	782	1678	780	485	23
Ханты															
2694	1338	1054	284	1098	102	139	17	3675	2017	1602	415	902	455	290	11
Манси															
379	215	163	52	135	12	15	2	488	277	217	60	116	71	21	3
Ханты															
1051	673	592	81	276	41	59	2	1465	856	746	110	222	276	104	7
Коми															

6875	3778	3163	615	2620	294	152	31	8602	4492	3651	841	2572	1210	294	34
Ханты															
2351	1261	1059	202	915	98	69	8	3168	1795	1461	334	795	417	159	2
Ханты															
1959	1203	1056	147	584	81	90	1	2671	1551	1336	215	493	437	179	11
Коми															
566	204	128	76	308	25	23	6	664	351	231	120	194	82	33	4
Селькупы															

Таблица 3.9

Распределение занятого русского и коренного населения Тюменской области по уровню образования по переписи 2002 года ⁴²

Национальность	Всего занятое население		В том числе с образованием									
	Послевузовское	Высшее	Незаконченное высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Незаконченное среднее	Начальное	Не имеющие начального	Не указано	Не образовано		
Тюменская область												
Русские	2439	294288	67330	814250	326032	244544	101080	12873	4011			
Ханты	29	1028	339	5447	3298	4825	2448	567	49			
Манси	18	558	149	2576	1481	1760	601	78	8			
Ненцы	14	363	152	2083 868	3167	5739	3489	1385	65			
Селькупы	3	53	9	307	275	443	216	30	5			

170

⁴² Национальный состав и владение языками, гражданство. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004

Ханты-Мансийский автономный округ

Русские	742455	1665	126012	28905	338691	140227	82749	21082	1486	1638
Ханты	11581	16	733	228	3470	2183	3068	1635	216	32
Манси	6661	15	491	122	2357	1335	1687	580	67	7
Ненцы	908	1	49	15	279	180	238	120	23	3
Коми	2564	2	230	54	1099	453	421	268	30	7
Ямало-Ненецкий автономный округ										
Русские	228247	576	43253	9199	109160	39231	22796	3339	167	526
Ненцы	16199	12	299	112	2607	2925	5477	3353	1352	62
Ханты	5767	10	227	83	1706	975	1684	765	302	15
Коми	4761	5	379	79	1954	882	860	466	134	2
Селькупы	1286	3	48	8	288	258	434	214	28	5

171

Таблица 3.10
Распределение коренного населения Тюменской области по источникам средств к существованию (2002 г.)⁴⁾

Источники средств к существованию	Коренное население														
	Тюменской области						ХМАО						ЯНАО		
	Ханты	Манси	Ненцы	Сель-купы	Ханты	Манси	Ненцы	ХМАО	Ханты	Манси	Ненцы	Ханты	Ненцы	Сель-купы	Комп
Численность соответствующей национальности	26694	10561	27965	1857	17128	9894	1290	26435	8760	1797	6177				
Всего указали источников средств к существованию	36364	14865	39915	2486	22869	14021	1777	37808	12430	2404	7741				
Доход от трудовой деятельности	8473	3401	7615	554	5147	3130	418	7122	2999	540	2951				
Доход от работы в личном подсобном хозяйстве	1849	1434	2535	95	1356	1407	94	2433	441	92	208				
Стипендия	766	349	493	37	519	305	33	426	203	29	97				

⁴⁾ Национальный состав и владение языками, гражданство. - М.: ИИЦ «Статистика России», 2004

Пенсия	3196	1269	3539	192	1901	1190	175	3349	1203	184	1172				
Пенсия по инвалидности	707	314	558	73	435	283	31	497	209	67	111				
Пособие	5750	2304	7809	329	3307	2249	303	7495	2352	321	755				
Пособие по безработице	857	453	648	57	564	452	49	598	290	56	115				
Другой вид государственного обеспечения	987	310	2212	208	470	266	32	2115	435	197	137				
Сбережения	51	16	26	13	41	12	1	22	6	13	14				
Доход от сдачи внаем или в аренду имущества	504	11	36	8	486	11	12	24	17	7	6				
На иждивении отдельных лиц	12397	4785	13798	788	8003	4517	581	13133	4107	770	2073				
Иной источник средств к существованию	827	219	646	132	640	199	48	594	168	128	102				
Не указавшие источник средств к существованию	39	20	30	12	30	18	1	29	7	12	4				

3.2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Для изучения социально-экономических и этнокультурных проблем аборигенных народов Ханты-Мансийского автономного округа (далее ХМАО) авторами был использован социологический мониторинг, который необходим, в первую очередь, властным структурам для принятия управленческих решений, но его разработка и реализация требуют предварительного проведения социологических исследований. Такие исследования авторами проводятся с 1993 года.

В середине 1993 года был проведен первый анкетный опрос сельского населения Белоярского, Березовского, Октябрьского и Кондинского районов Ханты-Мансийского автономного округа. Цель исследования – характеристика сложившейся этнокультурной и социально-политической ситуации в местах проживания аборигенных народов Севера и оценка возможностей воздействия на нее. Кроме того, необходимо было выяснить социальное самочувствие аборигенного населения, их отношение к основным процессам, протекавшим в округе в начале 1990-х годов, пути дальнейшего развития аборигенных этносов, в том числе определение необходимых изменений в сфере занятости, традиционного хозяйства, национальной школы (приложение 1).

Результаты исследования обсуждались на международных и всероссийских конференциях, получили отражение в брошюре «Изучение социально-этнической ситуации Ханты-Мансийского автономного округа как этап разработки социологического мониторинга» и в журнале «Социологические исследования».

В середине 1995 года было проведено повторное исследование сельского населения тех же районов. От первого этапа его отделяет два года – период продолжающейся социокультурной трансформации российского общества в направлении политической демократии и рыночной экономики. Цель исследования – анализ динамики социально-политической ситуации в районах проживания северных этносов Ханты-Мансийского автономного округа и разработка рекомендаций по улучшению их жизнедеятельности (приложение 1).

Результаты второго панельного исследования нашли отражение в работе международных и всероссийских конференций, а также в брошюре «Изучение социально-экономической ситуации в районах компактного проживания народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе и обоснование моделей хозяйствования и управления экономическими процессами в новых условиях», где представлены сравнительные результаты двух исследований.

Третье исследование, проведенное в середине 1997 года в Белоярском, Березовском, Кондинском и Октябрьском районах ХМАО, позволило авторам проследить динамику этнокультурных и социально-политических процессов в местах проживания аборигенных народов Тюменского Севера (приложение 1).

Результаты третьего исследования нашли отражение в работе международных и всероссийских конференций, а также в совместной монографии «Социально-экономическое развитие обских ургов на этапе перехода к рыночным отношениям».

В 1999 году было проведено четвертое исследование в тех же районах Ханты-Мансийского автономного округа, цель которого – изучение этнокультурной ситуации в местах проживания аборигенных народов Тюменского Севера, выявление факторов, ее определяющих, и разработка рекомендаций, направленных на адаптацию северных этносов к происходящим в России политическим, экономическим и социальным переменам (приложение 1, 2).

Результаты исследования нашли отражение в работе международных и всероссийских конференций, на страницах журнала «Нефть и газ», тематического сборника «Этносоциальные процессы в Сибири», а также в совместной монографии «Обские ургы: социально-экономическая ситуация на пороге третьего тысячелетия», где представлены сравнительные результаты предыдущих исследований.

В 2001 г. начался пятый этап изучения социокультурных процессов в Тюменской области. Он включал в себя два опроса. В начале августа 2001 г. был проведен опрос жителей Ханты-Мансийского автономного округа, цель которого – определить мнение иноэтнического населения округа о происходящих там социокультурных процессах. В опросе приняло участие 750 респондентов, из них 60 % – русские, 40 % – представители других

национальностей (татары, украинцы). Из числа опрошенных 47 % составили мужчины, 53 % – женщины (приложение 1, 2).

Второй опрос был проведен среди ханты и манси четырех исследуемых районов ХМАО с целью изучения динамики этнокультурной ситуации в местах проживания аборигенных народов Тюменского Севера, а также разработки рекомендаций, направленных на сохранение и адаптацию культуры аборигенных народов Севера в реформируемом полиэтническом обществе. В опросе приняло участие 363 респондента. Из числа опрошенных 43 % составили мужчины, 57 % – женщины. В традиционных отраслях (оленоводство, звероводство, рыболовство, народные промыслы) заняты 8,0 % респондентов; в сфере обслуживания – 8,8 %; культуры – 5,1 %; образования – 9,4 %; здравоохранения – 7,1 %; органах власти – 1,7 %; на транспорте – 5,7 %; в строительстве – 3,4 %; в системе связи – 2,3 %; в коммерческих структурах – 1,9 %; в нефтегазовой промышленности – 10,7 %; в сельском хозяйстве – 0,3 %, неработающие составили 35,6 % от общей численности опрошенных (приложение 3).

Все исследования проведены коллективом социологов Тюменского государственного нефтегазового университета и сотрудниками Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск)⁴⁴.

Объем выборки за все исследования составил более 5500 человек, репрезентативно отражающих национально-этническую, половозрастную и социально-профессиональную структуру аборигенного населения Ханты-Мансийского автономного округа.

На примере Ханты-Мансийского автономного округа, где проводились социологические опросы, ясно просматриваются определенные зависимости этнокультурных процессов от общей социально-экономической ситуации в регионе, уровня социальной и межэтнической напряженности, от демографической

⁴⁴ Участники исследований: руководитель проекта – д. соц. н., проф. Н. Г. Хайруллина, отв. исполнитель – д. соц. н., проф. Т. Г. Харамзин. Полевые работы по получению первичных данных провели сотрудники ОУИПИР: А. Р. Бадмаев, Е. Н. Вожакова, В. Н. Сайнахов, С. Х. Хакназаров, Н. Ф. Кечемова, Р. П. Банк, А. В. Шульгина, Т. М. Алгадьева, В. Т. Харамзин, П. Т. Тарлин.

структуры населения. С этой точки зрения стоит предпослать социологическим данным, предназначенным для анализа, некоторые общие характеристики округа и социально-экономического положения его аборигенного населения. На подобном фоне, удобном для сопоставления, лучше видны те взаимозависимости, которые столь важны в оценках и классификации исследуемых процессов.

В качестве единиц отбора при формировании выборки были взяты следующие параметры демографической структуры аборигенного населения Ханты-Мансийского автономного округа в 2001 г.: национальность, пол, образование, социально-профессиональная принадлежность (табл.3.11).

Среди представителей северных этносов, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе, большинство составляют ханты и манси. Особенность половозрастной структуры аборигенного населения заключается в некотором «избытке» женщин и «нехватке» мужчин, что компенсируется поиском брачных партнеров среди представителей других национальностей. В последнее десятилетие наблюдается рост уровня образования у северных этносов. Средний уровень образования у мужчин составляет 8,8 лет обучения, у женщин – 8,6.

Таблица 3.11

Демографическая структура коренного населения ХМАО в 2001 г.

Параметры	Генеральная совокупность	Удельный вес, %	
		в генеральной совокупности	в выборочной совокупности
1. Национальность			
1.1. Ханты	16694	58	58
1.2. Манси	10022	36	37
1.3. Ненцы	1336	5	4
1.4. Селькупы и др.	48	1	1
2. Пол			
2.1. Мужской	13489	48	48
2.3. Женский	14611	52	52
3. Образование			
4.1. Неграмотные	2710	11	10
4.2. Начальное	12539	49	49

4.3. Неполное среднее	4071	16	18
4.4. Среднее и средне-специальное	5485	22	21
4.5. Высшее	790	2	2
5. Демографическая структура			
5.1. Дети до 16 лет	10559	*	*
5.2. Работоспособное население, всего	13278	89	89
Из них работающие	6953	58	48
Безработные	3194	27	24
5.3. Пенсионеры	3477	11	11

– дети до 18 лет участия в опросе не принимали

В 1990-е годы наблюдались негативные явления в естественном движении аборигенных народов Севера (табл. 3.12). В Ханты-Мансийском автономном округе численность аборигенного населения уменьшилась за счет сокращения естественного прироста. За период с 1985 по 1995 гг. рождаемость в округе сократилась в 2,2 раза, смертность увеличилась в 1,6 раза, вследствие чего естественный прирост снизился в 1,8 раза. Причинами снижения естественного прироста являются: социальная незащищенность, безработица, падение уровня жизни, рост пьянства и алкоголизма.

Таблица 3.12

Динамика демографических процессов в ХМАО (промилле)

Годы	Уровень рождаемости		Уровень смертности		Младенческая смертность		Естественный прирост	
	всего	аборигены	всего	аборигены	всего	аборигены	всего	аборигены
1980	21,7	28,8	6,5	14,7	25,7	48,1	15,2	14,1
1990	16,7	30,4	4,1	10,5	17,0	32,9	12,5	19,7
1994	11,3	19,8	7,5	13,5	16,1	35,6	3,8	6,3
1995	10,5	17,3	6,6	12,1	21,1	48,6	4,0	5,2
1996	10,5	16,6	6,9	12,5	16,1	22,9	3,6	4,1
1997	10,8	18,9	6,2	14,0	12,6	49,8	4,6	4,9
1998	11,3	20,4	6,6	13,4	12,0	36,3	4,7	7,0
1999	10,9	17,2	6,1	10,3	11,7	20,0	4,8	6,9

По данным Окружного комитета по делам малочисленных народов Севера по состоянию на 01.01.2000 г. трудоспособное население среди аборигенных народов в целом по округу составило 14700 человек. Из них было обеспечено работой 8658 человек, или 58,7%. В традиционных отраслях хозяйствования (родовые угодья, национальные общины, фермерские хозяйства и др.) занято 1448 человек (табл. 3.13).

В графе «Национальные предприятия» информация является неполной из-за недоучета численности фактически работающих. В целом численность занятых среди аборигенных народов Севера в традиционном секторе оцениваем около 2,5 тысяч человек или 27% от общего числа работающих.

В настоящее время уровень безработицы среди аборигенных народов Севера достиг критического уровня, особенно в сельской местности, что сказывается на их социально-психологическом состоянии – среди них исчезает мотивация к трудовой деятельно-

сти. При отсутствии регистрации в службе занятости безработным аборигенам не исчисляется трудовой стаж.

Таблица 3.13

Территориальная структура занятости коренных народов ХМАО, человек

Территория: район, город	Население			Занято	
	всего	трудо-способное	обеспеченное работой	национальные предприятия*	другие формы предприятий
Белоярский	2855	1358	789	84	705
Березовский	6059	3944	2122	244	1868
Кондинский	4924	2560	1910	103	1807
Н-Вартовский	1995	948	465	413	52
Н-Юганский	358	186	103	40	63
Октябрьский	1866	855	298	46	252
Советский	188	104	56	9	47
Сургутский	2790	1332	544	378	166
Х-Мансийский	1576	709	303	100	203
Всего в районах	22611	11996	6580	1417	5163
Всего в городах	5833	2942	2078	31	2047
Итого	28444	14938	8658	1448	7210

Примечание: * – родовые угодья, национальные общины, фермерские и др. хозяйства

Территориальная структура безработных среди коренных народов Севера, представленная в табл.3.14, свидетельствует о

дифференциации их численности по городской и сельской местности, а также по отдельным административным единицам.

Таблица 3.14

Территориальная структура безработных среди коренных народов ХМАО, человек

Территория: район, город	Население				
	всего	безработное	состоящее на учете в ЦЗ	получающее пособие	прошедшие перекавалификацию
Белоярский	2855	569	220	220	–
Березовский	6059	132	802	757	5
Кондинский	4924	650	248	120	11
Н-Вартовский	1995	483	184	184	2
Н-Юганский	358	83	16	5	–
Октябрьский	1866	557	42	37	5
Советский	188	48	6	3	8
Сургутский	2790	788	25	25	2
Х-Мансийский	1576	406	44	44	–
Всего в районах	22611	5432	1587	1395	36
Всего в городах	5833	867	98	81	18
Итого	28444	6346	1685	1476	54

Основной принцип расчета выборочной совокупности – пропорциональность численности аборигенного населения округа по выбранным единицам наблюдения, являющимся, на наш взгляд, наиболее существенными исходя из целей исследований. В целом выборка превысила 8,0 % от генеральной совокупности. При этом она достаточно адекватно отражает социально-

демографическую структуру аборигенного населения, что позволяет считать полученные результаты репрезентативными.

В качестве основного инструментария использовался анкетный опрос. Вопросы анкет можно объединить в следующие основные блоки:

- 1) социокультурные установки и взгляды;
- 2) социальное самочувствие;
- 3) политические оценки и взгляды;
- 4) экономические установки и поведение;
- 5) оценки социальных перемен;
- 6) этническое самосознание;
- 7) межэтнические браки;
- 8) языковая ситуация;
- 9) алкоголизация населения;
- 10) межэтнические отношения;
- 11) традиционное хозяйство.

Социологический мониторинг включает сбор информации, осуществляемый по стандартному набору показателей с помощью стандартных процедур и на выходе дает оценку ситуации в стандартной форме. Показатели в течение длительного времени должны быть одни и те же, чтобы дать возможность оценки их динамики, но это не означает их полной неизменности: ситуация меняется, возникают новые проблемы и, соответственно, может изменяться и состав показателей. На первом этапе исследования изучалась стартовая ситуация в жизнедеятельности аборигенных народов Ханты-Мансийского автономного округа, что позволило предложить набор индикаторов, которые вошли в систему социологического мониторинга:

Удельный вес лиц, считающих, что их положение ухудшается (улучшается).

Уровень (степень) владения родным языком.

Уровень социального пессимизма.

Уровень образования.

Удельный вес лиц, состоящих в однонациональных браках.

Удельный вес лиц, занятых в традиционном промысловом хозяйстве.

Отношение к решениям властных структур разных уровней.

Уровень межнациональной напряженности.

Уровень удовлетворенности элементами социальной инфраструктуры.

Состояние здоровья (уровень потребления традиционной пищи, алкогольных напитков, возможности отдыха).

Для диагностики этнокультурной ситуации в начале 1998 г. Н. Г. Хайруллиной был проведен экспертный опрос (приложение 4). Необходимость проведения экспертного опроса была продиктована тем, что в Ханты-Мансийском автономном округе динамично происходят этнокультурные процессы, дальнейшее индустриальное освоение региона с применением новейших технологий добычи нефти и газа, рост и обустройство городов. Негативному воздействию при освоении и разработке месторождений нефти и газа были подвержены территории проживания аборигенных народов округа. Из хозяйственного оборота выведены значительные территории пастбищ и районов традиционной деятельности, резко ухудшилась экологическая обстановка, подорваны основы жизнедеятельности всех групп населения. Проводимые рыночные преобразования лишили аборигенов округа экономической самостоятельности. При этом исчезает самобытная культура, происходит массовая маргинализация аборигенного и иноэтнического населения округа.

Таким образом, было опрошено четыре категории экспертов. К первой относятся представители региональных и федеральных органов власти, в их числе члены Совета Федерации, работники министерств и ведомств, руководители законодательных и исполнительных органов власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, принимающие решения социокультурного, экономического развития северных территорий и влияющие на политику в отношении аборигенных народов Севера. Ко второй – ведущие ученые из России, Венгрии и др. стран, представляющие многообразие научных дисциплин, изучающие различные проблемы аборигенных народов российского и зарубежного Севера – этнографы, языковеды, экологи, социологи, философы, юристы. К третьей – представители нефтегазодобывающих компаний, осуществляющие в настоящее время освоение, разработку, эксплуатацию месторождений, добычу углеводородного сырья на территориях проживания аборигенных народов округа. И к четвертой – лидеры общественных организаций аборигенных

народов Севера, представители национальной интеллигенции – ученые, научные сотрудники, писатели, журналисты и др. В опросе приняли участие сто десять экспертов⁴⁵.

Экономический кризис и реформирование экономики без учета региональной (особенно северной) специфики привели к еще большему обострению проблем в местах компактного расселения обских угров. К ним относятся низкий уровень жизни, невысокая производительность труда, повышенная заболеваемость и смертность аборигенного населения, сокращение инвестиций в развитие объектов социальной инфраструктуры и коммунального хозяйства в местах их компактного проживания.

В переходный к рыночной экономике период аборигенные народы округа оказались во многих отношениях менее подготовленными и защищенными, более ущемленными, чем жители других регионов России. Это касается таких жизненно-важных показателей, как жилищно-коммунальные и бытовые условия, медицинское обслуживание, условия работы, обеспеченность детскими учреждениями, возможность проведения отпуска, культурного досуга и др. Как свидетельствуют данные исследования, ситуация в последние годы не улучшается, а по многим позициям неудовлетворенность условиями жизни в значительной мере возрастает.

Интересно, что в анкетном опросе, проведенном в середине 1997 г., жители четырех анализируемых районов указали только одну сторону своей жизни, где позитивные перемены стали преобладать над негативными – это снабжение продовольственными и промышленными товарами. По остальным показателям наблюдается увеличение негативных оценок условий жизни на Севере (табл.3.15).

Следует отметить, что во всех исследованиях (1993 г., 1995 г., 1997 г., 1999 г., 2001 г.) мы задавали вопросы, направленные на отслеживание условий жизни аборигенного населения, что позволило авторам проследить динамику негативной оценки аборигенами ХМАО. Для изучения сегодняшнего со-

⁴⁵ Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.

стояния объектов социальной инфраструктуры авторами был разработан ряд вопросов в социальный блок анкеты.

Таблица 3.15

Мнения сельских жителей ХМАО об условиях жизни на Севере в середине 1997 г., в процентах к общему числу ответивших

Условия жизни	Мнения			
	стали лучше	стали хуже	не изменились	затруднились ответить
Материальная обеспеченность	5,6	81,0	9,1	4,3
Возможность трудоустройства	1,0	90,0	5,9	3,2
Получение жилья	7,7	75,8	11,7	4,9
Снабжение товарами	45,0	33,6	12,2	9,3
Возможность продавать рыбу, пушнину	12,4	59,6	8,0	20,0
Возможность сохранения насаждений	4,9	58,0	7,9	29,2
Возможность сохранения обычаев	18,4	42,5	15,9	23,3
Возможность приобретения техники	10,8	65,1	8,1	16,0
Отток работников из традиционных промыслов	1,9	50,7	5,6	41,9
Взаимоотношения между народами	7,6	27,7	47,7	17,0
Состояние здоровья	3,4	74,2	13,6	8,8

Анализ проведения свободного времени показал, что культурное обслуживание в населенных пунктах ХМАО у 46,1 % респондентов организовано плохо, у 44,0 % – удовлетворительно и только у 9,9 % – хорошо (рис.3.1).

Негативная оценка работы этой сферы аборигенами объясняется тем, что у 32,1 % респондентов в местах проживания учреждения культуры отсутствуют или количество их ограничено; 13,9 % респондентов не устраивает низкое качество репертуара. Незначительная часть респондентов назвали другие причины своей неудовлетворенности: мало посадочных мест – 4,7 %; не

устраивают часы работы – 2,8 %; учреждения не соответствуют нормам – 2,3 %; учреждение не работает – 1,6 %.

Рис. 3.1. Динамика оценки культурного обслуживания аборигенным населением Ханты-Мансийского автономного округа, в процентах к общему числу ответивших

Более благоприятную оценку дали респонденты работе предприятий торгового (рис. 3.2) и бытового обслуживания (рис. 3.3).

В своих ответах, среди причин неудовлетворенности торговым обслуживанием, женатые (замужние) респонденты на первое место (как и холостые (незамужние) и разведенные) указали высокие цены. Далее мнения респондентов несколько меняются: женатые (замужние) и холостые (незамужние) не удовлетворены организацией снабжения товарами первой необходимости (у разведенных эта причина на третьем месте) и ограниченным ассортиментом промышленных товаров (у разведенных – на втором месте). Между тем наши исследования показывают, что сами причины неудовлетворенности остаются неизменными из года в год.

Рис. 3.2. Динамика оценки торгового обслуживания аборигенным населением ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Детальный анализ работы предприятий службы быта в увязке с основными демографическими показателями позволил выявить следующие тенденции:

1. Самый высокий показатель удовлетворенности работой учреждений службы быта выявлен у респондентов Кондинского (22,9 %) и Октябрьского (23,0 %) районов, самый низкий – у респондентов Березовского района (2,6 %).

2. В зависимости от национальности самый высокий показатель удовлетворенности отмечен у ненцев (23,8 %), наименьший – у коми (6,3 %). Аналогичный показатель выше у респондентов-женщин – 20,1 %, у мужчин – 17,0 %.

3. Менее образованные респонденты более удовлетворены работой учреждений службы быта (со средним образованием – 24,8 %), более образованные – меньше (с высшим – 15,0 %).

Рис. 3.3. Динамика оценки коренным населением ХМАО работы предприятий службы быта, в процентах к общему числу ответивших

В качестве основных причин неудовлетворенности работой учреждений служб быта респонденты назвали:

- высокие расценки на услуги – так ответили респонденты из Березовского (39,3 %), Кондинского (32,0 %) и Октябрьского (41,1 %) районов; 42,0 % манси, 37,9 % женщин; а также 34,6 % респондентов с начальным и 34,8 % с высшим образованием;
- редко приезжают в места проживания – так ответил каждый второй респондент Белоярского района; 37,2 % ханты, 62,5 % ненцев и 59,1 % коми; 38,8 % мужчин; а также 41,2 % опрошенных с начальным, 35,2 % со средне-специальным образованием;
- малое число предприятий и недостаточное разнообразие этих услуг – 12,9 % всех опрошенных;
- низкое качество обслуживания – 8,4 % всех опрошенных.

В связи с переходом России к рынку, по мнению 65 % опрошенных, условия для получения жилья в последние 2–3 года стали хуже, каждый десятый считает, что условия не изменились, и только 6 % ответили, что условия для получения жилья улучшились.

Решение жилищной проблемы на Севере, оказывающей немаловажное влияние на состояние здоровья населения – это процесс сложный, длительный и очень дорогостоящий. Восстановление здоровья с помощью отдыха – это мера более доступная. Но и с реализацией этой возможности у аборигенного населения существуют серьезные трудности. Так, каждый десятый респондент не смог позволить себе взять отпуск, а из тех, кто позволил себе это сделать, большая часть (60,5 %) вынуждена была провести отпуск дома, никуда не выезжая; 13,7 % респондентов провели отпуск не дома, но в пределах округа и лишь один из десяти позволил себе выехать за пределы округа. Таким образом, отпуск фактически не используется аборигенами округа для восстановления сил и здоровья.

В Ханты-Мансийском автономном округе 2718 человек занимаются рыболовством, оленеводством и охотой, проживают в лесу, тундре и ведут кочевой образ жизни; 84 % проживают в сельской местности, как правило, в малых отдаленных поселках, не имеющих связи, электроснабжения, транспортных средств. По этой причине возникает много трудностей в оказании и медицинской помощи населению.

Сложные бытовые, экстремальные климатические условия, психоэмоциональное напряжение, ухудшение питания, неблагоприятная эпидемиологическая обстановка оказывают неблагоприятные воздействия на здоровье населения. В структуре заболеваемости на первый план вышли «социальные болезни» – алкоголизм, туберкулез, венерические заболевания. Отмечается рост кишечных инфекций среди аборигенных народов Севера, обусловленный отсутствием в отдельных поселках и стойбищах централизованного водоснабжения и канализации, использованием питьевой воды из открытых водоемов. Заболеваемость сифилисом выросла в течение последних трех лет в четыре раза и приблизилась к среднеевропейскому показателю.

Восстановление здоровья аборигенного населения возможно только при условии сохранения привычной среды обитания, традиционных форм и методов хозяйствования, использования традиционных для северян продуктов питания (оленина, строганина, рыба и т. д.).

В экстремальных условиях Тюменского Севера проблема здоровья становится более важной, чем в других регионах России. Поэтому для анализа самосохранительного поведения северян необходимо изучить их представления о своем здоровье и влиянии на него специфических условий жизни в северном регионе. Проведенное исследование показало, что за последние два года сократилось число респондентов, считающих себя здоровыми. Для сравнения: в 1993 г. здоровым себя считал каждый четвертый опрошенный; в 1995 г. это число сократилось вдвое; в 1997 г. 41,0 % респондентов ответили, что болеют часто.

Проведенные исследования позволили выявить основные недостатки медицинского обслуживания:

- отсутствие в продаже необходимых лекарств (46 % опрошенных);
- плохое оборудование медицинских учреждений (42,3 %);
- неквалифицированный медицинский персонал (24,2 %).

При этом, сравнивая результаты исследований, необходимо отметить, что, во-первых, ухудшилось снабжение медицинскими препаратами, во-вторых, увеличилось число национальных поселков, где появились медицинские учреждения.

Сложность социально-экономической ситуации, зафиксированная в негативных оценках большинства респондентов, определяет характер видения ими своего материального положения к середине 1999 г. ухудшилось у 45,1 % сельчан и 34,5 % горожан ХМАО. При этом около половины опрошенных (42,4 %) возлагают надежды на улучшение материального положения в ближайшие годы и более трети опрошенных (38,3 %) ожидают ухудшения.

Анализ зависимости динамики материального положения и уровня образования показал, что у респондентов со средним специальным образованием наблюдается ухудшение материального положения и улучшение – у респондентов с высшим образованием.

Чтобы иметь представление о том, что означает динамика благосостояния в реальном количественно-качественном выражении, сопоставим эту динамику с распределением ответов на вопрос: «Для удовлетворения каких потребностей семьи достаточно Ваших доходов?». Подчеркнем: в основе данных лежат не расчеты фактических доходов и расходов, а стандарты, которыми руководствуются сами люди. В этих стандартах синтезированы их социальные притязания и представления о нормах жизненного уровня, сложившиеся на опыте прежней жизни и оценках положения окружающих людей. Как видим, в распределении самооценок уровня жизни за последние два года, несмотря на безусловное снижение реальных доходов населения с 1990 г., произошли определенные изменения. На фоне общего ухудшения ситуации (на 16,5 % уменьшилось число лиц, которым хватает денег только для приобретения продуктов питания) обращает на себя внимание улучшение ситуации среди обеспеченных респондентов, которые себе ни в чем не отказывают (их число увеличилось соответственно на 11,5 %).

Это выглядит тем более странно, поскольку в наших исследованиях значительная часть респондентов (в 1993 г. – 39,5 %; 1995 г. – 25,0 %; 1997 г. – 55,1 %; 1999 г. – 45,1 %; 2001 г. – 30,6 %) указывает на ухудшение своего материального положения (табл.7). Это объясняется следующим. Во-первых, источник терпеливости большей части населения заключается в том, что и в прошлые годы она имела доходы, которых едва хватало на

строительную жизнь. Во-вторых, до недавнего времени большинство населения верило, что в ближайшие год-два положение нормализуется, жизнь станет лучше, а жить легче. В настоящее время этот резерв социальной терпимости оскудел: в середине 1997 г. 19,2 % респондентов рассчитывали на улучшение материального положения в ближайшие год-два, а улучшение в 1999 г. произошло только у 0,7 % опрошенных. В-третьих, при общем снижении уровня и ухудшении качества жизни, в условиях расширения множества очагов социальной напряженности (роста наркомании, преступности, политической нестабильности) критерием для оценки своего материального положения является не богатство отдельных, пока немногих людей, а признаки абсолютной бедности.

В целом только у трети сельского и половины городского населения в середине 1999 г. было достаточно доходов на проживание, а остальным (66,3 % сельчанам и 42,1 % горожанам) хватало только на питание либо не хватало даже на питание. Таким образом, две трети сельских и около половины городских жителей ХМАО живут за чертой бедности (табл.3.16).

Авторам в 1999 году интересно было узнать, насколько достаточно доходов респондентам в зависимости от социально-профессиональной принадлежности. Выяснилось, что денег вполне достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и ни в чем себе не отказывать респондентам, работающим в сфере здравоохранения (2,3 %) и бытового обслуживания (3,5 %). Более чем у половины (56,3 %) респондентов, работающих в органах власти, каждого второго, занятого в коммерческих структурах и всех опрошенных, занятых в сфере образования, денег достаточно для приобретения необходимых продуктов питания и одежды. Аналогичный показатель у опрошенных, занятых в животноводстве, составил от 4,8 %, а в рыболовстве – до 20,0 %. У основной части опрошенных (например, занятых рыболовством 40,0 % и строительством – 71,4 %) денег достаточно лишь на покупку продуктов питания, а денег на приобретение продуктов питания недостаточно каждому второму респонденту, занятому традиционной деятельностью.

Таблица 3.16
Самооценка уровня жизни коренного населения ХМАО через удовлетворение потребностей семьи, в процентах к общему числу ответивших

Самооценка уровня жизни	Сельское население ХМАО			Городское население ХМАО
	1997	1999	2001	1999
1. Денег достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и ни в чем себе не отказывать	0,4	11,9	2,8	0,0
2. Денег достаточно для приобретения продуктов и одежды, но на крупные покупки приходится откладывать	23,0	21,8	41,2	57,9
3. Денег достаточно лишь на покупку продуктов питания	46,7	30,2	42,9	35,1
4. Денег не достаточно даже на приобретение продуктов питания	29,9	24,0	13,1	7,0

Соотношение доли городских жителей, которым недостаточно доходов на проживание, и доли городских жителей, которым доходов достаточно, близко к процентному соотношению тех, чье благосостояние ухудшилось, и тех, у кого улучшилось. Разница между этими соотношениями заключается в том, что как доля лиц, которым не хватает доходов на проживание, больше, чем доля тех, чье положение ухудшилось, так и доля лиц, которым доходов на проживание достаточно, больше, чем доля тех, чье положение улучшилось. Эта разница объясняется тем, что хватает доходов на проживание не только тем, у кого материальное положение улучшилось, но и большей части тех, чье материальное положение за последние два-три года не изменилось.

Если 21,8 % сельчан в 1999 г. отметили, что денег достаточно для приобретения продуктов и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать на будущее, то среди городского населения таких оказалось почти втрое больше (57,9 %). Вместе с тем, четверть опрошенных из сельской местности указали, что денег недостаточно даже на приобретение продуктов питания, среди горожан таких более чем в три раза меньше. В то же время только у каждого десятого сельского жителя денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, среди горожан таких вообще нет. Такое положение, по мнению авторов, можно объяснить более низким уровнем их потребностей. Кроме того, жители некоторых родовых угодий находятся на полном обеспечении нефтяных компаний, которые в ходе выполнения экономических соглашений оказывают им финансовую, материальную и другую помощь.

Рассмотрим способы, при помощи которых абorigены округа пытаются улучшить свое материальное положение. В ответах более чем половины респондентов (64,4 %) наблюдаются пессимистические настроения: 36,4 % опрошенных не знают, что делать; 17,4 % – ничего не хотят предпринимать; 10,6 % – не ответили; только один из трех респондентов (35,6 %) предложил конкретные меры:

- буду больше работать на своей работе – 14,3 %;
- займусь охотничьим промыслом, собирательством – 10,6 %;
- найду более высокооплачиваемую работу – 7,5 %.

Другие предложенные альтернативы были выбраны менее чем двумя процентами ответивших на данный вопрос.

Сложность кризисной социально-экономической ситуации на Севере, зафиксированная в ответах абсолютного большинства опрошенных, определяет и источники доходов абorigенного населения. Для большинства опрошенных ханты и манси ХМАО (69,1 % в 1993 г., 64,8 % – в 1995 г., 76,2 % – в 1997 г., 75,4 % – в 2001 г.), главными источниками существования являются заработная плата и надбавки к ней, выплаты из социальных фондов, а также бесплатные услуги и дотации предприятия (табл.3.17).

Таблица 3.17

**Источники существования коренного населения ХМАО
в 1993-2001 гг., в процентах к общему числу ответивших**

Источники дохода	Сельские жители					Городское население 1999
	1993	1995	1997	1999	2001	
З/плата и дотации	48,3	37,0	42,5	34,1	43,2	49,3
Выплаты из социальных фондов	20,8	27,8	33,7	32,3	31,8	31,0
Доход от продажи продукции традиционных промыслов	24,5	26,3	19,7	25,0	21,4	11,1
Другие источники, включая коммерческую деятельность	6,4	8,9	4,1	8,6	3,6	8,7

Сегодняшняя ситуация складывается не в пользу традиционных форм занятости населения Тюменской области. Данные табл.3.17 показывают, что у семи процентов сельских респондентов ХМАО уменьшился доход от продажи традиционной продукции (мяса, рыбы, грибов, ягод, орехов и др.). Таким образом, спектр источников существования аборигенов округа сокращается. Для большинства опрошенных их объем не покрывает расходов, необходимых на «скромную» жизнь. Несмотря на различные источники существования, нормальные условия для различной жизни большинства аборигенных народов Севера не обеспечиваются. Важнейшие источники доходов (зарплата, пенсии, пособия) лишь частично удовлетворяют необходимые нужды не только жителей северных округов, но и большинства россиян.

Структура доходов городских респондентов значительно отличается от бюджета сельчан. У горожан основную часть дохода (80,1 %) составили зарплата и надбавки к ней, а также выплаты из социальных фондов. У сельских респондентов указанные статьи составляют половину дохода. При этом у сельчан четверть

бюджета пополняется за счет продажи продукции традиционных промыслов, а у горожан – в 2,5 раза реже.

Причем прослеживается интересная закономерность: у респондентов, которые занимаются традиционными видами деятельности, выручка от продажи добытой или произведенной ими продукции не является основным источником дохода. Так, респонденты, занятые народными промыслами, указали, что от продажи продукции традиционных промыслов не получают никакого дохода. У респондентов, занятых звероводством и охотничьим промыслом, доход от продажи мяса и меха составляет лишь 4,2 %. Более благополучная картина наблюдается у респондентов, занятых рыболовством: доход от продажи рыбы у них составил 20,0 %.

Остановимся подробнее на социально-экономических проблемах, которые волнуют аборигенов Ханты-Мансийского автономного округа в наибольшей степени. Полученные от ханты, манси и ненцев, проживающих в сельской и городской местности, ответы рассмотрим отдельно. Ответы сельских и городских жителей ХМАО, полученные в 1999 г., можно разделить на четыре больших блока. В первый блок вошли социально-экономические проблемы: трудоустройство (68,1 у сельчан и 50,0 % у горожан); материальные доходы (соответственно 57,6 и 39,7 %); обеспечение жильем (57,5 и 55,2 %); безработица (51,6 и 37,9 %).

Второй блок проблем связан с наиболее значимыми, общечеловеческими ценностями: здоровье (38,6 и 25,9 %); образование (36,6 %); воспитание детей (21,4 и 12,1 %); возрождение традиций (19,5 %).

В третий блок вошли чисто житейские проблемы сельских респондентов: обеспечение продуктами (18,7 %); бытовые проблемы (10,7).

В четвертый блок – проблемы сельских респондентов, связанные с обеспечением традиционных форм жизнеобеспечения, которые волнуют лишь от 2,1 до 6,2 % сельчан и от 1,7 до 6,9 % горожан: переход на новые методы хозяйствования; передача земельных угодий; снабжение сырьем; организация новых форм хозяйствования.

Если из всего набора социально-экономических проблем выбрать три самые основные, которые волнуют респондентов, в зависимости от сферы занятости, то данный набор будет выглядеть следующим образом. Респонденты, занятые народными промыслами (резьба по дереву, кости; пошив меховой одежды, обуви и т. д.), взволнованы, в первую очередь, проблемами снабжения сырьем, обеспечения жильем и материальных доходов. Респонденты, занятые в коммерческих структурах, на первое место выдвигают проблемы образования и здоровья.

Назовем пять проблем, требовавших первоочередного решения в 1999 г.: трудоустройство; обеспечение жильем; безработица; материальные доходы; здоровье.

С аналогичным вопросом мы обратились к респондентам и в 2001 г. Следует отметить, что были получены практически те же ответы. Коротко остановимся на них. В первую очередь, сельских жителей волнуют проблемы трудоустройства (56,6 %), обеспечения жильем (48,4 %); материальных доходов (44,5 %), безработицы (35,2 %); возрождения традиций (30,0 %); здоровья (22,3 %); образования (20,6 %) и др. Первоочередного же решения требуют следующие вопросы:

- трудоустройства (35,2 %);
- обеспечения жильем ((31,6 %);
- безработицы (25,6 %);
- материальных доходов (25,0 %);
- возрождения традиций (21,2 %).

Поскольку вслед за сильными переживаниями, стрессами опрошенные назвали в ряду специфических причин, вызывающих ухудшение здоровья, качество питания, то следует остановиться на мнении респондентов о качестве и рационе своего питания.

Традиционной пищей постоянно питаются только 20,4 % опрошенных; нечасто – 36,0 %; очень редко – 24,7 %; практически никогда – 16,9 %. За последние два года на 10 % уменьшилось количество респондентов, которые постоянно питались традиционными для северян продуктами питания; каждый пятый опрошенный перестал употреблять строганину, мясо оленя, рыбу и пр. Чаще традиционными продуктами питаются респонденты, занятые в оленеводстве, охотничьем и рыболовном промыслах; редко (10,2 %) или практически никогда аборигены, занятые пошивом одежды, обуви, изготовлением украшений, сувенирных изделий и др.

Важным индикатором жизненного уровня является потребление других продуктов питания (табл.3.18). В последние годы наблюдается увеличение потребления хлебобулочных, макаронных изделий, круп, молочных продуктов; уменьшение потребления мяса, подсолнечного масла, овощей и фруктов; не изменилось лишь потребление рыбы и рыбопродуктов. Особую тревогу вызывает увеличение потребления алкогольных напитков более чем у трети респондентов, проживающих в ХМАО.

Таблица 3.18

Динамика потребления продуктов питания коренным населением ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Продукты питания	Уровень потребления							
	стал больше		не изменился		стал меньше		затруднились ответить	
	1999	2001	1999	2001	1999	2001	1999	2001
Хлебобулочные изделия	14,0	16,5	48,0	77,5	27,0	3,5	8,0	2,5
Макаронные изделия	11,0	20,6	47,0	69,7	30,0	8,2	8,0	1,5
Крупы	10,0	19,6	49,0	62,6	27,0	15,1	9,0	2,6
Мясо, птица	5,0	13,7	29,0	47,4	47,0	34,8	13,0	4,1
Рыба, рыбопродукты	12,0	33,4	43,0	42,2	30,0	21,4	10,0	2,9
Колбасные изделия	5,0	8,4	12,0	36,2	50,0	49,8	25,0	5,6
Спирт, водка, вино	43,0	13,1	20,0	27,8	18,0	45,2	13,0	13,9
Масло растительное	7,0	11,4	42,0	78,4	36,0	7,6	11,0	2,6
Овощи, фрукты	9,0	14,0	13,0	31,7	51,0	40,3	21,0	14,0
Молочные продукты	10,0	15,2	37,6	41,6	33,0	32,7	14,0	10,5

Негативные социальные последствия проводимого курса экономических реформ определили набор наиболее острых проблем жизни, а также падение уровня жизни и социальное рас-

слоение жителей, проживающих в Тюменской области. Оценка хода экономических реформ аборигенами и острые проблемы их жизни будут подробно рассмотрены в следующем параграфе.

3.3. ОЦЕНКА ХОДА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ КОРЕННЫМИ ЖИТЕЛЯМИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Ход экономических реформ в Ханты-Мансийском автономном округе представляет собой региональное выражение общего хода реформ в России. Важный вопрос, интересовавший нас, затрагивал опасения респондентов, возникающие у аборигенов в связи с экономическими реформами. Респондентам был предложен список с возможными опасениями, из которого они могли выбрать три самых главных по их мнению. Так, жители *Белоярского района* испытывают следующие опасения:

- пьянство еще более возрастет – 19,5 %;
- традиционные промыслы окончательно будут погублены – 15,2 %;
- ухудшится материальное положение – 15,0 %.

Жители *Березовского района* ожидают, что:

- пьянство еще более возрастет – 25,3 %;
- произойдет повышение безработицы 22,2 %;
- молодежь окончательно отвернется от национальных корней своего народа – 10,1 %.

В *Кондинском районе* – следующие опасения:

- пьянство еще более возрастет – 19,7 %;
- произойдет повышение безработицы – 16,2 %;
- усугубится варварское отношение к природе – 15,4 %.

В *Октябрьском районе* – следующие:

- ухудшится материальное положение – 18,1 %;
- произойдет повышение безработицы – 17,0 %;
- пьянство еще более возрастет – 15,1 %.

Таким образом, в поселках всех районов (а Березовского района особенно) проблему пьянства считают самым серьезным опасением осуществляющихся реформ. Только в Октябрьском районе она стоит на последнем месте (табл. 9).

В совокупности полученных данных, представленных в табл. 9, выделяется значительная по удельному весу доля респондентов из всех исследуемых районов, ожидающая в ближайшие 2-3 года позитивные изменения некоторых сторон своей жизни: улучшения материального положения, решения социальных и экологических проблем, сохранения традиционной культуры и приобщения к современной промышленной цивилизации.

Степень оптимизма у респондентов анализируемых районов различна: выше всего она у респондентов Березовского района (лишь 4,8 % респондентов никаких надежд на проводимые реформы не возлагают) и ниже у респондентов Кондинского района – 13,5 % (табл. 3.19).

Таблица 3.19

Оценка перспектив, ожидаемых коренными жителями исследуемых районов ХМАО от проводимых экономических реформ в середине 1997 г., в процентах к общему числу ответивших

Ожидаемые перспективы	Коренное население			
	Березовского района	Белоярского района	Кондинского района	Октябрьского района
Улучшится материальное положение	17,9	19,4	17,2	20,3
Молодежь сможет трудиться в нефтегазовом комплексе	0,9	5,8	5,6	5,9
Молодежь вернется к традиционным промыслам	2,8	9,6	3,1	4,5
Народ станет свободным	2,8	5,8	6,8	6,8
Народ сохранит свою культуру и, вместе с тем, приобщится к современной цивилизации	19,8	21,5	13,5	17,7

Произойдут технико-технологические обновления промыслов	1,9	0,7	3,1	2,6
Будут решены социальные проблемы	21,7	14,7	16,0	16,3
Улучшатся межнациональные отношения	6,6	4,7	1,2	3,1
Решатся экологические проблемы	13,2	7,7	14,5	10,6
Будут созданы условия работы в нетрадиционных видах деятельности	7,6	4,2	5,5	3,8
Надежд не возлагаю	4,8	5,9	13,5	8,4

Как видим, к настоящему времени угроза безработицы и ухудшения материального положения, порожденные собственно ходом реформ, вышли на передний план, отодвинув такую до недавних лет беспокоившую аборигенные народы проблему, как загрязнение окружающей среды. Вместе с тем, прежние проблемы продолжают оказывать отрицательное воздействие на уровень и качество жизни аборигенного населения. Показательно, что самой острой проблемой остается проблема пьянства, в которой концентрируются все симптомы нездоровья общества. Более подробно на данной проблеме остановимся ниже.

То, что новые острые проблемы пришли не на смену прежним, не устранили их, а на них наслонились, наглядно можно увидеть, если обратить внимание на особенности положения в каждом из исследуемых районов по отдельности. Анализируя данные табл. 9 с точки зрения темы данного раздела, следует отметить, что лишь незначительное число респондентов – от 1,2 до 6,6 % – в зависимости от района проживания ожидают улуч-

шения межэтнических отношений. В массовом сознании ханты и манси сегодня укоренилось представление о частичном или полном игнорировании интересов аборигенного населения на федеральном и областном уровнях.

Следует иметь в виду, что «рыночность» вообще не совместима с внутренней природой северного промыслового хозяйства, но это не означает, что осуществление экономической реформы в округе невозможно или что реформа не нужна. Реформы должны быть хорошо адаптированы к реальному состоянию дел, чтобы играть не разрушительную роль по отношению к отраслям традиционного природопользования, а стимулирующую. Нужно определиться, вхождение в рынок будет происходить на основе интеграции или сосуществования, благодаря буферным формам взаимоотношений. Безусловно, должны возникнуть специфические формы взаимодействия с рынком.

Преобладание ориентаций на традиционные хозяйственные занятия у аборигенного населения в целом и у той части, которая уже так или иначе включена или собирается включиться в новые организационные формы хозяйственно-экономических отношений, предполагает возможность эффективного сочетания традиционных видов хозяйственной деятельности с новыми, которыми аборигенное население готово освоить. При этом «расклад» предпочтений различных видов деятельности свидетельствует в пользу традиционных отраслей природопользования.

Процесс экономических преобразований городские жители оценили следующим образом: позитивно оценил экономические реформы каждый второй респондент – это работники органов власти, негативно – работники образования и системы связи. Работники сферы обслуживания (100,0 %), культуры (50,0 %) и системы связи (50,0 %) затруднились дать какую-либо оценку. Среди сельских жителей оценки более дифференцированы. Каждый четвертый респондент, занятый традиционными формами природопользования, оценил экономические преобразования как позитивные, каждый пятый – негативные. Три четверти представителей коммерческих структур, треть занятых на транспорте и в нефтегазовой промышленности оценили экономические реформы отрицательно. Наибольшие затруднения в оценке возникли у респонден-

тов – работников органов власти (50,0 %) и транспорта (38,5 %).

Задавая вопрос о надеждах, которые респонденты возлагают на проводимые реформы, мы в качестве ответов предложили список основных проблем, а также предусмотрели возможность указания других, не названных в этом списке ответов. Итоговые по всем опрошенным в четырех районах результаты ответов (начиная с самой важной надежды и по мере убывания важности) следующие:

- улучшится материальное положение народа – 19,0 %;
- народ сумеет сохранить свои обычаи, культуру и вместе с тем, приобщиться к современной промышленной цивилизации, современным профессиям – 18,1 %;
- будут решены социальные проблемы – 16,1 %;
- будут решены экологические проблемы – 10,8 %;
- надежд не возлагаю – 8,5 %;
- народ не будет зависеть от произвола ведомств и властей – 6,2 %;
- молодежь сможет вернуться к традиционным промыслам – 5,7 %;
- молодежь сможет трудиться на предприятиях нефтегазового комплекса – 5,5 %;
- будут созданы условия работы в нетрадиционных видах деятельности – 4,7 %;
- произойдет технико-технологическое обновление промыслов – 2,0 %.

Как видим, в середине 1997 г. каждый пятый опрошенный (19,0 %), проживающий в сельской местности, надеялся на улучшение материального положения. К середине 1999 г. улучшение произошло только у 3,7 % респондентов. Следует указать на тот факт, что, задавая респондентам в разной форме одни и те же вопросы, мы получили одинаковые установки на те или иные ответы. Так, на первое место респонденты ставят вопросы, связанные с материальным положением и с бытовыми проблемами. На последнем месте оказались вопросы, связанные с деятельностью в традиционных промыслах.

Мы уже отмечали, что большинство опрошенных во всех исследуемых районах не выразили оптимизма по вопросу улучшения своего материального положения в ближайшие 2-3 года. Также невысока и степень уверенности респондентов в том, что путь к рынку и реализация реформ принесут им личное благополучие, экономическую свободу. Не уверены в этом четверть опрошенных. Неуверенность в перспективах – характерная черта состояния сознания преобладающей доли опрошенных северян. Так, ухудшения своего материального положения ожидают 11,7 % женщин и 28,3 % мужчин. Кроме того, у 15,9 % респондентов возникают опасения, что в результате экономических реформ произойдет повышение безработицы; каждый десятый опрошенный считает, что молодежь окончательно отвернется от национальных корней своего народа, усугубится варварское отношение к природе, нефтегазовые ведомства лишат аборигенное население родовых угодий и традиционные промыслы окончательно будут погублены в ходе реформ. Но самую большую тревогу вызывают опасения респондентов, связанные с ростом пьянства.

В определении долей тех, у кого благосостояние ухудшилось и у кого улучшилось, с помощью подсчета ответов на поставленный вопрос присутствует момент субъективности. При этом оценки и их соотношение адекватно отображают действительную остроту проблем динамики уровня жизни, а также степень социальной напряженности, создаваемой поляризацией уровней благосостояния аборигенного населения. Соотношение тех, у кого материальное положение ухудшилось и тех, у кого оно улучшилось, составляет у сельских жителей более чем в одиннадцать раз, у городских – в два раза. Следует подчеркнуть, что в бедственном материальном положении находится половина опрошенных сельских жителей (53,3 %) и 14,5 % городских жителей. В то время как благоденствующие составляют ничтожно малую его часть – 1,0 % среди селян и 3,5 % среди горожан. Все это не может не создавать потенциал социальной напряженности.

Чтобы иметь представление о том, что означает динамика благосостояния в реальном количественно-качественном выражении, сопоставим эту динамику с распределением ответов на

вопрос: "Для удовлетворения каких потребностей семьи достаточно Ваших доходов?". Поскольку речь идет о субъективной реакции аборигенного населения на социальные невзгоды, то рассмотрим именно самооценки респондентов, в которых они определили уровень своей жизни через удовлетворение потребностей семьи. В целом только у трети сельского и половины городского населения в середине 1999 г. было достаточно доходов на проживание, а остальным (66,3 % сельчанам и 42,1 % горожанам) хватает только на питание либо не хватает даже на питание. Таким образом, две трети сельских и около половины городских жителей живут за чертой бедности.

Динамика уровня жизни, определяемая ходом реформ, влечет одинаковые последствия для аборигенных народов, проживающих в сельской и в городской местности. Между тем, существуют и различия, обусловленные особенностями образа жизни сельских и городских респондентов. К примеру, если сельские жители в большей степени ощутили на себе снижение своего благосостояния, то среди горожан значительно большая доля лиц заметно повысила свое благосостояние (табл. 3.20).

Следует обратить внимание на разницу в оценках материального положения городским и сельским населением в зависимости от социально-профессиональной принадлежности. Из результатов опроса совершенно ясно, что материальное положение всех представителей городского населения, занятых в нефтегазовой промышленности и сфере обслуживания, улучшилось за годы реформы. Ухудшилось у неработающих городских респондентов; ухудшилось и не изменилось в равной степени у респондентов, занятых в сфере образования и материальное положение жителей материальное положение системы связи. У сельских жителей материальное положение улучшилось только у 9,1 % респондентов, занятых рыболовством. Ухудшилось материальное благополучие у большинства опрошенных, занятых на транспорте (80,0 %), в звероводстве и охотничьем промысле (66,7 %), в здравоохранении (60,0 %) и рыболовстве (54,6 %), а не изменилось у половины опрошенных, занятых в органах власти и связи.

Таблица 3.20

Названия респондентов по ответам на вопросы об оценке реформ и об изменении благосостояния в период реформ в середине 1999 г., в процентах к общему числу ответивших

Процесс экономических преобразований	Сельское население			Городское население		
	Материальное положение					
	улучшилось	ухудшилось	не измен.	улучшилось	ухудшилось	не измен.
Нает слишком быстро	10,0	15,0	4,8	0	11,2	11,6
Нает слишком медленно	30,0	30,0	9,5	50,0	11,2	11,6
С нужной скоростью	0	0	9,5	0	8,8	7,0
Экономических изменений нет	10,0	25,0	23,8	50,0	28,0	32,6
Затруднились ответить	60,0	30,0	52,4	0	38,4	37,2

Оценка людьми хода и последствий реформ непосредственно зависит от характера существующих и порождаемых ими общих проблем жизни в городской и сельской местности и уровня жизни каждого из них. Рассмотрим поочередно обе эти зависимости.

За время перестройки наше общество пришло к пониманию бесперспективности существующей социально-экономической системы и осознало необходимость перехода к рыночным отношениям.

На своеобразие динамики общественного мнения и социальных ожиданий аборигенного населения Ханты-Мансийского автономного округа оказывают определяющее влияние факторы, значительная часть которых характерна для страны в целом, взаимное переплетение которых порождает противоречивое отношение аборигенного населения к ходу экономических реформ (табл. 3.21).

Как видим, в разные годы разный процент респондентов дал положительную оценку реформам: в 1995–1997 гг. – 6,0 % сельских жителей, в 1999 г. процент сельских жителей, давших положительную оценку, снизился до 4,7 %. Зато среди городских жителей этот показатель почти в два раза выше. С каждым годом число сельских жителей, затрудняющихся дать оценку, растет. Такой расклад мнений городских и сельских жителей можно объяснить тем, что горожане более поляризованы в оценке реформ, т. е. более отчетливо разделены на приверженцев и противников данного курса реформ. Сельские жители менее разделены в указанном отношении в силу меньшей психологической вовлеченности в идеологию сложившейся социально-экономической ситуации, создаваемую именно реформами как таковыми, а также некоторыми особенностями образа жизни горожан и селян.

Таблица 3.21

Динамика оценки коренным населением ХМАО хода экономических реформ, в процентах к общему числу опрошенных

Ход экономических реформ	Население				
	сельское				городское
	1995	1997	1999	2001	
Идет слишком быстро	1,0	7,3	8,4	3,9	8,8
Идет слишком медленно	20,5	14,2	7,8	19,7	19,3
Идет с нужной скоростью	6,0	6,0	4,7	8,3	8,8
Экономических изменений нет	22,5	25,0	16,4	29,9	19,3
Затрудняюсь ответить	48,5	45,7	62,7	38,2	43,9

Люди, положительно оценивающие реформы, указывают на назревшую потребность изменений в экономике, расширение свободы действий и возможностей выбора товаров на рынке, улучшение личного благосостояния.

Наши исследования фиксируют заметный пессимизм респондентов при оценке хода экономических преобразований в традиционных отраслях. Из данных, представленных в табл. 3.21, видно, что затруднения в оценках наблюдаются у респондентов, проживающих в сельской и городской местности.

В середине 1999 г. процесс рыночных преобразований в традиционных отраслях оценил как слишком быстрый каждый второй респондент в возрасте от 31 до 40 лет, слишком медленный – каждый третий респондент в возрасте от 41 до 50 лет, большинство женщин (63,6 %) оценили данный процесс как процесс, протекающий с нужной скоростью.

Следует отметить, что мнения горожан значительно отличаются от мнений сельских жителей. Во-первых, меньшее число горожан в 1999 г. затруднились оценить ход процесса экономических преобразований. Во-вторых, почти вдвое больше горожан считает, что данный процесс идет с нужной скоростью. В-третьих, в два с лишним раза больше процент горожан, считающих, что экономические реформы идут слишком медленно.

Интерес представляют мнения респондентов о ходе экономических преобразований и оценка его респондентами в зависимости от вида их трудовой деятельности (табл. 3.22).

Респонденты, занятые в органах здравоохранения (42,9 %) и в сфере образования (100,0 %), отметили, что для улучшения материального положения будут больше работать на своей работе.

Сложность кризисной социально-экономической ситуации на Севере, зафиксированная в ответах абсолютного большинства опрошенных, определяет и характер основных источников дохода аборигенного населения. Структура доходов аборигенного населения сегодня складывается из различных источников.

Однако для большинства опрошенных (69,1 в 1993 г., 64,8 – 1995 г., 76,2 – 1997–1999 гг., 75,4 % – 2001 г.) главным источником существования, по-прежнему, являются заработная плата и надбавки к ней, выплаты из социальных фондов, а также бесплатные услуги и дотации предприятия.

Сегодняшняя ситуация складывается не в пользу традиционных форм занятости аборигенного населения. Как видно из данных табл. 3.23, у респондентов уменьшился доход от продажи традиционной продукции (мясо, рыба, грибы, ягоды, орехи и др.).

Таблица 3.22

Оценка хода экономических преобразований аборигенным населением ХМАО различных сфер занятости в середине 1999 г., в процентах к общему числу ответивших

Сфера занятости	Процесс экономических реформ идет				
	слишком быстро	слишком медленно	с нужной скоростью	изменений нет	затруднительно ответить
Звероводство	5,6	0	9,5	1,3	2,4
Рыболовство	2,8	5,4	4,8	5,2	2,4
Оленеводство	2,8	0	0	2,6	0
Нефтегазовая отрасль	16,7	2,7	0	5,2	1,2
Сфера обслуживания	13,9	13,5	9,5	11,7	11,0
Сфера образования	8,3	10,8	28,6	5,2	18,3
Сфера культуры	0	0	0	3,9	1,2
Здравоохранение	19,4	5,4	14,3	9,1	11,0
Связь	0	13,6	0	2,6	3,7
Органы власти	0	0	0	0	3,7
Транспорт	5,6	5,4	0	5,2	6,1
Строительство	8,3	5,4	14,3	1,3	4,9
Народные промыслы	0	0	0	0	0
Коммерческие структуры	8,3	0	0	2,6	0
Неработающие	27,8	37,8	14,3	36,4	23,2

Таблица 3.23

Динамика изменения структуры основных источников дохода коренного населения ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Источники дохода	Сельские жители					Городские
	1993	1995	1997	1999	2001	1999
Зарплата и дотация	48,3	37,0	42,5	34,1	43,6	49,3
Выплаты из социальных фондов	20,8	27,8	33,7	32,3	31,8	31,0
Доход из продажи продукции традиционных промыслов	24,5	26,3	19,7	25,0	21,4	11,1
Другие источники, включая коммерческую деятельность	6,4	8,9	4,1	8,6	3,0	8,7

Причем прослеживается интересная закономерность: у респондентов, которые занимаются традиционными видами деятельности, выручка от продажи добытой или произведенной ими продукции не является основным источником дохода. Так, респонденты, занятые народными промыслами, указали, что от продажи продукции традиционных промыслов не получают никакого дохода. У респондентов, занятых звероводством и охотничьим промыслом, доход от продажи мяса и меха составляет лишь 4,2%. Более благополучная картина наблюдается у респондентов, занятых рыболовством: доход от продажи рыбы у них составил 20,0%.

Как же сами аборигены оценивают свое сегодняшнее материальное положение? На вопрос нашей анкеты "Оцените, для удовлетворения каких потребностей семьи достаточно ваших денежных доходов?" ответы распределились следующим образом. Около половины опрошенных (46,7%) ответили, что денежных доходов достаточно только на покупку продуктов питания (назовем их бедными), они еле-еле сводят концы с концами. Треть респондентов указала, что денег не хватает даже на приобретение продуктов питания (по нашим исследованиям – niente). Каждый пятый ответил, что денег достаточно только для

приобретения необходимых продуктов питания и одежды, но на более крупные покупки приходится откладывать на будущее (средний слой), они живут вполне сносно. Только у двух процентов респондентов, судя по их ответам, денег вполне достаточно, чтобы покупать дорогие вещи и ни в чем себе не отказывать, они живут в полном достатке.

Наибольшее количество обеспеченных проживает в Белоярском и Октябрьском районах; значительное количество обнищавших слоев аборигенного населения – в Кондинском и Октябрьском. Самый большой контингент бедного населения в Белоярском и Березовском районах. Между тем и более высокая доля среднего слоя отмечается в последних двух районах. Известно, что одной из задач проводимых в нашей стране реформ является формирование среднего класса. В связи с этим респондентам было предложено отнести себя к какому-либо классу. Ответы распределились следующим образом (табл. 3.24). Подчеркнем, что это субъективные оценки респондентов своего материального положения.

Таблица 3.24

Стратификация коренного населения ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Класс	Население		
	сельское	сельское	городское
	1999	2001	1999
Богатые	1,0	0,6	3,5
Не очень богатые	5,5	3,1	12,3
Средний класс	38,1	53,9	66,7
Бедные	37,8	32,0	10,5
Очень бедные	4,8	3,6	1,8
Нищие	10,7	1,7	0,0
Затрудняюсь ответить	2,2	5,1	2,2

Рассмотрим парные распределения по сельским жителям ХМАО. Богатыми назвали себя сельчане в возрасте от 31 до 50 лет, не очень богатыми – респонденты самой молодой возрастной категории – от 21 до 30 лет. Средним классом считают себя в основном представители возрастной категории от 21 до 40 лет (43,1 в возрасте от 21 до 30 лет, 41,8 % – 31–40). Бедными назвали себя респонденты в возрасте от 41 до 50 лет (49,6 %) и от 51 до 60 лет (41,0 % соответственно). Очень бедными и нищими, как и предполагали авторы, считают себя в основном респонденты старше 61 года.

На фоне не внушающих оптимизма приведенных выше данных интересно узнать оценку северянами проходящих в округе экономических преобразований. Небольшая часть респондентов считает, что процесс экономических преобразований идет слишком быстро; четверть опрошенных – слишком медленно; 6,0 % респондентов – с нужной скоростью, а вот каждый пятый опрошенный считает, что экономических изменений нет. Около половины опрошенных затруднились дать ответ на данный вопрос.

Интерес вызывают ответы респондентов на данный вопрос в зависимости от образования и района их проживания (табл. 3.25).

Таблица 3.25

Динамика оценки коренным населением ХМАО округа хода экономических реформ, в процентах к общему числу ответивших

Оценка хода экономических реформ	Район							
	Белоярский		Березовский		Кондинский		Октябрьский	
	1995	1997	1995	1997	1995	1997	1995	1997
Идут слишком быстро	0	2,0	2,0	10,0	2,0	4,0	0	4,0
Идут слишком медленно	25,0	23,0	16,0	40,0	23,0	22,0	18,0	30,0

Идут с нужной скоростью	5,0	10,0	7,0	7,5	5,0	7,0	7,0	3,0
Изменений нет	25,0	15,0	20,0	7,5	30,0	28,0	25,0	20,0
Затрудняюсь ответить	45,0	50,0	55,0	35,0	40,0	39,0	50,0	43,0

Так, около половины опрошенных респондентов из Кондинского района (42,0 %) считают, что экономических изменений нет. Между тем 45,7 % респондентов из Белоярского района считают, что экономические преобразования идут с нужной скоростью.

Треть опрошенных респондентов со средним специальным и высшим образованием отметила, что экономические преобразования идут слишком быстро, а значительное число респондентов без образования (66,7 %) и с начальным образованием (49,1 %) вообще затруднились дать какую-либо оценку ходу экономических реформ.

В заключение отметим, что оценка коренными жителями хода и последствий экономических преобразований непосредственно зависит от характера существующих и порождаемых ими проблем жизни в местах проживания северных этносов и уровня жизни каждого из них.

ГЛАВА 4

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

4.1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

В настоящее время важной проблемой в России является утрата этнической идентификации. Последствия этой утраты скапливаются на отдельных людях и на обществе в целом. Идентификация может быть утрачена в результате кардинальных психологических изменений и в результате быстрых и значительных изменений в социальной среде. Идентификации институционализированы, т. е. связаны с семьей, государством, экономикой, образованием и др. Данная связь проявляется через соответствие поведения людей институциональным требованиям и ответную реакцию институтов. Разрушение или резкое изменение институтов, в которых были социализированы индивиды, ведет к массовой утрате идентификации. Нас интересует аспект идентификации, связанный с институтом этнических отношений, и проблема утраты этнической идентификации.

Угроза утраты национальной самобытности коренных народов Севера диктует необходимость адекватного осмысления происходящих в Тюменской области процессов. Судя по результатам данных исследований, этническая самоидентификация достаточно устойчива и носит позитивную направленность (табл. 4.1).

Таблица 4.1
Динамика удовлетворенности респондентами ХМАО своей национальной принадлежностью, в процентах к общему числу ответивших

Степень удовлетворенности	Население		
	сельское		городское
	1999 г.	2001 г.	
Удовлетворяет	56,9	76,8	62,5
Не удовлетворяет	6,3	1,4	1,8
Не придаю значения своей национальности	16,5	9,9	10,7
Затрудняюсь ответить	20,3	11,9	25,0

Как видим, от 56,9 до 88,5 % опрошенных респондентов различных национальностей выражают удовлетворение своей национальной принадлежностью, одновременно 0,8–6,3 % придерживаются противоположного мнения («нет»). По данным наших исследований обнаружено превышение доли лиц, отдающих предпочтение этнокультурным и психологическим критериям идентификации над этническими (табл.4.2).

Таблица 4.2
Критерии определения национальности респондентами Тюменской области в 2001 г., в процентах к общему числу ответивших

Критерии	Население		
	сельское		городское
	1999 г.	2001 г.	
Желание человека	40,7	24,7	25,0
Родной язык	15,2	25,8	12,5
Национальность отца	24,6	26,6	26,4
Национальность матери	12,4	19,8	23,6
Гражданство	5,0	2,6	5,0
Анкетные данные	2,1	0,4	2,2
Другие	0,0	–	5,3

Если 40,7 % опрошенных сельских жителей и каждый четвертый горожанин (25,0 %) в 1999 г. полагали, что национальность следует определять по «желанию самого человека», 15,2 % сельчан и 12,5 % горожан – по «родному языку», то для трети сельчан и каждого второго горожанина – определяющее значение имеет происхождение, т. е. национальность родителей («национальность отца» – соответственно 24,6 и 26,4 %; «национальность матери» – 12,4 и 23,6 %). Как видим, на уровне обыденного сознания каждый третий респондент из сельской местности и каждый второй городской житель ХМАО в 1999 г. идентифицировали личность по национальности родителей. Вызывает удивление тот факт, что этому критерию отводит серьезную роль в национальной самоидентификации не молодежь, а люди старшего поколения: в возрасте от 21 до 30 лет – 29,0 %; 41–50 – 45,8 %; старше 61 – 46,5 %. Обратная тенденция наблюдается у респондентов с увеличением возраста. Чем старше респонденты, тем меньшее их число обращает внимание на психологические критерии определения национальности: 44,1 % респондентов в возрасте от 21 до 30 лет полагает, что национальность следует определять по «желанию самого человека», в возрастной категории от 41 до 50 лет таких уже 41,0 %, а среди респондентов старше 61 года – 37,2 %. Результаты парных распределений в зависимости от образования респондентов приведены по сельскому населению. В 2001 г. мнения сельчан несколько изменились (табл. 4.3).

С повышением уровня образования усиливается ориентация на психологические критерии определения национальности: среди респондентов без образования лишь 21,7 % полагает, что национальность следует определять по «желанию самого человека», неполное среднее образование – 48,7 %, а среди лиц, получивших высшее образование, такую позицию разделили более половины опрошенных (57,9 %).

При работе с парными распределениями авторам интересно было узнать, оказывает ли влияние степень владения родным языком на выбор критериев определения национальности? Четверть опрошенных ХМАО, свободно владеющих языком своей национальности, считает, что национальность следует определять по родному языку; среди респондентов, не владеющих язы-

ком, их оказалось почти втрое меньше (9,2 %); среди респондентов, не владеющих языком и в чьи планы не входит его изучение, – в четыре раза меньше. Каждый второй респондент, не владеющий родным языком, (50,7 %) считает, что национальность следует определять по «желанию самого человека», среди свободно владеющих языком – почти вдвое меньше (28,9 %).

Таким образом, сегодня на уровне массового сознания происходит ценностная борьба между сторонниками личностной самоидентификации и последователями традиционных взглядов.

Язык и культура, являясь косвенными индикаторами этнической самоидентификации, являются неотъемлемыми элементами этнической самоидентификации личности (табл.4.3).

Они имеют приоритетное значение для респондентов: у сельских жителей по значимости на первом месте находятся народные традиции и обычаи (29,4 %), на втором – язык (22,2 %), на третьем – историческое прошлое (21,0 %). У городских жителей народные традиции и обычаи занимают первое место по значимости (30,6 %), второе – язык (26,5 %), третье – государство, в котором мы живем – 13,3 %. Несмотря на то, что только четверть сельских жителей выполняют национальные обряды полностью или частично (5,0 и 19,4 % соответственно), такое же число – не выполняют, а 40,5 % не знают обрядов совсем, 29,4 % идентифицируют себя, в первую очередь, по указанному признаку. Большинство опрошенных лиц – выходцы из сельской местности, где обычаи и традиции сохранились лучше, чем в городской среде. А то обстоятельство, что молодежь освоила их, трудно объяснить, ведь этому ни в школе-интернате, ни в средней, ни в высшей школе не обучают.

По мнению русских, татар и украинцев, проживающих в ХМАО, в большей степени сближают народные традиции, государство, в котором мы живем и особенности поведения; разъединяют – язык, народные традиции, внешность, народные традиции, религия, а также особенности поведения и национально-го характера.

Как видим, у представителей различных национальностей сложилось разное мнение об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках самоидентификации, но язык и

культура являются главными критериями этнической самоидентификации.

Таблица 4.3

Этноконсолидирующие и этнодифференцирующие признаки абorigенов ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Критерии	Этноконсолидирующие признаки			Этнодифференцирующие признаки		
	хан-ты манси	хан-ты, манси	русские, татары	хан-ты, манси	хан-ты, манси	русские, татары
	1999	2001	1999	1999	2001	1999
Государство	12,8	5,6	16,7	7,4	3,8	3,9
Язык	22,2	31,2	17,8	22,0	27,8	27,5
Историческое прошлое	21,0	13,8	9,8	19,1	10,1	5,9
Народные традиции	29,4	29,0	18,6	27,8	29,7	13,0
Особенности поведения	4,1	1,0	12,7	6,0	3,8	12,1
Особенности нац. характера	5,2	5,6	10,2	9,2	4,7	11,2
Религия	2,7	2,5	10,5	2,8	10,9	12,4
Внешность	1,6	4,4	1,5	4,1	6,2	12,7
Конфессиональное единство	0,0	0,3	0,4	0,1	0,9	0,0
Общность кален-х обрядов	0,1	6,6	1,8	0,3	2,1	1,2
Другие	0,9	0,0	0,0	1,2	0,0	0,1

Менее образованные респонденты, проживающие в ХМАО, на первое место ставят в качестве этноконсолидирующего фак-

тора язык, а народные традиции и обычаи – на второе. Интересные результаты были получены при изучении зависимости отношения сельчан к межнациональным бракам. Респонденты, положительно и безразлично относящиеся к межнациональным бракам, в два раза чаще выбирают в качестве этноконсолидирующего фактора народные традиции и обычаи, чем отрицательно относящиеся (31,2; 32,6 и 17,5 % соответственно). Подобная картина наблюдается у сельчан в зависимости от степени владения языком. Так, респонденты, не владеющие языком своей национальности, чаще выбирают народные традиции и обычаи, чем респонденты, свободно владеющие языком (38,0 и 27,3 % соответственно).

Следует отметить, что респонденты, свободно владеющие языком своей национальности, в два раза чаще выбирают в качестве этноконсолидирующего фактора язык, чем респонденты, не владеющие языком (соответственно 33,8 и 15,7 %). Кроме того, респонденты, занятые в сфере образования, культуры, здравоохранения и органах власти (30,7; 27,8; 31,5 и 50,0 %), также выбирают данный фактор чаще, чем респонденты, занятые в традиционных отраслях (например, в звероводстве и охотничьем промысле – 10,5 %). Казалось бы, все должно быть наоборот. Аналогичные результаты получены и по другим перечисленным выше факторам – историческому прошлому и языку. Таким образом, у аборигенных народов Ханты-Мансийского автономного округа обнаруживается ориентация на этнокультурный слой сознания и наиболее очевидный уровень этнокультурной идентичности – язык.

Как было отмечено выше, сближает в определенной мере государство, в котором мы живем (13,3 % респондентов), не особо значимый для титульных народов Ханты-Мансийского автономного округа этноконсолидирующий фактор. Если учесть два обстоятельства: во-первых, округ носит название, связанное с этнонимом данной категории опрошенных, во-вторых, большинство респондентов ХМАО (соответственно 65,1 %) считают, что Ханты-Мансийский автономный округ – это округ для всех народов, живущих на их территории, то можно говорить о правомерности столь невысокого выделения этого фактора. Таким

образом, у аборигенных народов не обнаруживается ориентация на державную идентичность.

Следует сказать, что респондентам было предложено всего 10 индикаторов идентификации. Ответы получились очень разнообразными, причем некоторые из них не превышают несколько процентов (табл.4.3).

Этнодифференцирующие признаки идентичности – это как бы «обратная сторона» собственной самоидентификации. Сквозь призму различия его критериев проступает восприятие «не-нас» и самоидентификация народа. Так, 27,8 % сельских жителей ХМАО полагает, что народы различаются обычаями и традициями. Относительно значимее, как критерий различия, язык (22,0 %) и историческое прошлое (19,2 %). Менее важными в качестве критерия дифференциации оказались «особенности» национального характера (9,2 %), «особенности» поведения (6,0 %). Внешность и религия в качестве критерия идентичности среди этнодифференцирующих признаков играют минимальную роль (соответственно 4,1 и 2,8 %). Это, по-видимому, объясняется тем, что аборигенные народы Ханты-Мансийского автономного округа не обращают внимания на национальность окружающих и равнодушны к проблемам вероисповедания.

Отличные результаты получены в 1999 г. после обработки массива анкет по городскому населению. Так, для горожан наиболее значимым фактором, различающим аборигенные народы Севера с людьми других национальностей, является язык – 25,3 %, далее, по значимости, традиции и обычаи (19,0 %), на третьем месте – внешность (16,8 %). Менее важными в качестве критерия дифференциации оказались, в отличие от сельских респондентов, «особенности» национального характера – 9,5 %, «особенности» поведения – 8,4 %, историческое прошлое – 7,4 %, государство, в котором мы живем – 6,3 %. Кроме того, религия, как фактор дифференциации, имеет значение для в два раза большего числа горожан, по сравнению с сельскими респондентами (соответственно 5,3 и 2,8 %). Такие факторы, как конфессиональное единство и общность календарных обрядов значимы лишь для одного процента респондентов.

Самый «неуловимый» феномен этничности – национальный характер. Между тем существуют некоторые доминанты нацио-

нального характера, которые относительно стабильны для большинства представителей одной этнической общности. При всех спорах о сущности национального характера ясно, что он существует, составляет стержень национального самосознания; не наследуется от предков, а приобретает в процессе воспитания; наиболее ярко проявляется в групповых действиях, особенно в процессе межэтнического взаимодействия. Не каждый человек, принадлежащий к данному народу, может считаться обладателем типичного национального характера.

В связи с этим респондентам было предложено назвать пять основных качеств, присущих людям их национальности. Всего было предложено 29 качеств. Если попытаться представить «образ» типичного представителя аборигенного народа, составленный коллективными усилиями участников анкетного опроса, то получается следующий портрет (табл.4.4). Не указанные в таблице качества встречаются в ответах шести и менее процентов ханты, манси и ненцев. Кроме того, определенные различия находим в ответах сельчан и горожан: в отличие от сельчан горожане в портрет включили смелость – 17,2 %, ответственность – 12,1 %, отзывчивость – 10,3 %.

С аналогичным вопросом мы обращались к экспертам в 1998 г. Определяющими качествами, по мнению абсолютного большинства экспертов, являются любовь к природе, гостеприимство и честность.

Четвертую и пятую позиции заняли, соответственно, доброта и трудолюбие. Наименее популярными сегодня считаются умение постоять за себя, смелость и самостоятельность мнения. Между тем эксперты дополнили предложенный список такими качествами, как доверчивость и месть.

Благоприятный социально-психологический климат, стабильность и предсказуемость побуждают в людях терпимость, благожелательность, а неустойчивость и непредсказуемость развития подогревают озлобленность, враждебность, нетерпимость, которые, в свою очередь, порождают чувство национальной ущемленности, неполноценности, ущербности и униженности.

Участникам опроса был задан вопрос, рассчитанный именно на эмоциональную оценку истории: «Какие события в национальной истории лично у Вас вызывают чувство гордости, а ка-

кие события – чувство стыда?». Всего опрашиваемым было предложено 22 исторических события. Они отмечены в анкетах респондентами 1446 раз в 1999 г. и 1153 раза в 2001 г.

Таблица 4.4

Портрет коренными жителями ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Качества	Население		
	сельское		городское
	1999	2001	1999
Доброта	56,0	39,3	55,2
Гостеприимство	53,1	50,8	50,0
Любовь к природе	48,1	49,7	50,0
Трудолюбие	41,2	38,5	41,4
Пьянство	37,4	19,0	17,2
Терпение	34,8	22,2	17,2
Доверчивость	33,8	31,0	25,9
Честность	24,0	16,5	24,1
Забота о детях	23,8	23,6	24,1
Простота	19,7	39,0	19,0
Широта души	14,3	9,3	6,9
Дружелюбие	11,5	13,7	18,9
Мягкость характера	11,2	5,2	19,0
Терпимость	9,0	9,3	15,5
Открытость	8,7	22,8	13,8
Щедрость	8,4	39,0	10,3
Сострадание	7,2	14,3	3,5

Так, предложенное событие – «введение всеобщего, обязательного школьного образования и обучение детей в школах-интернатах» в 1999 г. – вызывало чувство гордости у 245 респондентов, а чувство стыда у 69. Завоевание Сибири Московским государством вызывало чувство гордости у 100 опрошенных, а стыда у 38. Восстание против Советской власти вызывало чувство гордости у 95 респондентов, а чувство стыда у 54. Кроме того, чувство стыда вызывали:

- уничтожение шаманства (отмечено в 125 анкетах);

- нефтегазовое освоение региона (113);
- раскулачивание, создание колхозов (92) и др.

Причем положительные и отрицательные чувства преобладают в оценке событий дореволюционной и советской истории и в 2001 г. Назовем наиболее часто встречающиеся в ответах события, которые вызывают у наших респондентов чувство гордости. Таких насчиталось два:

- введение обязательного школьного образования – 43,6 %;
- восстание против Советской власти – 18,6 %;
- нефтегазовое освоение региона – 10,3 %.

Остальные варианты отмечены менее чем семью процентами респондентов.

Чувство стыда вызвали:

- раскулачивание, национализация – 26,0 %;
- уничтожение шаманства – 16,6 %;
- наплыв спецпереселенцев – 13,6 %;
- нефтегазовое освоение региона – 10,6 %;
- насильственная христианизация – 10,6 %.

Остальные варианты отмечены менее чем семью процентами респондентов.

К началу 1980-х годов под влиянием процессов секуляризации и интернационализации произошло частичное отмирание обрядов и праздников, причем темпы и динамика этих процессов у городского и сельского населения оказались неодинаковыми. Не случайно в ответах респондентов признаки «конфессиональное единство» и «общность календарных обрядов» в 1999 г. не отмечены как этноконсолидирующие признаки аборигенного населения округа (лишь 0,0 и 0,1 % у сельских респондентов ХМАО, 0,0 и 1,0 % – городских). Рост интереса к религии подтверждается данными нашего исследования. Верующими себя назвали 34,3 % сельских и 35,1 % городских респондентов, неверующими – 28,3 % сельских и 22,8 % городских респондентов. «Ищут дорогу к Богу» 13,9 % сельских и 8,8 % городских жителей. Каждый четвертый житель села и каждый третий города затруднились дать какую-либо оценку.

Индикатором действительно националистических установок стал жестко поставленный вопрос-дилемма: «Ханты-

Мансийский автономный округ – это округ, прежде всего, для аборигенных народов Тюменского Севера» или «Ханты-Мансийский автономный округ – это округ для всех народов, живущих на его территории». Сторонников первой позиции оказалось 40,0 % среди сельчан и 28,6 % среди горожан ХМАО. Потенциальные сельские националисты – относительно чаще женщины, чем мужчины (36,6 и 33,0 % соответственно). С повышением уровня образования их число снижается (с начальным образованием националистов – 50,9 %, со средним образованием 34,8 %, высшим – 10,5 %). Группа «национально ориентированных» респондентов состоит из молодежи. Так, более половины сельских респондентов (52,8 %) в возрасте от 21 до 30 лет считает, что Ханты-Мансийский автономный округ – это округ, прежде всего, для аборигенных народов Тюменского Севера. С увеличением возраста число сторонников уменьшается: в возрастной группе от 31 до 40 – 40,2 %, от 51 до 60 – 26,3 %. Среди представителей народов Севера первую позицию занимают ненцы – 81,5 % и почти в три раза меньше – ханты и манси (30,9 и 28,2 % соответственно). Потенциальные националисты заняты традиционными видами деятельности (рыболовством – 44,0 %, оленеводством – 41,2 %, народными промыслами – 50,0 %), а также в сфере культуры (63,4 %), обслуживания (55,2 %), органах власти (44,4 %) и коммерческих структурах (60,0 %).

Характерно, что респонденты, проживающие в сельской местности и не удовлетворенные своей национальной принадлежностью, более национально ориентированы, чем респонденты, удовлетворенные своей национальной принадлежностью (73,5 и 39,9 % соответственно). Причем сторонники первой позиции – это жители Белоярского района (52,1 %) и Октябрьского (40,4 %), а в Березовском районе только 26,0 %. Затруднились ответить на данный вопрос 11,0 % респондентов, остальные считают, что ХМАО – это округ для всех народов, проживающих на его территории.

Большинство русских, татар и украинцев, проживающих в ХМАО, считают, что Ханты-Мансийский автономный округ – это округ, притом для всех народов, проживающих на его территории. Дополнительный анализ данного вопроса выявил сле-

дующую тенденцию. С повышением уровня образования и ростом возраста увеличивается количество сторонников того, что ХМАО – это округ для всех жителей. В возрастной категории от 21 до 30 лет их 87,2 %, от 31 до 40 лет – 88,4 %, а старше 60 лет – 91,7 %. Такого мнения придерживаются более образованные респонденты – среди респондентов с высшим образованием – 97,4 %, со средним специальным – 89,5 %, а с начальным – 60,0 %.

Разрыв с культурой своего этноса приобрел большие масштабы у представителей различных национальностей Тюменской области. Не знают и не выполняют национальные обряды 64,8 % опрошенных сельчан и горожан ХМАО, выполняет частично 19,4 % сельчан и треть горожан, полностью – только 5,0 % сельских и 3,5 % городских жителей (табл. 4.5).

Таблица 4.5
Динамика распределения ответов на вопрос:
«Выполняете ли Вы национальные обряды?», в процентах
к общему количеству опрошенных

Национальные обряды выполняю	Население		
	сельское		городское 1999 г.
	1999 г.	2001 г.	
Полностью	5,0	6,2	3,5
Частично	19,4	59,3	31,6
Не выполняю	35,1	19,7	35,1
Редко	0,0	0,6	0,0
Не знаю обрядов	40,5	14,3	29,8

Не используют и не имеют в быту предметы национальной утвари 38,7 % сельских и более половины городских респондентов. Не используются, но имеются предметы национальной утвари у 13,0 % сельских жителей и у каждого десятого городского жителя. Используют в виде украшений 14,1 % сельских жителей и каждый пятый житель города, редко – 18,8 % сельчан и втрое меньшее число горожан, постоянно используют только 5,3 % сельчан и горожан (табл. 4.6).

Таблица 4.6

Динамика распределения ответов на вопрос:
«Используете ли Вы в быту предметы национальной утвари?»,
в процентах к общему количеству опрошенных

Использую	Население		
	сельское		городское 1999 г.
	1999 г.	2001 г.	
Постоянно	5,3	6,2	5,3
Редко	18,8	24,8	7,0
Не использую, но имею	13,0	5,9	10,5
Использую в виде украшений	14,1	15,5	21,1
Не использую	10,5	24,2	19,3
Не имею	38,3	23,4	36,8

Не имеют и не пользуются национальной одеждой 67,9 % сельчан и 63,2 % горожан, не пользуются, но имеют национальную одежду каждый десятый житель села и 15,8 % городских респондентов; пользуются по праздникам 14,4 % сельчан и каждый пятый житель города, пользуются постоянно только 8,4 % сельских и вчетверо меньшее число городских жителей (табл. 4.7). От поколения к поколению ханты, манси, ненцы и другие народы Тюменского Севера утрачивают чувство духовной близости со своим народом.

Таблица 4.7
Динамика распределения ответов на вопрос:
«Пользуетесь ли Вы национальной одеждой?», в процентах
к общему количеству опрошенных

Национальной одеждой	Население		
	сельское		городское 1999 г.
	1999 г.	2001 г.	
Пользуюсь постоянно	8,4	10,5	1,8
Пользуюсь по праздникам	14,4	24,9	19,3
Не пользуюсь, но имею	9,2	15,3	15,8
Не пользуюсь	16,4	28,3	22,8
Пользуюсь иногда	0,0	0,6	0,0
Не имею одежды	41,6	20,4	40,3

Средства массовой информации Ханты-Мансийского автономного округа частично способствуют возрождению национального самосознания: 59,1 % сельчан и 70,2 % горожан ХМАО не читают художественную литературу, 60,8 и 64,9 % – газет, читают иногда каждый пятый житель из сельской и городской местности, регулярно – каждый десятый. Респонденты это связывают с незнанием родного языка (40,8 %), отсутствием возможности выписывать (32,8 %) и времени (15,2 %).

Примерно равное число сельчан и горожан (62,2 и 60,7 %) не смотрят телепередачи и 55,7 % сельчан и три четверти горожан не слушают радио на родном языке. Респонденты это связывают с тем, что передачи не транслируются (32,7 %), отсутствует канал (29,5 %), не знают родной язык (17,3 %).

Этническое самосознание, актуализированное в деятельности его конкретных носителей, быстро реагирует на меняющиеся условия социальной действительности. Если в повседневной жизни оно ярко проявляется лишь в организованных мероприятиях (фольклорные праздники), то в период общественных преобразований носит массовую форму, приобретая иногда наступательный характер, выражающийся в противостоянии и конфликтах между этносами. В период экономических и социальных перемен наблюдается нарушение принципа социальной справедливости, ущемление прав и свобод этнических меньшинств, разногласия в распределении привилегий и льгот, невнимание органов власти различных уровней к потребностям и поправке интересов аборигенных народов Севера – вот далеко не полный перечень причин, способствующих возникновению обстановки ксенофобии в обществе. Только стабильная социально-экономическая ситуация в сочетании с демократическими порядками дает возможность избежать межнациональных коллизий и гармонизировать этнические отношения. Поэтому этническое самосознание как феномен, как реально существующий признак этноса нуждается в дальнейших исследованиях.

4.2. ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА (РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Обские угры (в равной степени ханты и манси) полагают, что главной основой их культуры является традиционное мировоззрение. Основное отличие мировоззрения ханты, манси и других народов Севера заключается в неразрывной связи человека со всем окружающим миром: животными, растениями, водой, землей, сторонами горизонта, небесными светилами и пр. У северных этносов существуют одинаково важные непосредственные и опосредованные связи, осуществляемые духами, божествами и др.

В традиционной культуре обских угров все вещи многофункциональны. Каждая вещь (лодка, нарты, лыжи, колыбель и пр.) требовала определенных правил изготовления, обращения, дарения, наследования. Таким образом, вещный мир в традиционном мировоззрении всегда способствовал проявлению индивидуальности и положительному восприятию контактов с представителями другой культуры. Вещам доверяли больше, чем человеку, при помощи вещей представляли будущее, излечивали болезни, насылали порчу, изменяли погоду и т. д.

Наибольшее количество символических функций имеют предметы культа, орудия охоты и рыболовства; очаг и все, что связано с ним; береста и все, что сделано из нее; одежда, обувь, утварь, украшения. По мнению ханты и манси, вещи, сделанные по одним и тем же правилам, отличаются друг от друга так же, как и люди; отличаются не только лыжи и нарты, но и след, оставленный на следу.

Традиционное мировоззрение ханты и манси оказалось неготовым к тем преобразованиям, которые имели место на протяжении двадцатого века. Традиционный образ жизни подвергался насильственной трансформации в ходе коллективизации в 1930–1940-е годы, затем при огосударствлении в 1950–1960-е годы, а также в годы интенсивного промышленного освоения Тюменского Севера в 1970-е годы и вплоть до настоящего времени в период внедрения рыночных преобразований. С этой целью в 2001-

2002 г. было проведено специальное социологическое исследование традиционного мировоззрения ханты и манси Белоярского, Березовского, Кондинского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа. В опросе приняло участие 415 человек, среди них 246 ханты, 161 манси, 8 – другие народы Севера (ненцы, коми, зыряне). Из числа опрошенных 35,2 % составили мужчины, 64,8 % – женщины. В традиционных отраслях (оленоводство, звероводство, рыболовство, народные промыслы) заняты 5,1 % респондентов; в сфере обслуживания – 4,8 %; культуры – 3,6 %; дошкольного и школьного образования – 14,0 %; здравоохранения – 7,7 %; органах власти и правоохранительных органах – 2,4 %; на транспорте – 4,1 %; в строительстве – 1,7 %; в системе связи – 2,2 %; в коммерческих структурах – 0,5 %; в нефтегазовой промышленности – 0,5 %; в сельском хозяйстве – 0,5 %, неработающие составили 24,3 % от общей численности опрошенных. Кроме того, было опрошено 2,6 % студентов, 12,3 % рабочих, 1,0 % домохозяйек и 8,2 % пенсионеров (приложение 6).

На втором этапе исследования (2005 г.) был проведен повторный опрос коренного населения в тех же районах округа. В опросе приняло участие 192 респондента, среди них 125 ханты, 45 манси, 22 – другие народы Севера (ненцы, коми, зыряне). Из числа опрошенных 37,0 % составили мужчины, 63,0 % – женщины. В традиционных отраслях (оленоводство, звероводство, рыболовство, народные промыслы) заняты 3,8 % респондентов; в сфере торговли и бытового обслуживания – 2,7 %; культуры – 3,6 %; дошкольного и школьного образования – 21,1 %; здравоохранения – 5,4 %; органах власти – 3,2 %; на транспорте – 1,1 %; в энергетике – 1,6 %; в системе связи – 1,6 %; в коммерческих структурах – 0,5 %; в нефтегазовой и газовой промышленности – 4,3 %; в сельском хозяйстве – 0,5 %, неработающие составили 30,3 % от общей численности опрошенных. Кроме того, было опрошено 3,8 % студентов, 4,3 % рабочих, 1,6 % домохозяйек и 13,0 % пенсионеров (приложение 7).

Не претендуя на полноту и завершенность анализа, приведем некоторые результаты анкетного опроса. На первый вопрос анкеты: «Какие местные духи Вам известны?», были получены конкретные ответы: Золотая женщина – 33,3 % ответивших; «Обской

старик» – 19,9 %; Духи вогулов – 16,3 %; Духи северных остяков – 8,8 %; Духи Конды – 7,4 %.

Остальные местные духи (Духи Иртыша и Салыма, Сургутского округа, Васюганские духи) были названы менее чем одним процентом опрошенных. Следует отметить, что 6,5 % информантов дополнили представленный список другими духами. Например, были названы *калташ-эква*, *менк-махум*, *нярской-эква*, *изохрин ойка*, *тек-отыр*, *моцхум*, *мисхун ойка* и др. Причем такое же число респондентов не знают названий вообще никаких духов. В 2005 г. 15,2 % респондентов указали, что им известны и духи северных остяков.

В целях исследования необходимо напомнить, что термин «дух» получил распространение в научной литературе и в бытовом обращении с конца девятнадцатого века благодаря широте и неопределенности, позволяющим охватить почти всю сферу явлений, находящихся за пределами физических возможностей. Ханты и манси это слово применяли только по отношению к невидимым, бессмертным, непостоянным в своей форме существам, способным мгновенно менять свое местонахождение в пространстве и, как правило, бесплотным. В традиционном мировоззрении северных этносов сверхъестественные существа представляются в образе человека. В настоящее время респондентам известны: лесной дух (27,6 %); духи неба (20,4 %); водяной дух (17,8 %), духи нижнего мира (14,3 %). Духи болезни, демоны и другие духи (например, *калташ-эква*, *нерс най эква*, *миснэ* и др.) были названы менее чем тремя процентами опрошенных. Не знают вообще о всеобщих духах в образе человека 3,6 % респондентов.

Значительная часть респондентов (79,2 % в 2002 г. и 73,8 % в 2005 г.) не имеет изображений каких-либо духов; в то же время от 14,3 до 17,6 % они имеются. Вызывает опасение тот факт, что за три года число опрошенных, указавших что им «это не интересно» увеличилось с 6,5 до 8,6 %.

Примерно равное число информантов приносят или не приносят дары духам (соответственно 44,5 и 49,4 % в 2002 г.; 46,6 и 48,1 % в 2005 г.). Положительно ответившим на данный вопрос респондентам было предложено назвать, какие именно дары они приносят духам. В виде даров в 2003 г. приносились:

жертвоприношения местным духам – 53,4 %;

домашние и семейные угощения – 22,7 %;
разная пища (хлеб, водка, сладости и пр.) – 11,3 %;
монеты – 8,0 %;
другие дары (ленты, платки и др.).

Другой вопрос анкеты: «Посещаете ли Вы священные места?» позволил выявить, что четверть опрошенных (27,0 %) в настоящее время их посещают. Одновременно 67,6 % информантов не посещают, остальным «это неинтересно». У обских угров священные места всегда отличались природными условиями. Они находятся на видных лесных, обычно покрытых смешанным лесом, горах и возвышенностях, на высоких дюнах и берегах рек, на мысах и густо заросших островах рек, на сухих островках в болотах и т. д. Священной может быть как твердая земля, так и реки, озера, пруды, берега водоемов в определенных местах. Священное место, по К. Ф. Карьялайнену, не имеет точно установленных границ; обычно границей служит кромка болота, низины луга или водоема, какая-нибудь тропинка и т. п., но чаще всего видимых границ нет вообще⁴⁶. Священных мест, как и духов, имеется бесчисленное множество. И это действительно так. Наши информанты назвали более ста названий священных мест; в зависимости от места жительства названия их меняются. Назовем наиболее распространенные среди ханты и манси священные места: *Шайтанка*, *Торум моа*, *Кучук*, *Луски аким*, *Ванзеватский сор*, *Вежакары*, *Мазямы*, *Кислоры*, *Вотма-юган*, *Чебур-юган*, *Казымский сор*, *Йем воз ики*, *Ас тый ики*, *Касум ики* и многие др.

В традиционном мировоззрении ханты и манси отводится важная роль родовым и местным духам – помощникам и защитникам. Они могут жить на каждой реке, где человек прочно поселился на берегу или ходит за добычей, по берегам больших озер, на высоких горах и холмах, на примечательных островах среди болот, на важных жилых местах или вблизи них [44, с. 25–26]. В настоящее время треть опрошенных (34,5 %) знают о существо-

⁴⁶ Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. / К. Ф. Карьялайнен; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – Т. 2. – С. 64.

вании родовых и местных духов, не знают об их существовании 61,9 %, остальным «это неинтересно» (таких по нашему исследованию 3,6 %). Перечислим наиболее распространенных родовых и местных духов: *старик святого городка* (22,9 %), *Сосьвинский старик* (20,0 %), *духи Конды* (20,0 %), *Обской старик* (14,3 %), *домовой* (11,4 %). Менее трех процентов опрошенных назвали *Вотчинника*, *Щекурья*, *Куртова поляна*, *Сат сорохта аким*, *Мир сусне хум*, *Ялныи нёр ойка*, *Лев кутуп ики*, *Ас тый ики*, *Ём воз ики*, *Ар хотау ими* и др.

Священные деревья занимали очень большое место в традиционном мировоззрении обских угров. В настоящее время почти везде, где есть священное место, вблизи охотничьих и родовых угодий, имеется особое дерево, с которым обращаются иначе, чем с остальными. На одном месте встречается иногда несколько священных деревьев. Священными деревьями являются чаще всего высокие деревья, стоящие на возвышенных береговых дюнах, пустошах и т. д. По мнению К. Ф. Карьялайнена, выбор священного дерева зависит от растительного мира каждого из священных мест и избирались самое видное или самые видные деревья. Ведь часто бывает, что одно и то же священное место, т. е. один и тот же дух, имеет много священных деревьев различного вида; этот факт ясно указывает на то, что при выборе определяющим является не вид дерева⁴⁷.

Один из информантов исследователя с Демьянки имел у каждой из охотничьих избушек священное дерево: у одной – расходящийся на три ствола кедр, у второй – рябину, у третьей – пихту; все они были посвящены лесному духу, но, по его данным, если он жертвовал этому духу, то везде привязывал жертвенный платок к рябиновому колу, который он укрепил на священном дереве. Васюганец, напротив, считает, что на небе стоит березовый лес, и привязывает к березе жертвы, принесенные небесным духам, а также к солнцу и ветру; а жертвы, предназначенные духу ранений, часто вызывающему кровотечения, – к сосне; для духа

⁴⁷ Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. / К. Ф. Карьялайнен; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – Т. 2. – 284 с.

оспы – к крушине, для духа голода – к осине и т. д. Иначе говоря, он выбирает вид дерева, который, очевидно, как-то указывает на характер или свойства получающего жертву: для живущих на свету – березу с ее белым стволом, для духа ранений – красно-красную сосну, для голода – серую, как голод, мрачную, постоянно дрожащую осину, для духа оспы – ягодную (на взгляд – в виде оспинок) крушину и т. д.⁴⁸

По наблюдениям исследователей Сибири (Зуева, Гондатти, Новицкого, Мункачи, Лепехина, Карьялайнена и др.) большую известность получили береза, лиственница, кедр, ель, пихта и сосна. Довольно редко упоминаются крушина, черемуха, рябина, осина. Наши информанты, спустя несколько столетий, назвали те же деревья практически в неизменном составе (табл.4.8).

Таблица 4.8

Мнения респондентов о священных деревьях в зависимости от места проживания в 2001–2002 гг., в процентах к общему числу ответивших

Название	Район проживания			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
Лиственница	3,3	34,2	25,6	13,9
Кедр	3,3	28,9	41,9	23,2
Ель	0,0	0,0	7,0	4,6
Береза	85,7	21,0	11,6	53,5
Рябина	0,0	0,0	2,3	0,0
Осина	0,0	0,0	4,6	0,0
Сосна	0,0	0,0	2,3	0,0
Пихта	7,7	7,9	4,6	2,3

Интерес вызывает зависимость данного вопроса и от национальности респондентов (табл.4.9). Итак, в ответах ханты и манси наиболее часто встречаются береза, кедр и лиственница.

⁴⁸ Там же, С. 91.

Таблица 4.9

Мнения респондентов о священных деревьях в зависимости от национальности в 2001–2002 гг., в процентах к общему числу ответивших

Название	Национальность		
	ханты	манси	другие народы Севера
Лиственница	9,0	27,1	0,0
Кедр	18,6	27,1	0,0
Ель	2,6	1,4	0,0
Береза	64,1	28,6	33,3
Рябина	0,0	1,4	0,0
Осина	0,0	1,4	33,4
Сосна	0,0	0,0	33,3
Пихта	5,8	7,1	0,0

Священное дерево выполняет несколько задач. Во-первых, оно является носителем жертвоприношений или используется для привязывания жертвенного животного. Во-вторых, служит для хранения или прикрепления изображений духов и в-третьих, является местом пребывания духа во время жертвоприношений.

Другой блок вопросов анкеты позволил выявить, в какой степени респонденты знакомы с теми или иными обрядами и, если знакомы, то соблюдают ли они их. Полученные после обработки результаты представлены в табл. 4.10–4.13.

Таблица 4.10

Динамика мнений респондентов о степени известности того или иного обряда, в процентах к общему числу ответивших

Обряд связанный	Степень известности					
	Известен		Не известен		Мне это не интересно	
	2002	2005	2002	2005	2002	2005
Со свадьбой	19,7	35,0	73,3	60,6	6,9	4,4
С рождением ребенка	21,6	36,2	71,1	61,2	7,4	2,5
С погребением умершего	49,4	50,0	44,4	47,0	6,2	3,0
После погребения	42,9	44,6	50,1	51,6	7,0	3,8
С медвежьим праздником	60,2	41,5	34,4	54,1	5,4	4,4

Из данных, представленных в табл.4.10, видно, что респонденты знакомы с медвежьим праздником, а также с обрядами, связанными с погребением умершего и обрядами после погребения. Наименее известными оказались обряды, связанные со свадьбой и с рождением ребенка. Среди наших опрошенных выделяется устойчивая группа респондентов (от 5,4 до 7,4 %), которые не проявляют интерес к обрядам своего народа. За последние три года, как видим, респонденты стали более информированными по всем перечисленным обрядам, кроме медвежьего праздника.

Следует напомнить, что респондентам был предложен перечень из пяти обрядов, связанных с некоторыми событиями. Кроме того, в анкете была предусмотрена возможность указать другие обряды, не отмеченные в списке. Итак, в настоящее время нашим информантам известны обряды, связанные со сватовством, с новосельем, охотой и рыбалкой, жертвоприношением животных, вороньим днем. Причем они их не только знают, но и соблюдают.

Интерес представляют ответы респондентов на данный вопрос в зависимости от их места жительства (табл.4.11).

Из данных, представленных в табл.4.11, видно, что респонденты, проживающие в Березовском и Белоярском районах, в большей степени знакомы с перечисленными обрядами, чем респонденты Кондинского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа. Вызывает тревогу то обстоятельство, что респонденты, проживающие в Кондинском районе, плохо знакомы с обрядами своего народа.

Таблица 4.11

Мнения респондентов о степени известности того или иного обряда, в зависимости от места проживания, в процентах к общему числу ответивших

Степень известности	Район проживания			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
Обряды, связанные со свадьбой				
Известен	18,8	29,8	14,6	15,7
Неизвестен	76,8	66,0	70,9	80,0

Мне это неинтересно	4,4	4,2	14,5	4,3
Обряды, связанные с рождением ребенка				
Известен	22,5	30,8	13,3	19,2
Неизвестен	72,1	62,8	72,4	78,1
Мне это неинтересно	5,4	6,4	14,3	2,7
Обряды, связанные с погребением умершего				
Известен	69,9	61,7	21,5	44,9
Неизвестен	26,6	32,0	65,4	52,6
Мне это неинтересно	3,5	5,3	13,1	2,6
Обряды после погребения				
Известен	75,2	41,5	11,3	45,5
Неизвестен	23,0	51,1	73,6	50,6
Мне это неинтересно	1,8	7,4	15,1	3,9
Обряды, связанные с медвежьим праздником				
Известен	85,0	78,7	20,4	53,6
Неизвестен	12,4	18,1	66,6	44,0
Мне это неинтересно	2,6	3,2	13,0	2,4

Сопоставляя данные, представленные в табл. 4.10–4.13, можно увидеть, что знание обрядов не означает обязательное их соблюдение. Так, если в 2005 г. 35,0 % опрошенных знакома с обрядами, связанными со свадьбой, то в действительности их соблюдает в 1,5 раза меньшее число ханты и манси. По другим обрядам наблюдается примерно аналогичная картина. По другим обрядам наблюдается аналогичная картина.

Таблица 4.12

Динамика мнений респондентов о степени соблюдения того или иного обряда, в процентах к общему числу ответивших

Обряд связанный	Степень соблюдения					
	Соблюдаю		Не соблюдаю		Затрудняюсь ответить	
	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.	2002 г.	2005 г.
Со свадьбой	7,9	21,7	84,5	69,4	7,6	8,9
С рождением ребенка	10,8	26,0	81,6	62,7	7,6	11,3
С погребением умершего	34,7	41,2	58,1	52,1	7,2	6,7
После погребения	30,2	38,5	61,6	52,8	8,2	8,7
С медвежьим праздником	31,6	25,8	59,1	61,6	9,3	12,6

Анализируя данные, представленные в табл.4.13, видно, что респонденты, проживающие в Березовском районе, соблюдают больше других обряды своего народа. Чаще всего ханты и манси соблюдают обряды, связанные с погребением умершего и медвежьим праздником. В наименьшей степени выполняются обряды, связанные со свадьбой и с рождением ребенка. Как и в предыдущем вопросе, респонденты, проживающие в Кондинском районе, практически не соблюдают обряды своего народа. Лишь незначительная часть из них (от 5,6 до 13,2 %) соблюдает некоторые обряды.

Таблица 4.13

Мнения респондентов о степени соблюдения того или иного обряда, в зависимости от места проживания в 2001–2002 гг., в процентах к общему числу ответивших

Степень соблюдения	Район проживания			
	Белоярский	Березовский	Кондинский	Октябрьский
Обряды, связанные со свадьбой				
Соблюдаю	4,4	14,9	7,6	5,6
Не соблюдаю	88,5	69,1	90,5	87,3
Затрудняюсь ответить	7,1	16,0	2,0	7,1
Обряды, связанные с рождением ребенка				
Соблюдаю	5,3	23,4	6,7	9,5
Не соблюдаю	86,7	61,7	90,5	85,1
Затрудняюсь ответить	8,0	14,9	2,9	5,4
Обряды, связанные с погребением умершего				
Соблюдаю	42,5	56,4	13,2	30,4
Не соблюдаю	47,8	34,0	84,0	62,0
Затрудняюсь ответить	9,7	9,6	2,8	7,6
Обряды после погребения				
Соблюдаю	40,9	39,4	9,4	27,5
Не соблюдаю	44,3	45,7	87,7	65,0
Затрудняюсь ответить	8,9	14,9	2,8	7,5
Обряды, связанные с медвежьим праздником				
Соблюдаю	39,3	59,6	5,6	21,4
Не соблюдаю	46,4	29,8	92,5	66,7
Затрудняюсь ответить	14,3	10,6	1,9	11,9

Анализ зависимости данного вопроса от пола, возраста и образования респондентов позволил выявить следующие тенденции:

1. Представители старшего поколения соблюдают чаще обряды. Так, если 6,6 % респондентов в возрасте от 31 до 40 лет соблюдают обряды, связанные со свадьбой, то в возрастной категории от 51 до 60 лет их 16,1 %.

2. Женщины из числа коренных народов Севера чаще соблюдают обряды, связанные со свадьбой, с рождением ребенка и обряды после погребения, а мужчины – с погребением и с медвежьим праздником. Например, если 35,2 % мужчин соблюдают обряды, связанные с медвежьим праздником, то среди женщин это число составило на 5,5 % меньше.

3. Чем выше образование получили респонденты, тем реже они соблюдают обычаи, связанные с тем или иным обрядом. К примеру, если пятая часть респондентов без образования соблюдают обряды, связанные со свадьбой, то среди респондентов, получивших среднее специальное образование, их 12,5 %, а высшее – только 9,5 %.

Медвежий праздник («Медвежьи пляски») – промысловый, связанный с удачной охотой; один из особо театрализованных праздников, который, как видим, продолжает бытовать и сегодня. Это праздник с мифическим сюжетом проходит по особому сценарию: с реальными костюмами, масками, театральными атрибутами, с обрядовой хореографией.

Приращение мясом убитого тотема оправдывалось обрядом умилоствления животного. На празднике проходил обряд отведения вины от себя – медведя «убеждали» в невиновности охотников в его убийстве. На охоте животное никогда не убивали сонным, его всегда будили, давая шанс на спасение. Охота – поединок, но не целенаправленное убийство.

Праздновали несколько дней и ночей: убитой медведице – четыре дня, медведю – пять. Допускалось празднование и два или три дня, но при этом должны были сохраняться последовательность и содержание.

«Медвежьи» пляски считались академией духовной жизни обских угров, в них отразилось мировосприятие человеком единства всего сущего на Земле и во Вселенной. Эти связи от-

ражены в поэтике песен, пластике танцев, психологии действующих лиц и исполнителей. В действе все взаимосвязано и сокровенный культовый смысл проникает и пропитывает сознание присутствующих древней тайной бытия их предков. Это – соединение начал природы и человека, прошлого и настоящего. Это – формирование духовного поля, которое ориентировано и устремлено в Будущее. Древняя мистерия является Единством духовного поля народа⁴⁹.

Погребальный обряд – один из самых древних, один из тех немногих, где роль распорядителя обряда принадлежит женщине. Тайные знания по похоронным церемониям передаются по женской линии от поколения к поколению. Рассмотрим погребальный обряд на примере манси, исследованный С. А. Поповой⁵⁰.

Структура обряда сложная, похоронные ритуалы совершаются в несколько этапов и длятся несколько лет: ритуальные действия, совершаемые на пороге смерти, обмывание и обряжание, бдение у гроба, церемонии в день похорон и обычаи, связанные с представлениями о существовании умершего после смерти. Обряд похорон связан с другими переходными обрядами (связанными с родами, со свадьбой и инициационные). Общая схема переходных обрядов может быть представлена тремя фазами: «изоляция» объекта – его «разрушение» (временная смерть) и «трансформация» (возрождение) – «возвращение» объекта в общество в новом статусе.

С. А. Попова отмечает, что на протяжении всего обряда прослеживаются два взгляда на мир иной. Одни представления связаны с возрождением (переходом в новое состояние), а другие отражают взгляд на мертвых как на мир, противоположный (все наоборот) миру людей. В некоторых ритуальных действиях двойственность представлений довольно сильно переплетается, чем создается сложность при описании их последовательности.

49 Цукор, А. Золотой век Пима. / А. Цукор. – Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство. – 1997. – С. 22–23.

50 Попова, С. А. Мансийская обрядность перевода в иной мир / С. А. Попова; [под ред. Н. В. Лукиной] // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та. – Вып. 9, 2002. – С. 134–161.

У А. Цукор находим интересные описания о погребальном обряде ханты. Пока умерший находится дома, ни в коем случае нельзя показывать явную скорбь и печаль: умершего оплакивают сдержанно. Одевают в любимую, самую красивую одежду, обувь, но не новую, поскольку считалось, что душа не примет эту одежду и обувь, и в Нижнем мире человек будет раздетым.

Хоронят ханты в землю. Сверху сооружают склепы, которые являются обителью души умершего. В склепы кладут все то, что предназначено ему для жизни в первом мире; затем заколачивают, оставляя небольшое окошечко для «души умершего».

У ханты считается, что после смерти душа умершего живет еще сорок дней в среднем мире, не желая уходить в мир иной. Поэтому, чтобы темные силы не навредили жизни того или иного члена рода, люди в течение семи и сорока дней проводят оградительные и очистительные обряды: поминовение умершего в избушке и на кладбище. На кладбище поминки проводят женщинам в течение четырех лет, а мужчинам – пяти.

Послепохоронные обряды – это возможность поговорить, встретиться с умершим, показать ему, что он не забыт во втором мире. Когда уходят с кладбища, чтобы разделить мир живых и мир мертвых, кладут веточку и подожженную тряпочку и перешагивают через нее. Дальше этой палочки и тряпочки душа умершего перемещаться не имеет права: разделение миров произошло⁵¹.

Последний вопрос анкеты предусматривал возможность высказать предложения по сохранению культурно-духовной жизни аборигенного населения. Следует обратить внимание на тот факт, что каждый четвертый респондент высказал конкретные предложения и пожелания в письменной форме, которые можно условно разбить на несколько категорий. Безусловно, самая значительная часть пожеланий направлена на возрождение культурно-духовного наследия северных народов. Приведем некоторые из них.

51 Цукор, А. Золотой век Пима. / А. Цукор. – Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство. – 1997. – С. 22–23.

1. Ввести в школьную программу предметы по изучению культуры, языка, декоративно-прикладного искусства, национальных ремесел, традиционных промыслов («хотя бы основ»).

2. Создать центры национальной культуры, музеев, парки для знакомства подрастающего поколения с родной культурой.

3. Регулярно проводить национальные праздники, фестивали, слеты, семинары, показательные представления обрядов, массовые гуляния.

4. Пропагандировать культурно-духовную жизнь через печать, телевидение («шире охватывать жизнь аборигенов, показывать уроки национального языка, национальные танцы народов Севера»), кино- видео-материалы, художественную литературу, этнографические журналы об истории родного края, обычаях, традициях своего народа.

5. В детских дошкольных учреждениях изучать родной язык, знакомить с традициями, обычаями.

6. Восстановить национальные танцы, песни, сказки и т. д.

7. Возродить культовые территории. Фиксировать все культовые объекты и собирать информацию об их хранителях, особенностях проводимых обрядов и связанных с ними преданиях.

8. Поддерживать местные таланты, помогать им в проведении национальных праздников, слетов, фестивалей с представлением фотографий в печать.

Многие респонденты вместо пожеланий в эмоциональной форме дали оценку существующей ситуации. Приведем некоторые высказывания:

- «Молодежь уже совсем обрусела, не знает своей культуры, традиций, обычаев» (библиотекарь из Октябрьского района, ханты по национальности);
- «Изучать прошлое, не забывать традиций, поскольку многое не знаем. Уверенность, что не хуже других народов» (работник культуры из Кондинского района, манси);
- «Чтобы двигаться вперед, необходимо усиленно осваивать прошлое, переосмысливать, объяснять молодежи на чем мы стоим. Только в этом случае будет сделан правильный выбор по сохранению наследия, к сожалению о котором мы многого не знаем» (методист по фольклору из г. Белоярский, манси);

- «Все за 70 лет обсмеяли, уничтожили» (пенсионерка из Кондинского района, ханты);
  - «Восстановить потерянную духовную, культурную, бытовую жизнь ханты и манси» (санитарка участковой больницы, Белоярский район, манси);
  - «Создавать условия прошлой бытности для молодежи, приучать их к нашей культуре» (методист сельского дома культуры, Белоярский район, манси);
  - «Как можно чаще общаться со старожилками, узнавать обычаи» (женщина с высшим образованием, Белоярский район, манси);
  - «Обучить коренных жителей своим ремеслам, языку, а то мы, некоторые ханты даже родного языка не знаем» (безработный ханты из Октябрьского района);
  - «Нужно чаще проводить национальные праздники, фестивали, приобщать к этому молодежь, ведь наше молодое поколение уже ничего не знает о своей культуре, обычаях, скоро все это забудется» (пекарь из Октябрьского района, ханты);
  - «Дайте нам право пользоваться льготами и правами, как националы (вымирающие), внесенные в Красную книгу, а то, действительно, нас скоро не останется. Создайте собрания сочинений, чтобы знать о своих предках, обычаях, языке и т. д. А то умрет это все и забудется» (безработная ханты из Октябрьского района);
  - «Очень мало телепередач о культурной жизни на родном языке, отсюда незнание традиций, обычаев» (учитель начальных классов из Октябрьского района, ханты).
- Часть пожеланий аборигенов затрагивает проблемы, связанные с традиционным природопользованием:
1. Больше внимания уделять охотничеству, рыболовству («каждый должен любить природу, ценить ее дары»).
  2. Помощь аборигенам при закреплении за ними родовых угодий («... вот мы родовые оформляем, дали в аренду, пока помощи нет, а без денег мы не построим и не купим, еще надо налоги платить, а если не выплывем») (ханты из с. Болчары).
  3. Создать компактные цеха, семейные бригады на родовых угодьях, чтобы занять молодежь делом.

4. Дать возможность местным аборигенам прокормить семью с помощью рыбалки, охоты без вмешательства охотинспекции.

5. Не применять жестких мер по изъятию рыболовных снастей и охотничьего инвентаря у коренных жителей на границах родовых угодий.

6. Принимать на работу в поселках аборигенов (30–40 %), а не только приезжих беженцев с «большой земли».

7. Поддерживать и развивать традиционные формы хозяйствования.

8. Научить молодежь шить зимнюю, летнюю, женскую, мужскую, детскую одежду.

Много было высказано пожеланий общечеловеческого плана, затрагивающих различные стороны жизнедеятельности опрошенных, без которых трудно сохранить и улучшить культурно-духовную ситуацию в местах их проживания.

1. Решать экологические проблемы («чтобы воздух был чище»).

2. Заботиться о здоровье аборигенов.

3. Борьба с алкоголизмом.

4. Повысить материальный достаток.

5. Снизить цены на продукты и товары.

6. Строительство национальных школ, домов культуры, социально-бытовых учреждений (кафе, мастерских и т. п.); создание музеев национальных культур.

7. Решить жилищные проблемы.

8. Оказывать содействие при поступлении в сузу и вузы.

Завершить параграф главу хотелось бы словами Ю. М. Федорова, который считал, что возрождение человека в культуре возможно, как и чудо его воскресения в Духе. Но сотворение этого чуда зависит от самого человека, он должен помочь самому себе вновь возродиться в качестве подлинного человеческого существа. Прежде всего, ему необходимо во что бы то ни стало восстановить приоритетность ценностей культуры над нормами цивилизации, антропного принципа над принципом социальным, вернуть своей экзистенции утраченный общеродовой статус.

Современная западная цивилизация должна пойти на выучку к тем реликтовым культам и культурам, которые еще содержат в

себе человекосоразмерную цивилизованность. По нашему мнению, именно культуры аборигенных народов Тюменского Севера обладают архетипической глубиной ментальности, которая продолжает пульсировать сакральными и антропными смыслами. Данный онтологический алгоритм должен послужить нам примером возрождения в нашей культуре, ибо технология, говоря языком синергетики, в своем развитии может выйти на такую точку бифуркации, пройдя через которую всемирная эволюция сменится инволюцией и «развитие» пойдет либо как бы вспять, по ступенькам апокатастасиса, либо оборвется апокалипсисом⁵².

4.3. ПРОГНОЗ И ТЕНДЕНЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ НА ТЮМЕНСКОМ СЕВЕРЕ

Современное состояние коренных народов Севера осложняется рядом факторов. Во-первых, трагическая история (колонизация, социальные эксперименты XX в., интенсивное промышленное освоение региона) подорвала у аборигенных народов Севера веру в собственные силы, породила настроения апатии и изживенчества, сформировала заниженный уровень потребностей.

Во-вторых, малочисленность ханты, манси и ненцев, их небольшой удельный вес в населении Ханты-Мансийского автономного округа стимулируют активные ассимиляционные процессы, выражающиеся в утрате родного языка и традиционных навыков, увеличении числа межэтнических браков и т. д.

В-третьих, налицо прерванная историческая перспектива: прошлое забыто или фальсифицировано, будущее проблематично, настоящее находится в кризисном состоянии.

В-четвертых, сложилась парадоксальная ситуация, когда представители старшего поколения – носители вненациональной, советской идеологии не всегда становятся опорой в процес-

⁵² Федоров, Ю. М. Сумма антропологии. / Ю. М. Федоров. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – Кн. 3 : Антропологическая историософия – 714 с.

сах возрождения своего народа. Молодежь, заинтересованная в возрождении, вынуждена восстанавливать этническое прошлое самостоятельно, часто исходя из скудного теоретического наследия.

В-пятых, кризисные явления (безработица, низкий уровень жизни, разбалансированность деятельности социальных институтов – образования, здравоохранения, культуры и т. д.) особенно сильны в национальных поселках, где проживает более 80 % ханты, манси и ненцев северных округов. Село, будучи главным носителем национальных характеристик (языка, обычаев, традиционного образа жизни, менталитета), сегодня находится в тяжелейшем состоянии, что негативно отражается на молодежи. Молодые люди утрачивают смысл существования, налицо проявления «экзистенциального вакуума», что ведет к высокому уровню алкоголизации аборигенного населения, самоубийств, суицида, преступности.

В-шестых, продолжает увеличиваться разрыв между городом и селом, как следствие происходит дальнейшее расслоение аборигенного населения. Среди представителей аборигенных жителей наблюдаются существенные различия в потребностях, интересах, ценностях, идет размежевание по политическим пристрастиям. В результате ханты, манси и ненцы утрачивают психологию этнической общности и солидарности.

В-седьмых, самочувствие аборигенных народов зависит от окружающей общественно-политической, социально-экономической и идеологической обстановки в России. Не прибавляют уверенности в завтрашнем дне продолжающаяся война в Чечне, активизация профашистских движений в стране и т. д. Между тем, от того, как сложатся межэтнические отношения в стране, зависит возрождение ханты, манси и ненцев северных округов.

Процессы, протекающие сегодня в социально-экономической и этнокультурной сферах на Тюменском Севере, далеко не однозначны и требуют дальнейшего изучения. Существующая ситуация усугубляется нарастанием деструктивных процессов, которые непосредственно затрагивают экономику и социальную сферу региона и оказывают негативное влияние на природную и социальную экологию. Федеральные власти склонны, по-

прежнему, рассматривать Север исключительно как источник экспортных поставок сырьевых ресурсов, тогда как, по мнению большинства ученых и специалистов, в регионе набирают силу необратимые процессы разрушения природной среды, что неизбежно влечет за собой кризис традиционного хозяйства аборигенных народов Севера.

Не является исключением Ханты-Мансийский автономный округ, где наблюдаются тенденции неуклонного ухудшения ситуации практически во всех сферах жизни аборигенного населения округа. Большинство традиционных производств нерентабельны из-за транспортных издержек, отсутствия спроса на продукцию местных предприятий со стороны традиционных потребителей, непродуманного включения северных отраслей в рыночную экономику.

В прогнозных сценариях на следующее тысячелетие Тюменский Север по-прежнему рассматривается как регион, интенсивное освоение и развитие которого занимает ключевое значение для поступательного развития всего российского общества. Это требует создания условий для гармоничного и поступательного развития населяющих территорию региона этнических общностей, поддержки положительных и перспективных этнокультурных процессов и взаимодействий этносов.

Большинство предлагаемых вариантов решения проблемы сохранения и развития традиционного хозяйства и культуры аборигенных народов Севера направлено на обеспечение независимости традиционного хозяйства от рынка и совхозно-колхозной системы. Длительные годы совхозно-колхозная система являлась основой социальной инфраструктуры в местах проживания аборигенного населения. Колхозы и совхозы оказались преемниками многопрофильности хозяйственной деятельности сельских общин, сохранив при этом социально-психологическую специфику традиционной жизни, основанной на принципах всеобщей кооперации. Между тем, патерналистское отношение к аборигенным народам поставило каждую семью в зависимое положение от колхоза. В начале 90-х годов была разрушена достаточно надежная система социальной защиты аборигенного населения в виде совхозов и колхозов, которые давали аборигенам работу, денежный доход и обеспечи-

вали функционирование социальной инфраструктуры. Это в свою очередь, оказало негативное влияние на занятость аборигенного населения и образовательный потенциал.

Переходный к рыночной экономике период вызвал кризисные явления во всех сферах жизнедеятельности аборигенного и иноэтнического населения. В первую очередь, наблюдается сокращение рабочих мест и отток сельского и городского населения с Севера, в основном это специалисты материальной и социальной сферы. Кроме того, происходит дальнейшая трансформация совхозов, колхозов, госпромхозов, рыбозаводов в ряд мелких хозяйств, сопровождающаяся высвобождением специалистов сельского и промышленного хозяйства, многие из которых вынуждены покинуть сельскую местность, пополняя ряды городских безработных. Наиболее серьезной проблемой в ближайшие год-два останется постоянная и высокая безработица среди аборигенного населения трудоспособного возраста. Результаты социологического мониторинга, проводимого с начала 1990-х годов, позволяют утверждать, что фактический уровень безработицы среди экономически активного населения из числа аборигенных народов Севера составляет не менее 33 %. Ситуация на рынке труда ближайшее время не изменится, даже некоторое время будет осложняться за счет:

- вытеснения пришлым населением аборигенного из традиционных сфер занятости;
- сужения сферы приложения труда аборигенов в традиционных сферах занятости в связи с нарастающим отчуждением территорий традиционного природопользования;
- уменьшения численности аборигенной молодежи, занятой в традиционных отраслях северного промышленного хозяйства;
- культивирования наемного труда с отбором преимущественно мужского населения;
- низкого образовательного уровня коренного населения и отсутствия навыков ведения рыночного хозяйства;
- роста маргинальных групп коренного населения разных возрастов, полностью утративших интерес к труду;
- ухудшения материального положения в период социальных перемен (табл.4.14).

Наиболее значимой угрозой для аборигенных народов будет оставаться проблема алкоголизма. Даже на фоне неблагоприятной России данные по алкоголизации коренного населения Севера выглядят удручающе. Если судить по данным Ханты-Мансийского автономного округа, всего за семь лет заболеваемость хроническим алкоголизмом у коренных народов Севера выросла в 13,4 раза (по округу в 5,6 раза). С этим связана высокая доля смертности от несчастных случаев, суицида и убийств (уровень самоубийств и убийств у аборигенов в 3-4 раза выше среднероссийского).

Таблица 4.14

Динамика изменения материального положения населения Тюменской области, в процентах к общему числу опрошенных

Материальное положение	Население					
	сельское					городское
	1993	1995	1997	1999	2001	
Улучшилось	8,5	10,5	10,5	3,7	12,5	17,5
Ухудшилось	39,5	25,0	55,5	45,1	30,6	34,5
Не изменилось	51,5	53,0	24,4	15,5	47,6	36,2
Затрудняюсь ответить	0,5	11,5	9,6	3,3	9,2	10,5

Серьезные опасения будет вызывать проблема здоровья аборигенных народов Севера. Это связано с проблемами медицинского и санитарно-эпидемиологического обеспечения и условиями жизни аборигенного населения.

Наиболее острой в ближайшее время станет проблема жилья и быта аборигенного населения (табл. 4.15).

Таблица 4.15
Динамика негативной оценки условий жизни аборигенов ХМАО на Севере, в процентах к общему числу ответивших

Условия жизни	Годы		
	1993	1995	1997
Возможность получения жилья	49,8	73,3	65,2
Возможность трудоустройства	50,8	78,8	79,5
Снабжение продовольственными товарами	59,3	54,8	28,3
Снабжение промышленными товарами	56,3	54,0	28,5
Возможность сохранения пастбищ	25,0	33,3	47,3
Отток работников из традиционных отраслей	29,0	16,8	57,9
Приобретение техники, снаряжения	47,3	57,8	55,8

Сегодня более половины аборигенного населения проживает в городах и поселках городского типа в ветхих и не приспособленных для жилья зданиях. Примерно 30 тыс. человек не имеют постоянного жилья, кочуют со стадами оленей либо выезжают на длительный срок на охоту. Около 30 % аборигенного населения нуждается в строительстве (ремонте) жилья, однако, из-за отсутствия собственных средств они не имеют возможности отремонтировать или построить жилье. При существующей системе финансирования строительства в ближайшее время на рынке жилья серьезных изменений не произойдет.

Основным каналом культурного воздействия на человека будет оставаться система школьного и семейного образования. При этом школа не должна подменять и отменять семейное образование. Необходимо вернуться к традициям воспитания аборигенных народов Севера, когда приобретение хозяйственно-бытовых навыков и нормативных установок происходило посредством имитации детьми действий взрослых в виде игр. Существующая система обучения и воспитания детей аборигенных народов Севера не способствует сохранению их национальной самобытности и культуры. Воспитание детей в отрыве от родителей в течение 8-10 лет приводит к разрушению семей абори-

генов, их традиций, вносит дисгармонию в отношения между поколениями. Необходимо пересмотреть существующую систему воспитания и обучения в школах-интернатах, радикальным образом изменить программу начальной школы, резко сократить число часов на изучение точных наук, а взамен ввести в учебную программу предметы североведческого цикла. Нужна новая концепция северных учебников, учебный комплект для школ Севера нужно пополнить книгами по истории и культуре родного народа, пособиями по традиционным промыслам: оленеводству, рыболовству, охоте и др.

В этой связи целесообразно возвращение детей из интернатов в семьи, создание малокомплектных школ, программы которых основаны, как отмечалось выше, на первоочередном изучении родного языка, фольклора, литературы, истории, а естественно-научный цикл профилирован под углом зрения хозяйственной деятельности в местных условиях, развития традиционных отраслей экономики на современной научно-технической базе.

Для создания партнерских отношений с другими соседствующими народами нужны собственные кадры, современные специалисты технических специальностей в области экономики и юриспруденции для работы в условиях рыночной экономики.

Все эти факторы способствуют тому, что протекающие в среде аборигенного населения этнокультурные процессы, направление и темп которых обусловлен широким кругом социальных факторов, будут продолжать носить негативный характер. Здесь отчетливо прослеживаются две тенденции. Во-первых, будет происходить дальнейшая миграция жителей мелких поселков и стойбищ в крупные населенные пункты, где жизнь намного легче и есть возможность найти работу в бюджетных отраслях для получения относительно стабильной заработной платы. Во-вторых, неопределенность завтрашнего дня будет стимулировать стремление «уйти в тайгу», начать вести по существу натуральное хозяйство, надеясь только на милость природы и собственные силы.

Вместе с тем, этнокультурные явления, основную сферу функционирования которых представляет традиционная культура, обладают относительной самостоятельностью. Все это крайне затрудняет прогнозирование этнокультурных процессов даже

на сравнительно близкую перспективу. Нам представляется, что основным ориентиром для такого рода прогнозов должны быть уже наметившиеся в настоящее время тенденции этнокультурного развития. Рассмотрим в этой связи формы сохранения и развития традиционной культуры аборигенных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа, которая в широком смысле представляет совокупность исторически обусловленных особенностей системы природопользования и жизнеобеспечения этноса и уникальный результат адаптации человека к экстремальным природно-климатическим условиям. Из всех сфер экономической и социальной деятельности аборигенных народов Севера сфера культуры на данный момент времени является единственной, где можно говорить о самоуправлении этих народов.

Традиционная культура северных народов не обладает такими защитными механизмами, которые позволяли бы ей эффективно разрешать конфликты во взаимодействии с иными культурами.

В третьем тысячелетии сосуществование различных культур уже нельзя отменить или прекратить – это необратимый исторический процесс. Те усилия, которые возможно предпринять для смягчения имеющихся проблем и предупреждения возникновения новых, заключаются в выявлении специфических особенностей взаимодействующих культур (табл. 4.16) и выработке соответствующих рекомендаций гармонизации этих взаимодействий.

Таблица 4.16

Динамика взаимоотношений между аборигенным и индустриальным населением ХМАО, в процентах к общему числу ответивших

Отношения	Годы			
	1993	1995	1997	1999
Стали лучше	15,7	26,2	18,0	12,4
Стали хуже	21,7	24,4	22,3	19,1
Не изменились	56,0	38,1	53,0	51,1
Затрудняюсь ответить	6,6	11,3	7,3	8,4

Историческая память коренных народов Севера воплощается в памятниках культуры – природных и архитектурных объектах, традиционных промыслах, погребальных комплексах, произведениях искусства и предметах повседневной жизни. Способы сохранения и передачи этого опыта многообразны, но в рамках разработки культурной стратегии важны следующие:

- 1) хранение, накопление национального опыта в библиотеках, музеях, научно-исследовательских институтах, архивных и культурных фондах при национальных обществах и ассоциациях;
- 2) актуализация национального опыта путем организации выставок, фольклорных праздников, конкурсов, восстановления традиционных народных промыслов и т. д.;
- 3) создание этно-экологических парков (ЭЭП), каждый элемент которых, а также их группы, объединенные теми или иными признаками, вступают во взаимодействия административного, инфраструктурного, социального, национально-этнического и природно-ресурсного характера.

При этом следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, особенностью современных традиционных культур является их нарастающая профессионализация, требующая специальной подготовки. Отсюда следует, что подготовка специалистов из числа аборигенных народов, которые смогли бы повлиять на развитие традиционной культуры, остается одной из приоритетных задач этнокультурной политики государственных структур.

Во-вторых, если раньше члены этнической общности идентифицировали себя в этом качестве в бытовой и производственной сферах, то сегодня сфера этнической идентификации постепенно смещается из различных сфер жизни в сферу досуга, обеспечения жизнедеятельности (то, как люди одеваются, воспитывают детей, отдыхают). Производственная сфера в современном индустриальном обществе делает несущественными этнические особенности и различия. И тогда человек вспоминает о своей принадлежности к определенной этнической общности тогда, когда идет на концерт национального оркестра, смотрит спектакль на родном языке или слушает радиопередачу.

В-третьих, необходимость содержательного одновременного исследования элементов этно-экологического парка и их отношений (взаимосвязей) требует формирования принципиально

новой методики исследования, включающей сбор и обработку нетрадиционной информации, которая должна характеризовать состояние и тенденции развития элементов и связей ЭЭП в параметрах, как правило, не отслеживаемых официальной статистикой. Это, в свою очередь, требует разработки нетрадиционных комплексных методов социально-экономико-экологических обследований ЭЭП, где, например, анализ хозяйственной деятельности, социологические опросы и экологические экспертизы должны проводиться одновременно и взаимосвязанно. Решение этой задачи создает огромные трудности на уровне конкретно-объектном и конкретно-проблемном, поскольку опыта позитивного решения в отечественной практике нет.

Анализ отношений и связей элементов ЭЭП может позволить разработать как наиболее вероятные сценарии этнокультурного развития аборигенных народов Севера, так и конкретные рекомендации сохранения и развития их культуры. Особого внимания в этой связи заслуживает анализ нормативно-правовых, социальных, экономических, национально-этнических и культурно-исторических, инфраструктурных и природно-обусловленных отношений и связей, а также оценка состояния и системобразующих воздействий внешних (по отношению к ЭЭП) связей.

В третьем тысячелетии тенденции межэтнической интеграции и интернационализации аборигенных народов Севера сохранятся. Они будут присутствовать и в начале XXI в. и продолжаться на базе тех же факторов и механизмов, которые были характерны для середины XX в. Учитывая это обстоятельство, можно наметить наиболее вероятные тенденции этнокультурного развития аборигенных народов Ханты-Мансийского автономного округа.

Аборигенное население Севера (ханты, манси, ненцы и др.) останется на положении ассимилируемых маргинальных групп, приниженный социальный статус которого сохранится и усугубится благодаря продолжающемуся наступлению нефтегазовых монополий на родовые угодья. Последние будут играть роль форпостов сохранения культурной самобытности и являются социально-экономической базой борьбы ханты, манси и ненцев за свои права.

В условиях современной России проблемы сохранения традиционного уклада жизни практически несовместимы с рыночными принципами хозяйствования. Понятно, что убежать от рынка, сосуществуя с ним на одном экономическом пространстве – это утопия. Необходимо подумать: входить в него, интегрируясь, или сосуществовать с ним, создавая буферные взаимоотношения. При этом должны возникнуть специфические формы взаимодействия с рынком. Таким образом, интересы сохранения традиционной культуры и чисто экономические проблемы плотно стыкуются между собой, что, в свою очередь, диктует негативный характер протекающих в округе этнокультурных процессов.

Ханты-Мансийский автономный округ находится сегодня в переходном состоянии, когда в нем параллельно существуют как минимум два принципиально различных уклада жизни и ни один из них не является по его собственным стандартам благополучным. Анализ региональных особенностей позволяет представить вероятные сценарии развития аборигенного населения Ханты-Мансийского автономного округа. Исторически сложилось три подхода к решению проблем аборигенных народов Севера.

Первый вариант – это практическое невмешательство в образ жизни аборигенных народов Севера, вплоть до минимальных контактов с ними. Сохранение традиционной культуры ханты и манси путем искусственной изоляции (сегрегации) нереально, ибо процессы ассимиляции и аккультурации идут достаточно интенсивно. Сегодня в значительной степени разрушена природная среда обитания ханты и манси, подорвана естественная основа их традиционных промыслов, а соответственно навыков и возможностей обходиться без благ современной цивилизации; и такая стратегия отторгается представителями аборигенных народов.

Второй подход связан с патерналистской опекой аборигенного населения, предоставление им возможности вести желаемый образ жизни при интенсивной государственной поддержке. Степень интенсивности данной поддержки зависит от материальных возможностей государства. Роль второго подхода неоднозначна. С одной стороны, в современной ситуации без государственной поддержки патриархальному укладу как абсолютно неконкурент-

тоспособному по отношению к современным формам хозяйствования не выжить, но в крайних проявлениях патернализм может привести к вырождению и деградации опекаемых.

Третий вариант – явная или скрытая политика ассимиляции аборигенных народов. При явной – игнорируется вся этническая специфика, при скрытой – сохраняются некоторые атрибутивные признаки в области культуры и языка. Данный подход повсеместно признан ошибочным и вредным.

Напршивается идея четвертого подхода – эффективное решение существующих проблем на условиях равноправия двух субъектов отношений. При этом каждая сторона имеет равное право на реализацию своих, в ряде случаев взаимоисключающих друг друга интересов. Право существовать на своих исконных территориях и вести предпочитаемый образ жизни столь же законно, как и право других народов государства использовать находящиеся в недрах этих территорий объективно необходимые им полезные ископаемые. На таких условиях возможен поиск взаимоприемлемых решений.

Проблемы этнокультурного взаимодействия аборигенного и иноэтнического населения выглядят, по мнению авторов, следующим образом: как обеспечить сосуществование двух групп населения, которые бы образовывали единый и эффективно функционирующий экономико-политический комплекс, сохраняя при этом свою самобытность и развивая ее не в ущерб другим группам.

Выход представляется следующим образом. Все аборигенное население должно быть четко разделено на две части: на ту, которая пытается адаптироваться к современной жизни или уже адаптировалась к ней и на ту, которая не сделала этого. Для неадаптированного аборигенного населения следует создать условия для осуществления национально-культурной автономии в виде этно-природных парков. Традиционные места обитания этих людей являются чем-то вроде заповедника или национального парка, остальное общество в их жизнь не вмешивается, за исключением крайних случаев, строго оговоренных в законе.

Сложнее дела обстоят с адаптированной частью аборигенного населения. Для того, чтобы не ассимилироваться, этим людям придется всячески хранить и развивать свою этническую само-

бытность, не претендуя на то, чтобы она приобрела статус общей или обязательной для всей культурной среды. Аборигены должны свыкнуться с мыслью, что языком межэтнического общения будет только русский. В то же время, аборигенному населению следует предоставить гарантированную законом социокультурную нишу в виде национальных школ, музеев, газет и т. п. При этом огромная доля ответственности лежит на иноэтническом населении, от которого требуется понимание основного парадокса современной демократии: обеспечение одинаковых прав всем группам общества возможно лишь при известных преимуществах для этнического меньшинства. Разумеется, преимущества аборигенного населения должны замыкаться на социокультурной сфере и никаким образом не касаться экономической и политической областей.

Важнейшим индикатором, отражающим национальное самоопределение аборигенов северных округов, является оценка путей их дальнейшего развития. Из анкетного опроса, проведенного в середине 1993 г. в ХМАО, выяснилось, что треть опрошенных хотели бы, чтобы их дети жили на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом пользовались бы всеми благами цивилизации (сторонники «интегрального» варианта). Половина респондентов считают, что аборигены должны жить, как население других национальностей, находящихся в округе (сторонники «европейской» модели); и лишь 14 % северян полностью отвергают чуждую им цивилизацию и выбирают образ жизни предков без всякого вмешательства и изменений (сторонники «автономного» развития). Аналогичные данные были получены и в результате анкетного опроса, проведенного в середине 1995 года, но мнения респондентов в 1997 году отличаются от полученных в предыдущие два периода.

За последние два года приверженность традиционному образу жизни выражает значительно меньшая часть респондентов (в 1993-1995 гг. – 14 %, в 1997 г. – 8,4 %, 1999 г. – 8,2 %). Как видно, почти в два с половиной раза уменьшилась доля респондентов, отрицающих приоритетность национального самосознания (в 1993-1995 гг. – 50,0; в 1997 г. – 21,0; 1999 г. – 19 %), и в национально-культурном отношении она может представлять собой группу этнических маргиналов. Соответственно увеличи-

лась доля респондентов – сторонников «интегрального» варианта развития (табл. 4.17).

Таблица 4.17

Мнения жителей ХМАО и экспертов о путях дальнейшего развития в 2001 г., в процентах к общему числу ответивших

Вариант развития	Эксперты	Жители ХМАО	
		ханты, манси	русские, татары, украинцы
Интегральный	87,5	73,2	80,7
Европейский	7,5	19,5	10,0
Автономный	5,0	8,2	9,3

Следует обратить внимание и на мнения жителей других национальностей, проживающих в ХМАО, о путях дальнейшего развития аборигенных народов Севера. Так, большинство опрошенных в 2001 г. русских, татар и украинцев округа (80,7 %) ответили, что ханты и манси должны жить как предки, но при этом пользоваться всеми благами цивилизации. Каждый десятый считает, что северные народы должны жить, как представители других национальностей, проживающих в округе; столько же опрошенных указали, что аборигены должны жить, как предки, без всякого вмешательства и изменений.

Такие значительные расхождения в оценках путей дальнейшего развития аборигенов и представителей других национальностей округа еще раз подтверждают вывод о необратимости влияния промышленной культуры на самосознание коренных народов Севера.

На сегодняшний день существует объективная необходимость перехода от патерналистских отношений между обществом в целом и аборигенными народами Севера к партнерским. Для этого необходимо, в первую очередь, определить место и роль аборигенных народов Севера в эффективном функционировании общества в целом, понять, что вложения в их развитие не благотворительность, а целесообразная деятельность, которая при разумном подходе обернется немалой выгодой. В современных условиях экономической базой для самостоятельного

развития аборигенных народов должно выступать традиционное природопользование.

Между тем, необходимо серьезно продумать и формы контактов традиционных трудовых объединений с рыночной экономикой. Сегодня имеет смысл создавать буферные механизмы на основе коллективной собственности этноса определенной территории в целом либо паевой собственности ряда хозяйств – фактории нового образца. Функции фактории могут быть значительно расширены, включая наряду с закупкой продукции промышленных отраслей, завоз промышленных товаров и продуктов питания, необходимого оборудования, инструментов и инвентаря для ведения традиционных форм хозяйствования. Фактории наряду с потребительской кооперацией должны стать конкурентоспособными организационно-правовыми формами в системе народного хозяйства округа.

К промежуточным формам хозяйственной деятельности между традиционным природопользованием и рынком следует отнести художественные промыслы и кустарные ремесла аборигенных народов Севера. Другим направлением является создание производств по глубокой переработке продукции, поступающей от традиционных хозяйств.

Для сохранения этнической самобытности коренных народов Севера необходимо обеспечить органическое взаимодействие базисных элементов как единого целого. Сохранение этнической самобытности не означает сохранение вековой отсталости в образе жизни. Внутренних источников, получаемых от собственной деятельности, недостаточно, необходима внешняя поддержка со стороны общества в целом.

В третьем тысячелетии продолжают и процессы этнической ассимиляции, имеющие естественный характер. Основным их каналом будут выступать смешанные в этническом отношении браки. Масштабы этих процессов в зависимости от ряда обстоятельств в обозримой перспективе в одних случаях ускорятся, в других – замедлятся или не возрастут. Так, происходящие социальные перемены, продолжающееся освоение региона и процессы урбанизации приведут к увеличению числа смешанных браков (табл. 4.18).

Таблица 4.18

Динамика зависимости однонациональных и смешанных браков аборигенов ХМАО от национальности респондентов, в процентах к общему числу ответивших

Брак	Национальность			
	ханты	манси	ненцы	коми
Сельское население, 1997 г.				
Однонациональный	38,8	34,1	44,4	30,0
Смешанный	61,2	65,9	55,6	70,0
Сельское население, 1999 г.				
Однонациональный	36,7	28,9	49,4	30,0
Смешанный	63,3	71,1	50,6	70,0
Сельское население, 2001 г.				
Однонациональный	35,2	26,2	47,9	–
Смешанный	64,8	73,8	52,1	–
Городское население, 1999 г.				
Однонациональный	20,0	0,0	0,0	–
Смешанный	80,0	100,0	100,0	–

Роль и место коренных народов Севера должны измениться вследствие их нового экономического положения. Постепенно к нам приходит понимание, что необходимо перенимать опыт и мировоззрение аборигенных народов для сохранения экологического здоровья общества. Их жизненный уклад не противоречит природе и окружающей среде, в то время как мир в целом стоит сегодня на грани экологической катастрофы в результате своей экономической деятельности. Поэтому сегодня сохранение аборигенных народов необходимо для сохранения экологического равновесия на всей планете. При этом аборигенные народы Севера играют не пассивную, а активную роль.

Таковы наши прогнозы, основанные на анализе тенденций этнокультурной ситуации в местах проживания аборигенных народов Ханты-Мансийского автономного округа, выявленных в результате социологических исследований 1993–2006 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов, Н. А. Описание Березовского края [Текст] / Н. А. Абрамов. – Шадринск : Исеть, 1993. – 84 с.
2. Аверин, А. Н. Социально-экономические проблемы освоения Тюменского Севера в девяностые годы [Текст] / А. Н. Аверин, А. Н. Силин, С. Я. Субботин. – Тюмень : Фил. Изд-ва «Тюменская правда», 1989. – 42 с.
3. Айпин, Е. Д. И уходит мой род [Текст] / Е. Д. Айпин // Народов малых не бывает. – М. : Молодая гвардия, 1991. – С. 127–142.
4. Алквист, А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки НИИ возрождения обско-угорских народов [Текст] / А. Алквист ; [пер. с нем. и публ. д-ра наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. – 178 с.
5. Андерсон, Д. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган [Текст]. Д. Андерсон, Д. Дж. Андерсон. – Новосибирск : Изд-во СОРАН, 1998. – 272 с.
6. Анучин, Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах неизвестных в восточной стране» : археолог.-этногр. Эпос [Текст] / Д. Н. Анучин. – М. : Тип. и Словолитня О. О. Гербек, 1890. – 89 с.
7. Бай. От Волги до Иртыша: Археологическо-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири в 1896 году [Текст] ; пер. с фр. Е. Н. Маджи. – Тобольск: Тип. епарх. брат., 1898. – 40 с.
8. Барбакова, К. Г. Особенности социальных перемещений в регионах нового освоения [Текст] / К. Г. Барбакова, В. А. Мансуров // Региональные проблемы социальной мобильности. – М. : Наука, 1991. – С. 115–124.
9. Бахрушин, С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII веке [Текст] / С. В. Бахрушин. – Л. : Изд-во ин-та народов Севера. ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1935. – 86 с.
10. Богораз, В. Г. О первобытных племенах. (Наброски к проекту организации управления туземными племенами) [Текст] // Жизнь национальностей. – 1922. – № 1.

11. Борисов, М. Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки) : в 2-х частях [Текст] / М. Н. Борисов. – Рыбинск, 1995. – 165 с.
12. Валеев, Ф. Т. Западно-Сибирские татары (историко-этнографические очерки). [Текст] / Ф. Т. Валеев. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. – 232 с.
13. Варламова-Кэптукэ, Г. Человек – земли соринка [Текст] / Г. Варламова-Кэптукэ // Литературная газета. – 1990. – 24 января.
14. Вахтин, Н. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. [Текст] / Н. Вахтин. – СПб. – Париж: Издательство Европейского Дома, 1993. – 96 с.
15. Вебер, М. Избранное. Образ общества [Текст] / М. Вебер. ; пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.
16. Вереш, П. Этнокультурное развитие угорских народов [Текст] / П. Вереш // Этнокультурное развитие народов Севера: традиции и современность. – Новосибирск : Наука, 1986. – С. 199–203.
17. Гарантии и компенсации населению Севера России [Текст]. – М.: Полиграфобъединение, 1993. – 86 с.
18. Гельвановский, М. Рынок: формула счастья или трудный путь к согласию? [Текст] / М. Гельвановский, А. Крюкова // Общие-ственные науки и современность. – 1992. – № 2. – С. 13–24.
19. Гемуев, И. Н. К истории семьи и семейной обрядности селькупов [Текст] / И. Н. Гемуев // Этнография Северной Азии. – Новосибирск : Наука, 1980. – С. 86–138.
20. Гемуев, И. Н. Мироззрение манси: Дом и Космос [Текст] / И. Н. Гемуев. – Новосибирск : Наука, 1990. – 232 с.
21. Гемуев, И. Н. Религия народа манси: Культовые места, XIX–нач. XX в. [Текст] / И. Н. Гемуев, А. М. Сагалаев ; отв. ред. Е. И. Деревянко. – Новосибирск : Наука, 1986. – 191 с.
22. Георги, И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов : Ч. I [Текст] / И. Г. Георги. – СПб., 1776.
23. Главные факторы алкоголизации общества в условиях социальных перемен [Текст] // Социологические исследования. – 1997. – № 4. – С. 102–108.
24. Головнев, А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров [Текст] / А. В. Головнев. – Екатеринбург : Ур ОРАН, 1995. – 606 с.
25. Гондатти, Н. Следы языческих верований у маньзов [Текст] / Н. Гондатти // Труды этнограф. отд. имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. VII. – М., 1886. – 50 с.
26. Древний город на Оби: история Сургута [Текст]. – Екатеринбург : Изд-во «Тезис», 1994. – 322 с.
27. Дрегалю, А. А. Европейские ненцы: адаптивные возможности и эволюционная пластичность [Текст] / А. А. Дрегалю, В. И. Ульяновский // Этнографическое обозрение. 1998. – № 6. – С. 69–77.
28. Дунин-Горкавич, А. А. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения [Текст] / А. А. Дунин-Горкавич. – Шадринск : Исеть, 1994.
29. Дунин-Горкавич, А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев [Текст] / А. А. Дунин-Горкавич. – Тобольск, 1911. – 140 с.
30. Закон саами от 12 июня 1987г. [Текст] // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 113–116.
31. Исследователь Севера А. А. Дунин-Горкавич [Текст]. – М.: Галарт, 1995. – С. 49–50.
32. История и культура хантов [Текст] ; под ред. Н. В. Лукиной. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 162 с.
33. Карасев, В. И. Традиционное и промышленное природопользование. [Текст] / В. И. Карасев. – Ханты-Мансийск, 2005. – 20 с.
34. Карьялайнен, К. Ф. Религия югорских народов. Т.2 [Текст] / К. Ф. Карьялайнен ; [пер. с нем. и публ. д-ра ист. наук Н. В. Лукиной]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. – 284 с.
35. Кастрен, М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири [Текст] / М. А. Кастрен // Магазин землевладения и путешествий. – М., 1860. – 495 с.
36. Касум-Ех Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории [Текст] / Касум-Ех. – Шадринск : Исеть, 1993. – 112 с.
37. Концепция развития народностей Севера СССР на период 1991–2010 гг. (проект). [Текст] – Новосибирск, 1988. – 50 с.
38. Концепция развития профессионального образования в Ханты-Мансийском автономном округе [Текст] / под научной ре-

- дакцией акад. Н. Н. Карнаухова, Г. С. Корепанова. – Тюмень: Вектор Бук, 1997. – 24 с.
39. Концепция региональной политики социально-экономического развития малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе (на международное десятилетие коренных народов Мира). [Текст] – Екатеринбург, Ханты-Мансийск : Ханты-Мансийская типография, 1996. – 122 с.
  40. Кориков, Л. Сосьвинские и ляпинские вогулы Березовского округа : очерк [Текст] / Л. Кориков. – Тюмень, 1898. – 24 с.
  41. КПСС в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК [Текст]. – Т. 4. – М. : Политиздат.
  42. Крупник, И. И. Основные направления этноэкологии американской Арктики. Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. [Текст] / И. И. Крупник – М. : Наука, 1988. – 316 с.
  43. Кулемзин, В. М. Человек и природа в верованиях хантов [Текст] / Кулемзин, В. М. – Томск : ТГУ, 1984. – 192 с.
  44. Кулемзин, В. М. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. (этнографические очерки) [Текст] / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. – 223 с.
  45. Кулемзин, В. М. Знакомьтесь: ханты. [Текст] / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.
  46. Куриков, В. М. Российский Север: Проблемы, вопросы, решения. Краткий социально-экономический очерк [Текст] / В. М. Куриков. – СПб. : ТОО "Алфавит", 1996. – 104 с.
  47. Куриков, В. М. Социально-экономические основы ареалов малочисленных народов Севера [Текст] / В. М. Куриков. – Екатеринбург : Ур ОРАН, 1995. – 58 с.
  48. Лукинский, А. Путешествие к вогулам [Текст] / А. Лукинский // Из очерка ботаника Н. В. Сорокина. – Казань : Тип. Ун-та, 1872. – 15 с.
  49. Малахов, С. П. Безработные Югры: социальный портрет [Текст] / С. П. Малахов. – Сургут : Информационно-издательский концерн "Северный дом", социологический центр администрации Ханты-Мансийского автономного округа, 1995. – 130 с.
  50. Мархинин, В. В. Межэтнические браки: состояние, динамика, проблемные ситуации (по материалам социологической экспедиции в национально-смешанные поселения Ханты-Мансийского, Октябрьского и Березовского районов Ханты-Мансийского автономного округа) [Текст] / В. В. Мархинин, И. В. Удалова – Новосибирск : Издательство СО РАН, 1997. – 235 с.
  51. Мархинин, В. В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур (по материалам социологического исследования в районах традиционного природопользования коренного национального и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского автономного округа) [Текст] / В. В. Мархинин, И. В. Удалова. – Новосибирск : Наука, 1996. – 191 с.
  52. Мархинин, В. В. Этнос в ситуации выбора будущего: по материалам социологического исследования образа жизни хантов, ненцев, манси Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа [Текст] / В. В. Мархинин, И. В. Удалова. – Новосибирск : Наука, 1993. – 203 с.
  53. Мифы, предания, сказки ханты и манси [Текст] / [сост. Н. В. Лукина]. – М. : Наука, 1990. – 568 с.
  54. Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова ; научн. ред. В. В. Напольских. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 310 с.
  55. Мурашко, О. А. Этноэкологический рефигиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера [Текст] / О. А. Мурашко // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 5. – С. 83–94.
  56. Национальный состав и владение языками, гражданство [Текст]. – М. : ИИЦ «Статистика России», 2004. – 1130 с.
  57. Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Тюменской области [Текст]. – Тюмень : Тюменский областной комитет статистики, 1995. – 33 с.
  58. Немысова, Е. А. Этнокультурное содержание образования обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа [Текст] / Е. А. Немысова // Северный регион: наука, образование, культура. – 2000. – № 1. – С. 46–49.

59. Новицкий, Г. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 г. [Текст] / Г. Новицкий. – СПб., 1884. – 109 с.
60. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Т. IV. Ч. 3 [Текст] / П. С. Паллас. – СПб., 1788. – 624 с.
61. Патрикеев, Н. Б. Югра: вехи жизни : краеведческий очерк [Текст] / Н. Б. Патрикеев. – Ханты-Мансийск, 1995. – 121 с.
62. Пика, А. И. Малые народы Севера: из первобытного коммунизма в "реальный социализм" // В человеческом измерении. – М.: Прогресс, 1989. – 320 с.
63. Попова, С. А. Мансийская обрядность перевода в иной мир [Текст] / С. А. Попова ; под ред. Н. В. Лукиной // Народы Северо-Западной Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та. – Вып. 9, 2002. – С. 134–161.
64. Программа профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа: концептуальные модели развития и пути их реализации [Текст] ; под науч. ред. акад. Карнаухова Н. Н., акад. Силина А. Н. – Тюмень : Вектор Бук, 1997. – 90 с.
65. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура [Текст] / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : Северный дом, 1993. – 208 с.
66. Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения) [Текст]. – Шадринск : Исеть, 1992. – 75 с.
67. Силин, А. Н. Тюменский Север – не колония [Текст] / А. Н. Силин // ЭКО. – 1989. – № 7. – С. 69–76.
68. Силин, А. Н. Социокультурное развитие Тюменской области: особенности северного региона [Текст] / А. Н. Силин // Вестник СОАНВШ. – 1997. – № 2. – С. 21–30.
69. Соколова, З. П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода [Текст] / З. П. Соколова. – М. : Наука, 1983. – 325 с.
70. Соколова, З. П. Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси) [Текст] / З. П. Соколова. – М. : Наука, 1990. – 208 с.
71. Соколова, З. П. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы [Текст] / З. П. Соколова, Н. И. Новикова, Н. В. Сорин-Чайков // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 1. – С. 74–89.
72. Соколовский, С. В. Понятие "коренной народ" в российской науке, политике и законодательстве [Текст] / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 3. – С. 74–89.
73. Социальная организация и культура народов Севера [Текст] – М.: Наука, 1974. – 292 с.
74. Социально-демографическое развитие татарского населения Тюменской области в годы освоения Севера (1960 – 1996 гг.) [Текст] / Н. А. Гарифуллин. – Тюмень, 1997. – 72 с.
75. Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). – М.: Юридическая литература, 1994. – 488 с.
76. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) : сборник документов [Текст]. – Тюмень, 1994. – 318 с.
77. Тюменская область: общество и наука (социально-экономическое и этнокультурное развитие) [Текст] ; под ред. В. К. Левашова, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2005. – 778 с.
78. Федоров, Ю. М. Сумма антропологии [Текст] / Ю. М. Федоров. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. – Кн. 3: Антропологическая историософия. – 714 с.
79. Хайруллина, Н. Г. Взаимоотношения аборигенного населения Тюменского Севера с участниками нефтегазового освоения [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Нефть и газ. – 1998. – № 1. – С. 116–123.
80. Хайруллина, Н. Г. Динамика этносоциальных процессов на Тюменском Севере [Текст] / Н. Г. Хайруллина ; [под ред. Ю. В. Попкова] // Этносоциальные процессы в Сибири : тематический сборник. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2000. – С. 97–101.
81. Хайруллина, Н. Г. Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Социологические исследования. – 1994. – № 7. – С. 150–153.

82. Хайруллина, Н. Г. Состояние этнических процессов в Ханты-Мансийском автономном округе (мнения участников экспертного опроса) [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Нефть и газ. – 1998. – № 5. – С. 119–126.
83. Хайруллина, Н. Г. Социально-политические инновации и массовое сознание: изменения в оценках и мнениях аборигенного населения [Текст] / Н. Г. Хайруллина ; [под научн. ред. А. Н. Силина]. – Тюмень : Вектор Бук, 1997. – 132 с.
84. Хайруллина, Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе [Текст] / Н. Г. Хайруллина. – Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. – 466 с.
85. Хайруллина, Н. Г. Этническая идентификация аборигенных народов Тюменского Севера (результаты социологического исследования) [Текст] / Н. Г. Хайруллина // Нефть и газ. – 2000. – № 3. – С. 117–125.
86. Харамзин, Т. Г. Изучение социально-экономической ситуации в районах компактного проживания народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе и обоснование моделей хозяйствования и управления экономическими процессами в новых условиях [Текст] / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень, Ханты-Мансийск, 1996. – 46 с.
87. Харамзин, Т. Г. Изучение социально-этнической ситуации Ханты-Мансийского автономного округа как этап разработки социологического мониторинга [Текст] / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень, Ханты-Мансийск, 1995. – 48 с.
88. Харамзин, Т. Г. Социально-экономическое развитие обских ургов на этапе перехода к рыночным отношениям (по материалам социологических исследований) [Текст] / Т. Г. Харамзин, Н. Г. Хайруллина. – Ханты-Мансийск: ГУИПП Полиграфист, 1998. – 194 с.
89. Цукор, А. Золотой век Пима [Текст] / А. Цукор. – Сургут : Северо-Сибирское региональное книжное издательство. – 1997. – 144 с.
90. Шесталов, Ю. В организацию непредставленных народов [Текст] / Ю. Шесталов // Стерх. – 1994. – № 1(5). – С. 18.
91. Якобий, А. И. Угасание инородческих племен Тобольского Севера [Текст] / А. И. Якобий. – СПб., 1900. – 38 с.

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок

Харамзин Терентий Герасимович
Хайруллина Нурсафа Гафуровна

Экологическое здоровье обских угров

Научное издание

Редактор, дизайн Харамзин В.Т.
Корректор Саханенко И.И.
Верстка Семенов И.С.

Подписано в печать 25.12.2010.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 16,8. Тираж 300 экз. Заказ № 116.

Отпечатано в Информационно-издательском центре
Югорского государственного университета,
628012, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16